

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

9
ДЕКАБРЬ
1958

Первые шаги

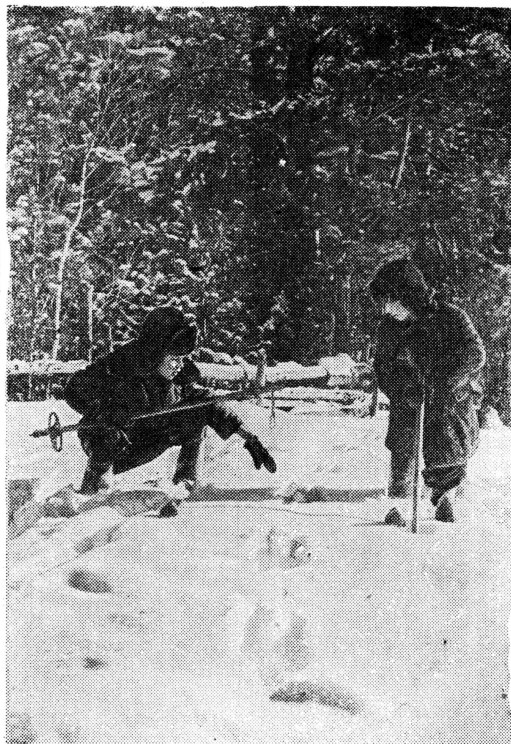
Фото И. Тюфякова.

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

№ 9 · Д Е К А Б Р Ь · 1958

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

СЛАВА НЕ УМИРАЕТ
Сергей Прага

ОГНЕННЫЙ ВОЗДУХ
Из рассказов о семилетке

МЕЧТЫ ВЕЛИКОГО МЕЧТАТЕЛЯ
Н. Пастухов

О СНЕЖНОМ ЧЕЛОВЕКЕ
Из индийского журнала

НАШИ ЗЕМЛЯКИ
И. Юдин, М. Юрин

ЗОЛОТОЙ КРЕСТ
Ю. Левин, Н. Мыльников

ГОРА-НЕВИДИМКА
Г. Михайлов

НА ЦЕЛИНЕ
Ол. Николаев

УРАЛЬСКИЕ НАЗОВИ
Вл. Бирюков

СОКРОВИЩА СТАРОГО СЛЕДОПЫТА
Итоги литературного конкурса

ЧЕРЕЗ УРАЛ
Александр Дюма

БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Чистым снегом вся земля покрыта,
И, вперед шагая по лесам,
Два курносых смелых следопыта
Свежий след читают по складам.

— Кто прошел?
Взволнованные лица.
Пусть ответ не полностью готов,
Первая читается страница
Самой сложной азбуки следов.

Два курносых смелых следопыта
Смотрят вопросительно на снег:
Кто сказал, что все уже открыто?
Может, шел здесь снежный человек?

СЛАВА

Приключенческая повесть

15. Снова сомнения

Весть об удивительной находке Глеба облетела всю школу. Глеб снова и снова рассказывал о встрече с Махаткиным, о ремне, показывал полуистлевший акт, вложив его меж двух листов плекси-ката.

Документ этот побывал и в кабинете директора, и в учительской, и в комсомольском бюро. На старую бумагу смотрели с уважением, хвалили Глеба за сообразительность. Даже Эльпида Панкратовна прониклась уважением к следопытам и вполне серьезно сказала: «Хотите, я дам записку к старшему инспектору криминалистической лаборатории, там смогут восстановить весь текст акта». Но Глеб так посмотрел на нее, что любые дальнейшие разговоры с нею на эту тему исключались. А затем, к огорчению Глеба, никто не просился пойти с ним разыскивать знамя, спрятанное под деревом. Только спрашивали, где бы могло быть это дерево, и сочувствовали. Глеб даже засомневался: верно ли, что найденный акт заслуживает внимания? Как жаль, что Костин дядя уехал! Старый военный человек, конечно, знает, что такое боевое знамя, и подскажет, как поступить. Глебу хотелось потолковать с глазу на глаз и со Светланой. Но она все дни будто избегала его, а, встречаясь, говорила о всяких пустяках.

Как-то из школы они пошли вместе. Сначала молчали. Наконец, Глеб не выдержал, резко остановился и в упор спросил ее:

— Что ты думаешь об акте? Найдем знамя? Никто еще не сказал: «Глеб, давай искать». Будто речь идет не о знамени, а о каком-то пустяке.

— Видишь ли,—спокойно ответила Светлана,—установить фамилию неизвестного героя с виду было трудно, а оказалось, даже неинтересно. И с памятником легко. Памятник поставим. А со знаменем... И Жора, и Коля правы, что со знаменем сплошные «иксы»: фамилий нет, названия села нет, даты нет...

— Они были, но стерлись,—угрюмо проворчал Глеб.

— Конечно, были. Но теперь-то нет? Нет! Ну, что можно делать с этим актом? Я за то, чтобы искать, но... сам посуди: письма писали всем классом, средства собрала вся школа. А здесь? Ведь одни следопыты не пойдут «неведомо куда, искать неведомо что»?

— Значит, нечего искать?—спросил Глеб сердито.

— Давай подождем. Может быть, о знамени нам напишет кто-нибудь из оставшихся в живых бойцов взвода.

— Сидеть у моря, ждать погоды?—Глеб соорудил презрительную гримасу.—Я тебя не узнаю, Светлана.

Они едва не поссорились. Но Светлана сумела успокоить Глеба. Имя погибшего было установлено. А работа штаба следопытов ведь только начиналась. Каждый день девятому «Б» классу почтальон приносил письма. Ответили Омск и Томск, четыре Артемовска, Ленинанкан, Тбилиси, Благовещенск в Башкирии, Сталинградский Городище и Балашевская Елань. С карты СССР сняли одиннадцать флажков, а Жора в дневнике отметил: «Разыскиваемых товарищей не оказалось».

Окончание. Начало см. в № 8.

Не умиряет

Сергей ПРАГА

Рисунки Ю. Ефимова

Но девятиклассники из Пензы, из Баку, Горького, Куйбышева и Кировабада прислали сведения о Ржанове, Опочкине, Лопушине, Гвоздеве и Арсенове — все эти бойцы погибли в тысяча девятьсот сорок первом году. Следопыты получили биографии воинов, фотографии. Смотришь на крошечные портреты, и сердце шемит. Почти все красноармейцы были совсем юными, головы острижены, у каждого значок «КИМ». Давно это было, и не верилось, что всех их нет уже в живых. Биографии у всех были похожие: родились в одном году, учились и по призыву пошли служить в Красную Армию. Сын механика МТС Ефим Опочкин мальчишкой увлекался голубеводством — гонял голубей; бакинец Ваня Гвоздев любил водный спорт, а Максим Лопушин был заядлым филателистом. Уходя в армию, он оставил дома коллекцию марок. Мать Максима обещала прислать коллекцию следопытам Приреченской школы.

С карты убрали еще пять флажков.

И вскоре пришло письмо из Кизляра, о котором специально сообщили в бюллетене. Учащиеся девятого «Б» Кизлярской школы сообщили: Кузьма Дмитриевич Дергачин считался убитым, а потом нашелся — оказался живым и здоровым, заслужил звание Героя Советского Союза, сейчас работает главным архитектором исполкома города Доменска.

Кизлярцы писали:

«Дорогие друзья! Вы подсказали хорошую мысль. Мы решили у себя в актовом зале школы установить мемориальные доски с именами бывших наших учеников, получивших звание Героя, и имена тех, кто пал смертью храбрых, защищая Родину. Отец Кузьмы Дмитриевича,

персональный пенсионер, написал своему сыну в Доменск, ждите вестей оттуда...»

Письма из Доменска ждали, ждали очень долго. Зато пришло не письмо, а целый пакет, увесистый, с сургучными печатями. Глеб вбежал в класс, крича, как ребенок: «Заказная бандероль! Из Доменска!»

Когда разорвали плотную бумажную обертку, все увидели толстый альбом и серый, незаклеенный конверт. Со всех сторон к альбому потянулись руки. Глеб строго сказал:

— Отставить! — и, улыбнувшись, добавил: — Давайте сперва прочтем письмо, а потом посмотрим... Читаю: «Товарищи следопыты! От отца я получил копию вашего письма ребятам Кизляра. До сих пор я был уверен в том, что наш командир взвода лейтенант Станислав Федорович Петров жив. Печально, очень печально...»

— Петров? — с недоверием переспросил кто-то. — Ведь он Антров?!

— Петров! — строго повторил Глеб и продолжал: — «Ваше решение очень хорошее. И поскольку вы работаете над историей нашего подразделения, пересылаю альбом своих зарисовок. Тут набросаны портреты и лейтенанта, и наших бойцов, картинки красноармейского быта, отдельные моменты первых боев. Храните альбом. Посылаю вам также свою фотографию и краткую биографию. Товарищи следопыты, если у вас возникнут вопросы, пишите мне, постараюсь ответить на них».

Все сгрудились над альбомом. Только Глеб, подчеркивая свою выдержку, поглядывал на альбом со стороны и старался читать биографию Дергачина:

— Учился... по призыву пошел в армию. Собирался демобилизоваться, мечтал об учебе, но грянула война... Первые бои, трагические дни отхода на восток, тяжелое ранение... Добродушный лесник, подобранный умирающего... Добрая лесничиха, выхотившая молодого воина... А потом тяжелый путь по лесам к Гродненской пуше, где хозяевами были советские партизаны... За успешное выполнение заданий командования присвоено звание Героя Советского Союза... После демобилизации поступил в институт. В данное время работаю в Доменске... Женат, двое детей...»

Дольше всех рассматривал альбом Коля. Не без зависти рассматривал он смелые, броские рисунки карандашом и акварелью. «Эх, мне бы так», — думал он, бережно листая страницы, и вздохнул.

— Его сохраним, а в историю взвода я постараюсь кое-что перерисовать...

Затем Глеб прочитал вслух биографию Дергачина.

— Мне непонятно, — удивился Толя. — Он уже не Антров, а Петров? Как же так? Или на карточке не его жена, или...

— Или, или, — сердито передразнила его Дина. Она и сама была смущена не меньше остальных. — Муж и жена имеют право носить каждый свою фамилию. Может быть, он — Петров, она — Антрова?

Жора, что бы ни делал, всегда бурчал себе под нос, будто разговаривал сам с собою. И сейчас, раскладывая по папкам последнюю почту, он шевелил губами, что-то шептал и загибал на руке пальцы. Ему не хватило пальцев.

— Шестнадцать... Петров семнадцатый. Пятьдесят восемь с половиной процентов...

— Ты что, Жора, считаешь? — поинтересовался Дима.

— Взвод! — коротко ответил Жора. — Его сильно потрепало. — Он подошел к географической карте, пересчитал флажки, поманил к себе Диму. — Видишь? Осталось десять. Дергачин — одиннадцатый, Махаткин — двенадцатый. Погибло пятьдесят восемь с половиной процентов. Больше половины.

Этот подсчет нагнал еще больше уныния на следопытов.

Как же все-таки? Антров или Петров?

Тбилисцы прислали ребятам ответ на запрос об Антровой: Тамара Алексеевна в сорок четвертом году выехала в Алма-Ату. А архив Министерства обороны коротко уведомил следопытов: «Лейтенанта Станислава Федоровича Антрова в списках погибших нет».

Тогда Дина написала письмо девятиклассникам первой школы Алма-Аты и просила их поискать Тамару Алексеевну Антрову, а Коля взялся за составление запроса в архив Министерства обороны. На этот раз штаб просил выслать сведения о лейтенанте Петрове, командире взвода Н-ского полка.

16. Охладели

«Каждое диво — три дня в диво», — гласит пословица. О находке Глеба очень быстро говорить перестали. Редко кто интересовался: «Ну, как со знаменем?» А следопыты помалкивали. Они уныло, и почти ни на что не надеясь, ждали: может быть, кто-нибудь из бойцов взвода, из тех, кто еще не отозвался, сообщит о знамени какую-нибудь подробность. Только одна Дина каждый день, уединясь с Глебом где-нибудь в сторонке, шепотом спрашивала его:

— Ничего не надумал?

— Ты пойми, — убеждал ее Глеб, — нам написали: Полога и Кедровский пропали без вести. Значит, они погибли тогда, когда сообщить родным об этом не было возможности. Это, наверное, произошло за линией фронта. Стало быть, о знамени они никому не сообщили. Вот если бы нам расшифровать имя, отчество и фамилию члена партии, подписавшего акт, тогда бы мы написали в ЦК КПСС и попросили бы сообщить, где такой-то, получивший партбилет номер икс-икс-семь-икс-сорок пять. И если бы нам ответили, что он жив, мы поехали бы и нашли знамя. Главное, расшифровать... А имен так много. Который день думаю, а ни одного не могу подобрать.

Дина сочувственно кивала головой. Она теперь была единственной сообщницей Глеба, старалась проникнуть в тайну акта, может быть, даже больше, чем он сам.

Дина всегда была мечтательницей. Ни один из педагогов не помнил, чтобы Дина когда-нибудь напросилась бы отвечать урок или подняла бы руку. Когда учитель входил в класс, Дина замирала в спокой-

ной позе. Ее большие круглые глаза смотрели в пространство, на губах застыла полуулыбка. И трудно было понять, слушает она или думает о постороннем, не относящемся к уроку. Но, когда ее вызывали к доске, Дина отвечала только на пять.

Стоило на уроке назвать ее фамилию, она тихо ахала и медленно поднималась, словно только что разбуженная ото сна. Толя Гаурзак, увлеченный автомобилист, подтрунивал над ней: «У Дины позднее зажигание». Дина была мечтательницей, много читала о военных приключениях, о путешествиях, о географических открытиях, о пограничниках. В кружок следопытов Дина записалась потому, что ее привлекали походы, бивуаки у костра, приключения и открытия.

Глебу давно бы обратиться к ней: «Дина, будем искать знамя?» Она с радостью согласилась бы. Но Глеб рассчитывал на парней, а самой напрашиваться — Дина стеснялась.

Как-то вечером, когда Глеб уже собирался лечь спать, Дина примчалась к нему радостная, возбужденная. С таинственным видом она показала толстый потрепанный журнал.

— Глебка! Это я выклянчила у Тосиной бабушки. Это «Православный календарь». В нем все-все имена, какие есть на свете. Давай посмотрим. Может, найдем имя и отчество того «Белок...»?

Друзья тщательно просмотрели длинный список мужских имен на «А» и «С». Но решить было трудно: «Сера...» — Серафим или Серапион, а «Андри...» может быть и Андрианович и Андриасович.

Еще трудней было с фамилией: можно придумать сотни, начинающихся на «Белок...» — от Белокукушкина до Белокопя.

— Если бы достать карту-десятикилометровку, — вздохнул Глеб. — Махаткин говорит: «После того боя шли дней пять и еще день несли раненого». Сколько километров они могли проходить в день? Пусть двадцать, через силу — тридцать. Я на карту нанес бы пещеру, от нее, на запад отсчитал бы сто тридцать — сто пятьдесят километров и обошел бы все села... Эх, Динка, почему ты не парень?»

И на следующий день Дина принесла карту. Где только она ее достала? Большущее полотнище — на нем тысячи городов и сел, обведенных и подчеркнутых жирными линиями красного карандаша. Когда Глеб развернул карту, у него да-

же дыхание перехватило. А Дина с гордостью посмотрела на него, но застеснялась и скороговоркой пролепетала:

— То, что ты хотел, — десять километров в сантиметре. Эта карта историческая. На ней делали отметки в годы войны по сообщениям Совинформбюро... Между прочим, только что встретила Костю. Его дядя приехал. Сходи к нему.

Глеб пошел.

Николай Николаевич внимательно слушал юношу, кратким «так... так» подбадривал его, долго и, как показалось Глебу, подозрительно долго рассматривал акт и план на обороте документа. Глеб настороженно ждал, что скажет старый полковник.

Николай Николаевич видел: искать знамя по акту, без названия населенного пункта, в котором он был составлен, — дело почти безнадежное. Так же нелегко узнать по пяти начальным буквам фамилию. А просто «обойти села», как предлагал Глеб, — тоже едва ли будет результат: война стерла с лица земли тысячи сел, а хата, что на плане, могла быть сожжена, разбомблена, и дерево могло не сохраниться. В войну срубить дерево, хотя бы на костер, — пара пустяков.

Полковник раздумывал: «Что же ему сказать?» Не хотелось обескураживать и разочаровывать этого следопыта с умными глазами.

Наконец, Николай Николаевич проговорил:

— Махаткин — чудаки... Шел и не знал, где идет... Хотя скажу из личного опыта — обошел пол-Европы, а помню: «южнее Варшавы», «северо-восточнее Будапешта», а названия сел или городков — хоть убей — не скажу. Так вот... гм... я бы подождал письма от остальных товарищей из списка. Возможно, проявится...

Глеб вздохнул и нерешительно спросил (это была последняя надежда):

— Может, сходить в военкомат?

Николай Николаевич задумался: очень много значит, как рассказать, в каком духе преподнести свою идею. Сможет ли застенчивый мальчик увлечь военкома? Захочет ли военком помочь юноше? И как помочь? Чем именно?

— Отчего не пойти, пойти можно, — нетвердо начал полковник. — Хочешь, вместе пойдем? Я буду вроде консультанта вашего штаба. Завтра после уроков забегай ко мне — пойдем попробуем.

Пошли.

Военком Пирин выслушал путаный рассказ Глеба, долго рассматривал карту лейтенанта Петрова, прочел акт, воссозданный Глебом. И сказал. Но не Глебу, а Николаю Николаевичу:

— Установление памятника лично я приветствую. А вот с этим... — Пирин двумя пальцами приподнял над столом найденный Глебом документ акта. — Не могу сообразить, чем бы помочь. Искать село с силовой башней и домик с одиночным деревом военкомат не может. Конечно, понимаю, обидно: боевое знамя, и вдруг... Но...

— Я сам буду искать! — сказал Глеб сердито.

Военком всем корпусом повернулся к нему. Посмотрел испытующе и улыбнулся:

— Хвалю. Если ваши поиски коснутся нашей области, позвоню районным комиссарам... даже к соседям напишу, попрошу оказать содействие... транспортом или еще чем... Где вы собираетесь начать искать знамя?

Глеб опустил голову:

— Пока не знаю...

Он и на самом деле не знал.

Давая понять, что разговор окончен, военком Пирин поднялся со стула.

— Ну, вот, молодой человек, когда решите, милости просим, заходите...

17. Как же быть дальше?

Письма следопытам шли и шли. Правда, теперь намного реже, с большими перерывами. И они не приносили ребятам особой радости.

На оперативной карте следопытского штаба осталось два флажка: в Москве (не получен ответ на второй запрос в Министерство обороны) и в Алма-Ате. Алма-Атинцы пока ничего не сообщали о

судьбе Тамары Алексеевны, жены Петрова.

Но в руках штаба уже было 29 фотокарточек и столько же биографий бойцов взвода. Из писем одиннадцати оставшихся в живых бойцов лейтенанта Петрова удалось довольно точно на карте прочертить боевой путь подразделения. По тревоге взвод в составе полка от Волковиска двинулся к границе и оттуда отходил на восток. Отходил с непрерывными боями, таял, уменьшался и под конец перестал существовать как боевая единица. Оставшиеся в живых, верные присяге, каждый сам по себе примкнул к отрядам народных мстителей — партизан.

Следопыты спорили. Жора доказывал свое:

— Не хватает биографии самого Петрова, и ничего не известно, как говорит Глеб, о святыне полка. Про знамя никто не написал. Может быть, его и не было. Я предлагаю на этом кончить и придумать другое интересное дело.

Глеб молчал. Действительно, глупое положение: одиннадцать живых свидетелей, и никто из них не обмолвился о знамени.

— Я знаю, почему, — убежденно говорила Дина. — Ты, Глеб, не унывай. В письмах мы просили сообщить нам фамилию командира взвода, его звание, прислать биографии и фото бойцов. Они и прислали. Надо теперь запросить специально о знамени, и тогда...

— Ну, вот, — недовольно перебил Жора. — Значит, снова писать, опять флажки ставить, ждать... Этак год пройдет!

— Писать — долгая история, — серьезно согласился Глеб. — Нам надо встретиться и поговорить с живыми людьми.

— Пойти к директору и сказать: освободите от уроков — я на «ТУ-104» лечу в Благовещенск. Так, что ли?

— Нет, не так, — со злостью отрезал Глеб. — Надо подумать — как! Горск, например, близко, но товарищ Махаткин ничего не знает, во взводе он был несколько дней. А вот в Доменске живет Дергачин. Надо поехать в Доменск.

Спорили, спорили и решили созвать собрание.

Первая четверть учебного года подходила к концу, все уже знали предварительные отметки по всем предметам. Глеб назначил заседание штаба следопытов, да такое, что приглашались все желающие.

В очередном бюллетене штаба Коля поместил об этом объявление:

«Всех! Всех! Всех! Следопыты приглашают обсудить, что делать дальше...» И к назначенному часу в девятый «Б» неожиданно пришло столько ребят, что пришлось принести все стулья из учительской, а на каждой парте сидело четверо.

Собрание повела Светлана. Не успела она объявить о начале, как дверь открылась, и бочком пролез худенький, кареглазый мальчишка. Засунув руки в карманы, он поддернул брюки и громко спросил:

— Можно присутствовать?

Светлана сурово посмотрела на него:

— Тебе что надо?

— Я на собрание следопытов. Из третьего «А»,— деловито ответил мальчик, приподнимаясь на цыпочки и высматривая, где бы сесть.

Костя вышел к нему навстречу, схватил за рукав гимнастерки, попытался вернуть его кругом.

— Давай отсюда. Ты еще маленький.

Лицо малыша сморщилось в обиде, на глаза набегали слезы. Он вырвался и проговорил:

— Д-а-а-а! Когда на памятник деньги, банки, макулатуру, металлолом собирать, так мы... а теперь маленькие, да?..

Все засмеялись, но тут же и умолкли. Мальчишка стоял, понимая, что довод его правильный, и ожидал. Тогда Дина подбежала к Косте, сердито сказала:

— Не трогай его! Пусть! — и подвела третьеклассника к своей парте: — Давай сидем рядом.

Собрание проходило бурно. Одни считали: поскольку полностью установлены звание, фамилия, имя и отчество погибшего офицера, и есть средства на сооружение памятника лейтенанту Петрову, теперь только осталось написать историю взвода. Другие горячо доказывали, что без биографии командира история взвода не получится. Третьи убеждали, что поиски и работа не закончены: историю подразделения и личность командира нельзя отделить от боевого полкового знамени. Тайна знамени еще не раскрыта, надо его найти.

Как всегда, против Глеба выступил Дима Карпин:

— Groш цена твоей тайне! В твоём

тайнственном документе не указано село. Пойди обойди все села!

Дина кричала с места:

— Ты, Димочка, никакой не следопыт! Ты хозкомиссия, экономист! Сидел бы уж и молчал.

— Ну, давайте вынесем решение, — начал злословить Дима. — «Следователей по особому таинственным делам Глеба Кемчугова и Дину Дарвазову командировать на два года во все стороны белого света, чтобы они подняли всю милицию и нашли тех, кто знает, где знамя!» А о нем никто и не знает! Ясно? Я считаю: работа окончена. Следопыты должны идти вперед, а не топтаться на месте. Литкружок будет писать историю звезда, от Министерства обороны придут сведения о лейтенанте Петрове, и мы впишем их, куда надо. А знамя... Знамя искать нечего.

Махнув рукой, Дима сел. Споры продолжались.

В конце собрания встал Глеб, долго и внимательно смотрел на всех присутствующих и в наступившей тишине сказал серьезно, задушевно:

— Спасибо всем, кто пришел сюда и поддержал настоящих следопытов. — Потом подумал и добавил твердо: — Я на Октябрьские праздники поеду в Доменск, повидаюсь с Кузьмой Дмитриевичем Дергачиным. И вот увидите... Мы найдем знамя!

Дина торжествующе посмотрела на Диму и показала ему язык.

Дома Глеб объявил о своем решении матери. Мать Глеба души не чаяла в своем единственном сыне. Глеб и лицом, и голосом, и повадками напоминал ей погибшего мужа. И хотя у нее в сумочке всегда было при себе извещение о том, что капитан Игорь Романович Кемчугов пал смертью храбрых в боях под Орлом, она — вот уже который год! — все же надеялась: а вдруг — ошибка? Вдруг найдется?

От матери у Глеба не было тайн. С ней он делился самыми сокровенными мыслями. С собрания он пришел удрученным и с горечью, с обидой рассказал матери о всех разногласиях между следопытами.

— Ты понимаешь меня, мама! Мне кажется... Нет, даже не кажется, а я уверен: стоит мне повидаться с Дергачиным — мы найдем знамя. Ведь до Доменска совсем недалеко!

— Ну, что ж, поезжай. Пятого, как отпускают из школы, так и отправляйся, —

Владимир ВЕЙХМАН

К берегам **АНТАРКТИДЫ**

Владимир Вейхман окончил среднюю школу в Кировграде, где и начал писать стихи. В 1952 году он уехал в Высшее инженерно-морское училище, плавал в Арктике, участвовал в антарктических экспедициях на теплоходе «Кооперация» и дизель-электроходе «Обь» к поселку Мирный. И сейчас Владимир Вейхман находится в плавании. Его стихи нам прислало литобъединение города Кировграда.

Грохотала волна,
Набегая
На камни и дюны.
Ветер осени поздней
На Балтике пенил валы.
Укрывались в порту
Низкобортные шхуны,
Приумолкли на рейдах
Буксиры —
Морские волю.
Снова пенное море,
И чайка, летящая низко,
И большие дороги
На многие тысячи миль.
Далеко позади —
Волноломы Балтийска,
Их укрыла от глаза
Колючая снежная пыль.

поддержала Глеба мать.— Денег на дорогу я тебе дам...

И уже шестого ноября утром Глеб был в Доменске. Там он без труда разыскал улицу, дом, квартиру. Двери ему открыл мужчина среднего роста. На Глеба настороженно смотрели синие глаза под сурово насупленными бровями.

— Я следопыт из Приреченской школы,— сказал Глеб, отбросив робость и нерешительность.

Как только он отрекомендовался, Дергачин сердечно пожал ему руку и пригласил в комнату. Усадил. Засуетился. Проговорив «Одну минутку», торопливо вышел, распорядился о завтраке поплотнее, быстро вернулся:

— Давайте, давайте поговорим.— Он начинал все больше и больше волноваться.— Что интересует следопытов?

На пути из Приреченска Глеб до мельчайших подробностей продумывал предстоящий разговор. Он подготовил все

вопросы, подготовил каждую фразу, всю свою речь. Но к тому, что перед ним будет Герой Советского Союза,— Герой! — Глеб не приготовился, хотя и знал, что Дергачин — Герой.

— Мы,— смущенно начал Глеб,— мы изучаем историю вашего взвода... В общих чертах нам почти все известно, но... что вы знаете о полковом знамени, которое хранилось у лейтенанта Петрова?

Дергачин чуть склонил голову набок, тяжело и тревожно задумался:

— Знамя?... М-да... В первые дни боев знамя охранял наш взвод... Потом уходили на восток... Когда меня ранило осколком, знамя было. Наш взвод не мог оставить знамя... А что? Оно попало к гитлеровцам?... Или его теряли, а вы теперь нашли где-нибудь?..

Глеб вытащил из кармана на груди и осторожно развернул акт, найденный в поясе лейтенанта Петрова:

— Мы нашли вот это... Частично вос-

Удержись-ка на палубе!
 Кренится круто и резко
 Теплоход,
 Разъяренной стихией влеком.
 Старый боцман
 На лоб нахлобучил зюйдвеску,
 И кричит,
 И кому-то грозит кулаком.
 Море, море!
 Шумишь ты
 Напрасно и глупо,
 В нас есть свойства упорства:
 Назад ни на миг!
 Не оно ли вело
 Неказистые шлюпы
 Мореходов,
 Открывших шестой материк?!
 Мы наследники тех,
 Кто открыл Антарктиду,
 Отодвинув опасностей прочный засов.
 Кто ни бурям, ни льдам
 Не давался в обиду
 И нигде
 Никогда
 Не сбавлял парусов.
 Что ж, встречай непогодой,

Болною крутою,
 Растревоженный,
 Ветром наполненный
 Мир.
 Мы придем к нашей цели,
 Чтобы ясной чертою
 Заменить
 Неуверенный робкий пунктир.

становили недостающие буквы и слова. Лейтенант Петров и бойцы Полога и Келеровский под ответственность члена партии, очевидно, жителя села, где шел тот тяжелый бой, о котором рассказал товарищ Махаткин, спрятали знамя. Следопыты и решили найти его. Я думал...

Дергачин взял бумагу, бережно разгладил на столе, прочитал, медленно шевеля губами, все, что можно было прочитать, и долго, не мигая, смотрел на число «45» в конце неразгаданного документа. Потом прикрыл повлажневшие глаза: ему хотелось представить тот тяжелый, безвыходный бой, который заставил лейтенанта Петрова решиться на самую крайность — закопать святыню полка во дворе едва ли знакомого ему человека.

Они сидели несколько минут молча, неподвижно, друг против друга — Герой Советского Союза и парнишка-следопыт. Наконец Дергачин тряхнул головой:

— Нет! Не представляю. Нет!.. Мне

в таких переделках бывать не пришлось... Что же, молодой человек, простите, но вы занимаетесь таким серьезным делом, что мне просто неловко вас называть Глебом. Как вас по батюшке?

Глеб покраснел и буркнул:

— Папу Игорем звали.

— Да, Глеб Игоревич! — продолжал Дергачин. — Очень трудно что-либо посоветовать. Посудите сами, при мне знамя полка было, а в той пещере не оказалось. Знаете что? Надо повидаться с нашим «эн-ша» — «наш начальник штаба», — так мы называли Мишу Мосеева. Много о нем можно рассказать интересного. В войну он показал себя храбрым и находчивым. Побывайте у него, сами все узнаете. Он сейчас работает начальником станции Озерки, недалеко, западнее Приреченска... С первого же дня службы я делал зарисовки, а Миша вел дневник, — он и в боях писал, мы его и называли «начальник штаба» в шутку...

18. Новое решение

Вернувшись домой, Глеб злился на себя: не к Дергачину в Доменск, а к Мосееву на станцию Озерки следовало ехать. Как он не догадался! Ведь из описания боевого пути взвода, присланного Михаилом Несторовичем Мосеевым, видно: взвод фактически существовал до боя возле высокого ветряка и силосной башни у развилки дорог, северо-западнее какого-то села. В том селе и был последний бой лейтенанта Петрова.

Но где это? В каком районе?

Глеб раздумывал, сидя дома у окна. Сгушались сумерки. Часы пробили пять. «Скоро придет мама,— подумал Глеб.— На новую поездку денег она не даст...» Глеб встал, включил электричество, наскоро навел порядок в комнате и подошел к карте-десятикилометровке.

Он твердо верил, что село найти трудно. Надо только достать еще более подробную карту. Вот крестик-пещера. Глеб отмерил от нее циркулем сто двадцать километров на запад, нашел местечко, оставшееся в памяти Мосеева. После этого местечка через два-три дня и разыгрался роковой бой. Глеб отсчитал еще пятьдесят километров на восток и между двумя линиями вписал круг с поперечником в пять сантиметров. Подсчитал села, оказавшиеся в нем. Получилось не очень много — всего двадцать. В каком же из них был последний бой? Если пойти на лыжах, от села к селу, можно за две недели побывать везде.

Но кто захочет, кто сможет искать знамя? Искать упорно, настойчиво. Найдутся такие люди. Обязательно найдутся!

С этими мыслями Глеб пришел к Костиному дяде. Доводы Глеба пришлись по душе полковнику в отставке.

— Тут, брат ты мой, уже пахнет реальностью. Это уж не бог весть какая площадь! Сам не найдешь — люди подскажут. Но учти, на твоей карте нанесены не все пункты: сел на самом деле больше. Я достану тебе карту-полукилометровку, по ней проверим.

И действительно, по просьбе Николая Николаевича военком Пирин показал Глебу необходимые листы карты — пятьсот метров в сантиметре — и серьезно сказал:

— Это наша область. Вздумаете отправляться в поход — заходите. Напишу

письма районным военкомам. Они вам помогут. В районах легче.

Весь вечер Глеб просидел в кабинете военкома. Пятисантиметровый круг на десятикилометровке, перенесенный на новую карту, вырос в двадцать раз. В нем оказалось сто тридцать девять населенных пунктов, и в половине из них — ветряки и силосные башни. Правда, не все башни стояли у развилки дорог, а многие ветряки располагались в крупных селах, которые Глеба не интересовали.

И Глеб опять засомневался: можно ли на самом деле разыскать знамя? Он пришел домой поздно, лег, не захотев ужинать, долго не мог уснуть, и ночью его мучили кошмары: снились бесконечные полотнища карт, на них стоял лес из ветряков, все они крутились в разные стороны, а Глеб шел от ветряка к ветряку, спотыкался, падал и снова шел, шел. Страшный сон.

Назавтра Глеб получил тройку по физике и двойку по алгебре и не удивился, когда его вызвали к директору школы.

— Вы что же, Кемчугов? — строго сказала ему директор. — Вы — единственный сын у матери, она только что не молится на вас, а вы!.. Поройтесь в памяти, когда-либо у вас бывали тройки? — Директор мягко постучала пальцем по столу. — Не исправите — пеняйте на себя. Я вынуждена буду запретить кружок следопытов. Делу время — потехе час.

— Это не потеха, — пробурчал Глеб. Но добавил твердо: — А отметки я исправлю. Даю слово.

— Я понимаю, понимаю, — сказала директор другим тоном, встретившись взглядом с глазами Глеба. Глаза были спокойные, суровые, глаза взрослого человека. И она проговорила: — Не за горами каникулы, тогда и действуйте, ищите...

— Спасибо! — воскликнул Глеб и опрометью выбежал из кабинета директора. Он последнее время так переживал свои следопытские неудачи, что забыл о каникулах впереди. Каникулы! Вот когда в распоряжении Глеба будет целых две недели!

Он сдержал слово и вскоре исправил плохие отметки. А тут и пришло письмо из Алма-Аты. В нем сообщалось, что разыскиваемая Тамара Алексеевна Антрова в 1948 году выехала на родину, а куда — неизвестно. И у Глеба окончательно сложился план действий. Даже когда Дина предложила написать во все

19. В Озерки

сельские школы того района, где, как думает Глеб, шел последний бой взвода, написать подробно, акт сфотографировать и тоже послать, Глеб отверг ее замысел.

— Нет,— сказал он.— Не будем. В каникулы я побываю у Мосеева на станции Озерки. А потом решим.

И, главное, Светлана согласилась с Глебом:

— Правильно, Дина, он задумал. Пусть. А летом организуем поход по следам взвода и будем искать.... Я поехала бы с Глебом в каникулы, да, сами знаете, мама в командировке, а на моих руках сестренка и братик...

— Я поеду один,— твердо сказал Глеб.— Возьму лыжи и поеду. Мне легче. Коля занят своими рисунками, у Толи зимние автогонки, у Жоры пальто ветром подбито, на «рыбьем меху», а Костя — в комиссии: елку малышам делает. В общем, еду.

Дина обиженно надула губы, не говоря ни слова, схватила сумку с книгами и выбежала из класса.

— Ай, маменькина дочка! Не обращай на нее внимания,— успокоил Глеба Костя.

Провожать Глеба на вокзал пришли все следопыты, кроме Дины. «Обиделась»,— подумал Глеб. А ведь и собрать складчину на билет Глебу взялась Дина, и билет на поезд покупала она. Говорили о всяких пустяках, как это бывает при расставаниях, когда все уже переговорено. Пришли на вокзал поздно, за несколько минут до отхода. Глеб еще раз проверил в карманах, все ли взял с собой, что нужно. Накануне он был в военкомате, и Пирин дал ему письма двум военкомам. В бумагах была фраза: «При нужде оказать помощь товарищу Кемчугову Глебу Игоревичу», и Глеб немножко гордился, что его величают по отчеству в официальных документах. Но о письмах он никому, кроме матери, не сказал. Решил, что при неудаче насмешек меньше будет...

Объявили по радио об отходе поезда. Глеб вскочил на подножку, замахал рукою и, глянув вдоль перрона, увидел: расталкивая провожающих, бежит Дина в лыжном костюме, с рюкзаком за плечами, с лыжами под мышкой. Поезд тронулся. Дина сунула лыжи Глебу и, запыхавшись, кое-как успела ухватиться за поручни.

— Уф! Чуть не опоздала.

Глеб, едва не сбив с носа свои очки, подержал ее, помог взобраться в тамбур вагона.

— Ты это куда?

Дина сделала вид, что удивлена вопросом:

— Я?.. В Озерки... Можно с тобой? А не хочешь — поеду одна. Подумаешь! — и тоном заговорщика добавила: — Я маме сказала: «Отправляемся всем классом». Иначе не пустила бы.

На уплывающем назад перроне кто-то восторженно присвистнул, кто-то крикнул:

— Ай да Динка!

Дина помахала ребятам и крикнула:

— Постарайтесь не попадаться на глаза моей маме!.. Потом объясню-ю-у!..

Поезд помчался. Быстро промелькнули городские окраины. За стеклами, разукрашенными причудливыми холодными узорами, вскоре побежали заснеженные поля. Монотонно стучали на стыках колеса. Сидя в вагоне, Глеб молчал. Он с притворной внимательностью читал старую газету, оставленную кем-то на столике, и думал: как быть? Дина могла нарушить все его планы.

А его неожиданная спутница то увлеченно поглядывала в окно, то заговаривала с другими пассажирами, быстро перезнакомилась с соседями и не обращала на Глеба никакого внимания.

Прошло несколько часов. Вечером появился проводник с постельными принадлежностями в руках. Глеб достал из кармана книжечку, взглянул на часы и, ни к кому не обращаясь, громко сказал:

— Поезд опаздывает на пятнадцать минут.

Кто-то из пассажиров усомнился: «Не может быть!» Глеб сослался на справочник. Проводник с любопытством посмотрел на Глеба, на справочник, затем опять на Глеба, потом на часы.

— Нормально идем, — сказал он. — Минута в минуту. Сейчас будут Крутые Бугры.

Глеб уверенно ткнул пальцем в расписание поездов.

— А Озерки?

— Озерки? — удивился проводник. — Э-ва! Озерки проехали. Скорый на таких не останавливается... Озерки...

Дина в панике схватила свои вещи и заспешила к выходу. А проводник нравоучительно объяснил Глебу:

— Вам придется сойти на Крутых Буграх. Сутки переждете и обратно — почтовым. Знать надо...

Глеб тоже собрался и пошел в тамбур. Дина стояла там и отворачивалась

от Глеба, и Глеб злился: «Чего это она? Разве я виноват, что билет не на тот поезд оказался?»

Крутые Бугры встретили молодых путешественников неприветливо. На перроне они узнали, что до Озерков по шпалам двадцать девять километров, что почтовый поезд, останавливающийся на станции Озерки, будет только через двадцать один час. Глеб и Дина зашли в малюсенький вокзальчик.

Там было пусто, холодно, неуютно. Неприятная лампочка под потолком скупо освещала невысокое помещение.

— Вот что значит — не везет! — бурчал Глеб. — И все из-за тебя! Я так расстроился, что забыл узнать про Озерки... Жди вот теперь...

Дина смолчала, положила возле Глеба свой рюкзак и лыжи и отправилась бродить по станции. Глеб попробовал вздремнуть, но холод забрался под пальто, в ботинки и начал пощипывать кончики пальцев. Глеб стал ходить возле скамейки взад и вперед. Потом опять сел и едва не заснул, но прибежала Дина.

— Глеб! Глеб! Глеб!.. На дворе минус девять. Луна как солнце, светло-светло... Я говорила со стрелочником — до Озерков есть великолепная дорога напрямик, и всего четырнадцать километров. Чем терять сутки, давай пойдем пешком. Добежим.

Глеб посмотрел на нее. Щеки Дины разгорелись на легком морозце, ей было жарко. А Глебу холод начинал сковывать суставы. Четырнадцать километров не так много. Он поехал, пожал плечами, но сказал весело:

— А не собьемся?

— Нет, — уверяла Дина. — Как выйдем за семафор, так будет дорога. Стрелочник говорит: «Прямо и прямо». Пошли, Глеб, а то замерзнем... Пошли...

Встали на лыжи, отправились.

Проселочная дорога от Крутых Бугров до Озерков пролегала через лес в болотистой низине. Ночь выдалась на редкость светлая, лунная, чистый снег присыпал все вокруг, идти было легко. Ровный ветерок дул в спину.

На повороте у километрового столба Глеб остановился, посмотрел на часы.

— Эдак часа через полтора дойдем. Ты не устала?

Дина не успела ответить. Где-то в лесной чаще раздался протяжный вой. Он прокатился по лесу, отозвался эхом,

и сейчас же, чуть ли не из кустов у обочины дороги донесся ответный вой на более низких нотах.

— Волки!— прошептала Дина.

Глебу стало страшно. Но он не подал виду перед спутницей, лихо поправил шапку:

— Слышу... чепуха...

Но волки, видимо, приближались. То справа, то слева слышалось их завывание. Все громче и громче. Казалось, тысячи хищников перекликаются меж собой и окружают со всех сторон двух безоружных следопытов.

— Вот они!— показав на дальний куст, громко крикнула Дина и остановилась.

Глеб давно заметил зеленоватые огоньки, передвигающиеся параллельно с ними, но молчал. Он нарочито грубо ответил:

— Не выдумывай глупости. Пошли!..

Вой утих. Метрах в двадцати впереди большой темный силуэт зверя огромными прыжками перескочил через дорогу и скрылся в темноте.

— Я не могу идти,— прерывающимся шепотом сказала Дина, прижимаясь к Глебу, схватив его за локоть обеими руками.

Глеб хотел прикрикнуть на нее, но вдруг и сам остановился. Преграждая ребятам путь, на белом полотне дороги стояло два волка. Глеб с опаской оглянулся назад через плечо — следом за ними, прямо по свежей лыжне на снегу медленно полз, мелко перебирая ногами, еще один матерый волк. Глеб и Дина замерли. Окаменели в ожидании и волки. До ребят доносились прерывистое дыхание и тихое подвывание хищников.

— Не бойся, не бойся,— тихо успокаивал Глеб не столько Дину, сколько себя самого.— У нас есть лыжи, палки...

Волки, поджав хвосты, встали боком и медленно-медленно приближались. Один даже лязгнул челюстями. Глеб держал палки наперевес. Дина прижалась к нему спиной и тоже взяла на изготовку лыжные палки. Что же делать? Не убежишь. Догонят, окружат, набросятся, загрызут. Еще один хищник щелкнул зубами, Дина вздрогнула, толкнув Глеба, у него в кармане встряхнулись спички, и сразу мелькнула счастливая мысль: «Огонь! Спасение в огне!»

Глеб поспешно вынул из кармана газеты, торопливо развернул их, стал

крутить жгут. Шелест бумаги насторожил хищников: наострив уши, они слегка попятились.

— Скорее, скорее,— заторопила Дина. Она с налету поняла, что он хочет делать, вытряхнула свой рюкзак и начала освобождать свои газеты, в которые были завернуты бутерброды, запасной джемпер.

Глеб чиркнул спичкой, поднес ее к газетному жгуту. Вспыхнуло пламя. «Вперед!»— крикнул он и, размахивая факелом, ринулся по дороге.

— Агу! Агу! О-о-о! И-и-и!..— не отдавая себе отчета, что было сил закричала Дина и побежала за Глебом. Испуганные огнем, хищники уступили дорогу, кинулись в темные кусты за обочиной. А Глеб и Дина бежали и бежали, на ходу зажигая один газетный жгут о другой. Деревья начали редеть, мельчать, наконец, дорога взобралась на лысую горку.

Сгорела последняя газета. Глеб остановился и, тяжело отдуваясь, обернулся. Волков не было.

— Вот!.. Все из-за тебя!.. — напустился он на Дину. — Напали бы, загрызли — отвечай за тебя перед твоими родителями.

— Они бы тебя сначала съели. Я визжала, а они визга боятся, — нервно засмеялась Дина и пошла вперед, еле управляя дыханием. — Посмотри, какая прелесть! — вдруг крикнула она.

Перед ними в низине за горкой сверкала толпа электрических огней, среди них, словно в воздухе, по-приятельски подмигивали зеленые фонари семафора. Будто приветствуя следопытов и разгоняя тревожную зимнюю ночь, из далекого леса донесся гудок электровоза.

Они долго стояли на горке, не двигаясь. Но Глеб смотрел не на станцию Озерки — свою заветную цель, а на маленькую Дину рядом.

— А ты настоящий следопыт. Смелая, — наконец проговорил он. — Ну, пошли.

Через полчаса они сидели в теплой комнате начальника станции Михаила Несторовича Мосеева и рассказывали, кто они и что их привело в Озерки. О происшествии в пути, не сговариваясь, умолчали.

Но Дина все-таки улучила момент и шепнула Глебу:

— А ведь это я виновата: я билеты взяла не на тот поезд.

20. Проблеск надежды

В квартире Мосеева было уютно. В чугунной печке потрескивал уголь. Чайник тянул бесконечную песню.

Глеб разложил на столе карты: найденную в пещере и свою, нарисованную по военкоматской. Мосеев задумчиво смотрел на них и вспоминал:

— Да... Так... Шли... Вот тут наш полк разбили, взвод остался один... Гм!.. Взвод!.. Меньше двадцати человек... С боями двигались, а как уперлись в Дуть, у Станислава карта кончилась, и пошли вслепую. Мы к фронту — он от нас. Да так и не дошли. В одном последнем для взвода бою нас разметали, еле выбрались, кто куда. Начали действовать по одиночке. Жаль, многое забылось. Сколько лет прошло!..

— А знамя? Полковое знамя? — нетерпеливо спросила Дина.

— Знамя? — переспросил Мосеев. — Сначала, когда взвод остался один, знамя несли по уставному, в чехле. А как пошли звериными тропами, через леса, Станислав распорядился знамя снять с древка... Сняли, и сам Станислав его на груди хранил под гимнастеркой... Так, видно, и истлело оно в пещере. Погиб человек, и знамя погибло... Жаль...

Дина, прямо как мальчишка, подмигнула Глебу. Глеб вынул из кармана акт, долго разворачивал его, потому что документ он обклеил с двух сторон папиросной бумагой. Дина не вытерпела, поспешила сообщить:

— Мы обнаружили это.

Мосеев схватил документ, прочел все несколько раз и сосредоточенно, с серьезным уважением посмотрел на следопытов.

— Так... Так... Так... Интересно. Полагаю... Кедровский... Где же это могло случиться?.. В каком же это бою?.. Ах, ты, — Мосеев озабоченно и напряженно щелкнул пальцами. — Ну, ясно! В последнем бою нашего взвода...

— Где, в каком селе? — в один голос спросили Глеб и Дина.

Мосеев, щуря глаза, уставил взгляд в никуда, думал, думал, затем снова склонился над картой, долго смотрел на нее.

— Село... Гм... Ветряк помню. Силосная башня — как сборный пункт... Село не очень большое... Где-то тут... — Склонившись ниже, он водил пальцем по карте Глеба. — Где-то в этом районе. — И он уверенно положил руку на карту, прикрыв ладонью район, тот самый, который Глеб собирался обойти.

— Название села не помните? — спросила Дина.

— Нет, — покачал головой Мосеев. — Вечером вошли и как в мышеловку попали. Село-то было окружено гитлеровскими карателями. Не успели закурить, как начался бой. Через связного Станислав приказал нам выходить по одному к силосной башне. Да к ней, видно, никто пробраться не смог... Оставалась одна дорога — в лес. Оттуда — кто куда. Я лично со Старакиным и Железновым пристал к партизанскому отряду майора Соколова. С ним в Карпаты ходил и войну кончил. — Мосеев посмотрел на часы, положил руку на плечо Глеба. — Давайте сделаем так: девочку уложим спать, а

ЗОЯ БУДЕТ ЛЕТЧИЦЕЙ

Вряд ли Зоя думала, что будет настоящей летчицей, когда семилетней девочкой играла с мальчишками «в пилоты». Решительно прыгала со старенького дровяника, воображая его горящим самолетом. Лучше приятелей-мальчишек разбиралась она в марках самолетов, безошибочно различала их по звуку.

Прошли годы. И вот Зоя в полете. Правда, пока еще не боевая машина подчиняется ей, а легкий планер, и не тысячи часов провела она в воздухе, а только тридцать шесть.

Студентка 4-го курса строительного техникума, она вот уже 3 года занимается в аэроклубе ДОСААФ.

Сейчас Зоя — планерист 2-го разряда, а ей всего двадцать лет. Впереди вся жизнь. И тот, кто хоть раз поговорит с этой настойчивой и смелой девушкой, не усомнится, что наступит день, когда новый командир корабля Зоя Григорьевна Шахисламова уверенно поведет свою машину.

Фото П. Кошелева

сами займемся. Что вспомню, расскажу. Во всяком случае, нанесем поточнее боевой путь взвода до Други, а дальше по памяти протянем. Утречком посажу вас на приреченский поезд...

Глеб прервал Мосеева:

— Дину отправим, а мне надо... Я сюда,— он пальцем ткнул в карту.— Я буду искать село.

Дина под столом больно наступила Глебу на ногу, а рукой сначала больно ущипнула его, потом схватилась за пуговицу на его куртке.

— Это что за новости? Ты соображаешь?.. Вместе приехали — вместе будем искать...

Глеб хотел посмотреть на Дину решительно и непреклонно, чтобы сказать безоговорочное «нет». Но у него такого взгляда не получилось,

21. Сера... Андри... Белок...

Письмо полковника Пирина на военкома Волошского района произвело должное впечатление. Он прочел его и сказал:

— Великолепно! На ваше следопытское счастье, офицер из второй части, старший лейтенант Колин, через час выезжает в район. С ним вы и поедете. Он вас и кормить будет. Лыжи советую оставить, мешать будут. Между прочим, должен предупредить: у нас что ни село — то ветряк и силосная башня, а то и несколько. Приметы ваши очень неустойчивые.

Двое суток следопыты с офицером из военкомата кочевали по дорогам района.

Попадались села большие и малые. Почти в каждом из них крутился ветряк, и возвышалась силосная башня. Но то ветряк оказывался послевоенным, то силосная башня стояла не у развилки дорог, а в центре села. Кое-где приметы совпадали, но оказывалось, что во время войны в этих селах боев не было.

Старший лейтенант Колин обращался с Глебом как с равным, а с Диной был предупредительно вежлив. Ребята приуныли, грустно молчали. Обезд района близился к концу, а результатов никаких. Оставалось посетить села большого колхоза «Вольный хлебороб» и отсюда возвращаться в Волошск. Конец, бесславный конец поискам.

Глеб подсчитывал дни до начала занятий в школе. Выходило, что они с Диной едва-едва успеют приехать домой. И надо же — ко всему, как назло! — у райвоенкоматской машины сломалась на каком-то ухабе левая полуось. Шофер без всякого энтузиазма прикинул: «Пока в район сообщат, да пока из района, если найдут, привезут нужную часть, пройдет пять дней». Получалось, что ребята теперь и на занятия опаздывают.

Но Дина к расчетам шофера отнеслась спокойно, даже равнодушно. Глеб опять начал злиться на нее. Он не знал, что старший лейтенант по телефону связался с военкомом, доложил о происшествии, получил распоряжения.

И Дина посмеивалась над Глебом:

— Какой же ты следопыт, если ты невера и паникер? Бери пример с меня. Я оптимистка. И по шучьему велению, по моему хотению, пока суть да дело, нас доведут на попутной машине до «Вольного хлебороба». Колхозный ГАЗ-69 здесь, сейчас старший лейтенант на нем приедет за нами.

— Беспочвенный оптимизм не от большого ума, — в сердцах изрек Глеб. Но через минуту действительно подошла машина, и они поехали.

Молодой колхозный шофер оказался неразговорчивым и угрюмым. Он нехотя отвечал на вопросы. А когда Дина спросила, как его зовут, он процедил:

— В ЗАГСе Павлом зарегистрировали.

Машина долго мчалась по заснеженным дорогам то через поля, то через лес, то вбегала на холм, то спускалась в овраг. Глеб задремал, а потом и уснул. Когда въехали в село, Дина едва растолкала его:

— Смотри, смотри! Силосная башня!..

У первого же домика в начале улицы шофер резко затормозил, открыл дверцу машины, крикнул: «Мотя! Я вернулся!» И сейчас же переключил скорость, выжал газ, чтоб через несколько минут остановиться у крыльца правления колхоза.

В правлении было тесно, накурено. Павел вошел первым, с усмешкой поглядывая на председателя, сказал: «Прибыл», — а затем, опершись плечом о дверной косяк, закурил.

Старший лейтенант бывал и раньше в колхозе. Он поздоровался с председателем и представил ему Глеба с Диной.

— Следопыты. Интересуются, были ли бои в нашем селе?

— А где их не было, — нехотя проговорил председатель. — Были, конечно.

— Когда именно?

— Последний раз восемнадцатого мая тысяча девятьсот сорок второго года, — серьезно сказал Павел.

Старший лейтенант посмотрел на него с укором:

— Что так точно? Разговор серьезный. Они следопыты. А ты шутишь.

— Да так, запомнилось, — отвернувшись, сказал Павел. — Отца у меня после того боя...

В эту минуту на улице раздался пронзительный, нетерпеливый автомобильный сигнал. Чей-то застуженный бас громко потребовал:

— Белокопыто, черт, убери свою лайбу!

Не закончив фразы, Павел бросил папиросу и выскочил из комнаты.

Дина шепнула Глебу:

— Белокопыто... Слыхал?..

Глеб бросился из комнаты, спрыгнул с крыльца, догнал шофера и уцепился за полу его ватника.

— Товарищ!.. Как ваша фамилия?

Павел удивленно обернулся и осторожно высвободил ватник из пальцев Глеба.

— Моя?.. Белокопыто... А что?..

— Я вас!.. Мы!.. — У Глеба заплетался язык. Он вспомнил обрывки слов из акта: «Сера... Андри... Белок...» И как-то сразу в голову пришли имя, отчество и фамилия — полностью. Глеб очень много последнее время думал о них.

— Мы ищем Серафима Андриановича Белокопыто! — воскликнул он.

— Это мой отец... — Павел изумленно смотрел на незнакомого ему парня.

У крыльца быстро собирались любопытные. Расталкивая ребятишек, шумным кольцом окруживших Глеба с Павлом, Дина вынуждена была говорить громко:

— Глебка! Я уже узнала: в селе нет ветряка...

— Был ветряк, — вмешался подошедший председатель колхоза. — А как собственную ГЭС пустили, так мы его сняли.

22. Кто хочет, тот добьется

У домика Павла Белокопыто собрался народ. Мужчины и женщины, вездесущие ребятишки плотной стеной стояли у плетня. Жена Павла, не зная, в чем дело, с непокрытой головой стояла на крыльце, а к ней испуганно жался малыш лет пяти.

Опережая хозяина, Глеб вбежал на крыльцо, осмотрелся по сторонам и строго спросил:

— Во дворе было дерево?

— Ну, было, — чуть отступая, испуганно ответила женщина.

— Где же оно, где? — повышая голос, допытывался Глеб.

— Срубили, — проговорила жена Павла и, сама не зная почему, подняла сынишку на руки, крепко прижала к себе. — Мужу мерещится, взял и срубил.

На крыльцо поднялся Павел. Он толчком открыл дверь в дом и строго-ласково сказал жене:

— Зайди в хату. Застудишься.

А потом встал рядом с Глебом.

— Тут такое дело получилось... В тот бой из нашего дома сильнее всего сопротивление было. Три человека оборонялись. А как ворвались фашисты, ночь напролет пытали отца и утром повесили... Во дворе, на дереве повесили... Я огольцом был, под крыльцом прятался... С тех пор, как выйду во двор, так и кажется мне: висит мой отец, и ветер будто качает его... Не стерпел, взял и срубил безрезку. Пенек остался... Вот...

Павел прошел несколько шагов по двору, присел на корточках, разгреб руками снег на бугорке и подозвал Глеба.

— Смотрите, товарищ...

Глеб слышал, как заколотилось сердце. Он даже растерялся.

Помолчали.

— А тут больше ничего не было? — тихо спросил Глеб. — Ямы... Или...

— Колодец был, — глядя снизу вверх

на Глеба, сказал Павел. — Водопровод провели — я колодец заглушил; как бы сынишка не провалился... Что? Будем вскрывать? А?

— В колодце знамя!.. — нетерпеливо крикнула Дина. — Глеб, объясни!

Но Глеб не мог проговорить ни слова. Он был у цели.

Толпа заполнила весь двор. Павел Белокопыто, не торопясь, прошел в сарай, вынес лопаты, лом. Несколько колхозников взялись помочь ему. Поддели ломом деревянный круг, навалились, сдвинули его с места. Из черной дыры поднялось белое облачко. Глеб, спотыкаясь, подошел к краю колодца, опустился на корточки, заглянул вглубь.

— Там восемь метров, — предупредил его Павел. — Сами спуститесь или мне разрешите?

Глеб не слышал вопроса. Он, как зачарованный, смотрел в колодец. За него ответила Дина:

— Нет-нет. Глеб спустится сам...

Принесли длинный канат, завязали петлю. Глеб сел в нее и, сжимая в руке

коробок спичек, медленно спустил ноги в колодец... Дина со страхом и любопытством наблюдала, как в руках нескольких мужчин тихо скользил канат, и мысленно прикидывала: «Метр... два... три...» И вдруг из черной глубины колодца раздались радостные крики Глеба:

— Стойте!.. Стойте!.. Нашел!.. Дина, я нашел! Тяните!..

Через несколько самых долгих во всей жизни Дины минут на поверхности показалось сияющее лицо Глеба, затем плечи, руки, а в руках покрытая плесенью и ржавчиной железная банка из-под леденцов. Глеб крепко прижимал ее к груди...

...Комната Павла Белокопыто неместила всех желающих посмотреть на таинственную находку. Люди стояли в сенях, на крыльце, заглядывали в окна.

Глеб, не выпуская банку из рук, поставил ее на стол. Павел ловко подел крышку ножом. Глеб осторожно встряхнул коробку. На стол вывалился сверток в истлевшей газете. Дрожащими пальцами Глеб развернул пакет и, вскинув руки, развернул слежавшееся алое полотнище, обшитое по краям золотой бахромой. Хозяйка ахнула. На стол выпала сложенная вдвое бумага. Дина схватила ее, бегло взглянула на текст и, счастливая, прижала к груди.

— Акт... Такой же, как наш... — потом прерывающимся голосом, то звонким, то глухим от волнения, прочитала вслух:

— «Акт. Мы, нижеподписавшиеся, ввиду того, что в создавшейся боевой обстановке нет уверенности в благополучном выходе в организованном порядке из окружения, приняли решение: хранящееся у нас полковое знамя под ответственность члена ВКП(б) товарища Серафима Андриановича Белокопыто спрятать в тайнике на территории его хозяйства.

Об этом каждый из нас доложит при первой же встрече со старшим командиром боевой части РККА. Петров, Полога, Кедровский, Белокопыто (Парт. билет № 309 045). 18 мая 1942 года, село Лошино».

23. Костина тайна

Ни Глеб, ни Дина не подозревали, что о боевом знамени Н-ского полка, найденном двумя учениками девятого «Б» школы имени Крупской, уже стало известно в Приреченске, и об этом напечатали газеты.

Они не знали, что в тот же вечер о знамени, обнаруженном в тайнике колодца во дворе шофера Павла Белокопыто, в районный центр сообщили и старший лейтенант Колин, и председатель колхоза, и секретарь сельской комсомольской организации. А наутро из Волошка докладывали о находке в Приреченск в адреса областного Совета депутатов, областного военкомата и обкома ВЛКСМ.

Как только поезд отошел от станции Озерки, Глеб, примостившись на нижней полке, уснул мертвецким сном. А Дина присела к окну и пригорюнилась. На сердце у нее, как говорится, скребли кошки. Знамя знаменем, но что скажет мама? Не может быть, чтобы она за столько дней не встретила никого из следопытов, никого из девятого «Б»!

Ни Глеб, ни Дина не знали и о том, что Михаил Несторович Мосеев, как только тронулся поезд, послал срочную телеграмму в школу: «Встречайте поезд семьдесят один вагон четыре Глеб Дина». Поэтому они были удивлены и чуть-чуть испугались, когда, спустившись на перрон, попали в объятия одноклассников. А мать Дины тоже пришла встречать и крепко, как взрослой, пожала руку дочери. Затем притянула к себе, обняла и сказала:

— Динка! Мальчишка моя дорогая! Ну, прямо мальчишка!.. Поздравляю!..

До конца каникул оставалось два дня.

В первое же воскресенье в третьей четверти на торжественном общешкольном собрании следопыты вручили военкому Пирину знамя Н-ского полка. А потом началась кропотливая работа. В творческую группу от следопытов входили Светлана Айтынова, Жора Байкалов и Коля Малояз как художник-иллюстратор. Все они обобщали следопытские собранные материалы — писали «Историю боевого подразделения».

Работали до самой весны. А открытие памятника наметили на воскресенье, двадцать шестого мая. Подходили к концу работы по его сооружению. Памятником интересовались и облизполком, и совнархоз, и отдельные организации. Уполномоченный штабом следопытов Костин дядя, полковник в отставке, в неделю два раза выезжал в горы к развилке дороги, торопил строителей и однажды, вернувшись из поездки, сказал:

— Остается установить порядок открытия и пригласить гостей.

Ребята растерялись. Кого пригласить? Какой текст приглашения более всего будет соответствовать такой особенно торжественной церемонии? Каждый высказывал свое мнение, предлагал текст. Чтоб никого не обидеть, члены штаба решили двенадцатого мая в час дня собраться на квартире Глеба.

На том, чтобы собрание состоялось именно двенадцатого и именно в час дня, больше всего настаивал Костя Вижницын. Он доказывал, что это самое подходящее время, и дядя, возможно, приедет на заседание штаба. Настаивал Костя как-то неспроста.

Последние дни с ним вообще творилось что-то неладное. При разговорах с товарищами, в особенности со следопытами, он загадочно улыбался, старался отделаться загадочными «М-да» или «Угу»! На уроках, отвечая у доски, мямлил, с трудом заслуживал тройку.

Это не ускользнуло от зоркого глаза Светланы. В субботу, одиннадцатого, перед четвертым уроком, она решительно подошла к Косте:

— Скажи, в чем дело? То ты сияешь, как новая копейка, то сидишь в позе Печорина, то улыбаешься, как Мефистофель. Выкладывай. Мы за тебя так же в ответе, как и ты за нас. Что случилось?

Костя молчал, молчал и вдруг сгреб учебники, втиснул их в сумку, бросился к распахнутому настежь окну, выбросил книги во двор и вскочил на подоконник.

— Ты что, Костя? — испугалась Светлана. — С ума сошел? Слазь обратно!..

Костя уже стоял на наружном карнизе и, обхватив руками водосточную трубу, готовился соскользнуть вниз. Но чуточку задержался и проникновенно сказал:

— Не могу, Светлана! Верь слову!.. Еще секунда — и я разглашу величайшую тайну, пропадет весь эффект.

Светлана попыталась задержать его. Но Костя, проворно перебирая руками, соскользнул вниз, где уже собрались и держали его сумку услужливые младшеклассники. Еще бы! Не каждый оболтус прибегнет к столь рискованному способу побега с уроков! Костя только крикнул Светлане:

— Без меня совещание штаба не начинайте.

Прозвенел звонок. Светлана закрыла окно, села на свое место. В класс пришла учительница математики. Не делая пере-

кички, она раскрыла журнал и вызвала:

— Вижницын! Пожалуйста к доске.

В классе наступила тишина. Кроме Светланы, никто не знал о бегстве Кости, все недоумевали.

— Где Вижницын? — спросила учительница. — Я его только что видела в коридоре.

— Ему стало плохо. Кровь пошла носом, — не особенно твердо проговорила Светлана, поднимаясь с места.

Учительница пытливо посмотрела на нее и махнула рукой:

— Садитесь, Айтынова. Вам я верю.

Избегая взглядов одноклассников, Светлана села и сердито подумала про Костю: «Подожди... Я тебе покажу... Завтра же, на собрании, в присутствии твоего дяди разделаю!..»

К Глебу Светлана пришла позже всех, но Кости все еще не было. О его просьбе не начинать без него собрания, знали и терпеливо ждали.

И вот в четверть второго в прихожей робко звякнул звонок. Все умолкли. Дина выбежала из комнаты. Щелкнул ключ, послышался Костин голос: «Сюда, сюда, направо!»

Дверь распахнулась, и на пороге показалась незнакомая, очень красивая стройная, белокурая женщина с черными глазами. Ребята как по команде поднялись от неожиданности. Незнакомка приветливо улыбнулась и еле-еле проговорила:

— Дети, здравствуйте, я...

Костя чуть оттеснил Дину и объявил:

— Ребята! Это Тамара Алексеевна Антрова! Жена Станислава Федоровича Петрова.

— Дети! — тихо продолжала Антрова. — Дорогие мои! Давайте познакомимся...

Следопыты окружили ее. Тамара Алексеевна всех по очереди обняла, крепко поцеловала как-то очень по-простому, от всей души.

Глеб подвинул ей мягкое кресло. Тамара Алексеевна села и долго-долго задумчиво смотрела на следопытов.

— Какие вы хорошие! — наконец, произнесла она.

Костя вскочил, как на пружине, умоляюще глянул на Антрову: «Тамара Алексеевна, простите», — а затем быстро-быстро заговорил:

— В прошлый понедельник я пошел в филармонию...

Костя от волнения глотал целые фразы и отчаянно жестикулировал.

Как-то его дядя собрался на концерт, но почувствовал недомогание и отдал билет племяннику. Костя переоделся и помчался в филармонию: билет в третий ряд партера ему доставался не часто.

Билетерша пропустила Костю. Когда ему обрывали контроль, раздался третий звонок. Следовало поторопиться. У самого входа в зрительный зал Костю остановил пожилой мужчина с синей нарукавной повязкой и строго спросил:

— Вы куда? Разве вам неизвестно это? — Он указал на объявление: «На вечерние спектакли дети до 16 лет не допускаются».

Напрасно Костя клялся честным комсомольским словом, доказывал, что ему шестнадцать лет и четыре месяца, и у него есть паспорт. Неумолимый блюститель порядка отвел Костю к администратору.

Здесь Костя со слезами на глазах доказывал свои годы, а в конце концов попросил по телефону связаться с дядей. Только тогда администратор махнул рукой: «Ладно уж, идите».

На этом месте рассказа Костя чуть передохнул и еще быстрее продолжал:

— Я — в зал, а там аплодисменты... крики «бис!». Сел на свое место и глазами не верю: на сцену вышла артистка и... у нее знакомое лицо. Я спрашиваю соседа: «Простите, как фамилия певицы?», а он цыкнул на меня, молча протянул программу и пальцем показал: «Заслуженная артистка республики Т. А. Антрова». Я как вскочу, я как вскрикну! В общем, ребята, меня провели к Тамаре Алексеевне. Короче — устроил всем вам сюрприз...

Пока Костя бестолково рассказывал историю встречи с Тамарой Алексеевной, она с любопытством рассматривала следопытов. А потом по их просьбе негромким голосом рассказала о погибшем муже, лейтенанте Петрове.

Закончив свои грустные воспоминания, Тамара Алексеевна достала из сумочки большую фотографию.

— Это все, что я могу дать на память следопытам, вам...

Ребята обступили ее. С фотографии им улыбался жизнерадостный молодой командир — на петлицах два квадрата, на груди значки: «Ворошиловский стрелок» и ГТО второй ступени...

24. Рождение традиции

Костин дядя, полковник в отставке, шутя оттрапортовал Глебу:

— Товарищ начальник штаба, к торжественному открытию памятника все готово!

Был вечер. Следопыты полукругом стояли перед памятником, покрытым белым полотнищем. Они знали его до мельчайшей детали, но каждый еле удерживался, чтоб не подойти поближе, не приподнять легкую ткань и хотя бы одним глазом взглянуть на край гранитного пьедестала, на бронзовую фигуру, на белую мраморную доску.

Ребята привезли с собой ящики с цветочной рассадой, молодые саженцы кипарисов. Площадка вокруг памятника превратилась в цветник. Несколько рабочих заканчивали соорудить трибуну — визжали пилы, стучали молотки. А у костра потом всю ночь не прекращались разговоры.

Дима Карпин, лежа на животе, не мигая, смотрел на пламя и грустил:

— Еще только один день — и следопытский штаб и комиссия прекратят свое существование...

Дина палкой поворошила в костре. Сноп искр-звездочек взметнулся ввысь. Дина покачивала головой:

— С чего ты взял, что прекратит? Мы решили разыскать всех до единого героев и погибших за родину — бывших учеников нашей школы. Увековечить их имена...

— Так мы в будущем году уже окончим школу, — возразил Дима.

— Ты все воспринимаешь примитивно. Это работа не на один месяц... А девятые и восьмые классы? А пионеры из семилетки? Ты просто хочешь спать, потому ты такой скептик.

— Правильно, — подтвердила Светлана. — Кончаем разговор! Отбой. С утра нам предстоит встречать гостей.

С рассветом в горы к развилке дорог — пешком, на бричках и на машинах — начали прибывать гости: колхозники ближайших сел, делегации предприятий из районных городков. Приехали шефы школы, педагоги и ученики-старшеклассники в полном составе, а из семилетки — по десять от класса. Затем из-за поворота дороги показались ГАЗ-69 и трехосные зеленые ЗИСы. Из головной машины вышел коренастый майор в парадной форме. Он подал команду. Поблескивая

оружием, вдоль шоссе выстроилась рота солдат со знаменем и оркестром на правом фланге. Мягко шурша шинами, к трибуне плавно подкатывали «Москвичи», «Победы», ЗИМы.

В десять ноль-ноль ученики поклассно в две шеренги выстроились у подножия памятника. Прозвучали слова воинской команды, рота солдат перестроилась. От гранитного пьедестала к трибуне образовался широкий коридор. Застыли бойцы, и напротив них замерли школьники, а вокруг собралась огромная толпа. Ветер поигрывал в складках знамен и флагов.

Начался митинг.

— Товарищи рабочие и колхозники! Товарищи солдаты! Юные друзья, пионеры и комсомольцы! Отважные следопыты! Наша славная смена!..—неслось среди гор.

И вечно величавые горы словно слушали, что говорят люди.

Они слушали о делах следопытов, о их находке, о том, как теперь сотни и тысячи юношеских коллективов Советской страны будут выяснять имена неизвестных героев, отдавших жизнь за честь, свободу и независимость Родины, и будут делать все, чтобы эти имена, как и имена известных, жили вечно в памяти народа.

— Друзья! Мы присутствуем не только на открытии памятника человеку, отдавшему за нас самое дорогое — жизнь. Сегодня стало известно, что лейтенант Петров посмертно награжден орденом Боевого Красного Знамени. А Приреченская школа имени Крупской отныне устанавливает традицию шефства над могилами бойцов, и по желанию Тамары Але-

ксеевны Антровой и Владимира Станиславовича Петрова орден Боевого Красного Знамени передается по особому решению Министерства Обороны на хранение школе.

Остается только сказать, что орден был передан в руки Светлане, а честь открытия памятника предоставлена Дине и Глебу.

...Майор повернулся лицом к строю бойцов.

— Смирр-но! — раздалось среди гор. Все замерли.

— На кар-раул!

Солдаты, как один, вскинули карабины... Р-раз!.. И тут же крепкий девичий голоё подал команду:

— Салют!

Взметнулись сотни ребячьих рук. Грянул оркестр, и под торжественные звуки гимна белое покрывало медленно опустилось с памятника.

Казалось, бронзовая фигура советского бойца хочет сойти с пьедестала. Тысячи глаз смотрели на него. Это был он — простой рядовой солдат в каске, в плащ-палатке, развевающейся на встречном ветру, с автоматом в руках.

Склонились знамена.

А потом перед бронзовым памятником бойцу, вскинув на руку карабины и чека-ня шаг, прошли солдаты. Прошли школьники, подняв руки в пионерском приветствии. Сурово, молча, вспоминая былые бои, прошли рабочие, колхозники.

У подножия памятника росла и росла гора живых цветов. Казалось, она вот-вот станет выше голов ребят-следопытов, стоящих рядом в почетном карауле.

Рисунки Э. Иодыниса

Помните очерк «Огненный воздух» в первом номере нашего журнала? В нем рассказывалось о чудесном топливе — газе. В планах наступающей семилетки — тезисах доклада Никиты Сергеевича Хрущева на предстоящем съезде КПСС, которые сейчас горячо обсуждаются всей нашей страной, — газ занимает весьма важное место. В конце лета было обнародовано и специальное постановление Центрального Комитета и Советского правительства о развитии газовой промышленности.

«Огненный воздух» придет в топки предприятий, в квартиры, на химические заводы.

В ближайшие пятнадцать лет ежегодная добыча и производство этого самого

дешевого и высококалорийного топлива достигнет 270—320 миллиардов кубометров. В тринадцать-пятнадцать раз больше, чем в 1957 году!

В 1965 году страна получит 150 миллиардов кубометров газа. Много ли это? По своей теплотворной способности такое количество «огненного воздуха» равно ежегодной добыче угля в Донбассе, Печорском и Подмосковном бассейнах, вместе взятых.

Около сорока магистральных газопроводов, общим протяжением двадцать шесть тысяч километров, покроют густой сетью всю нашу страну. В 1956 году общая длина всех газовых магистралей Советского Союза будет настолько велика, что, если составить их вместе в прямую линию, они опояшут земной шар!

«Огненный воздух» появится не только в больших городах, но и во многих крупных районных центрах, рабочих поселках, совхозах, колхозах. Более половины всей добычи и производства газа в наступающей семилетке придется на долю РСФСР. В 1965 году из 150 миллиардов кубометров газа 85 миллиардов будет добыто и произведено на территории нашей республики, а из 26 тысяч километров магистральных газопроводов, сооружаемых в 1958—1965 годах, более 15 тысяч кило-

метров пройдет по территории Российской Федерации.

В наступающей семилетке свыше 200 городов РСФСР, не имевших ранее газоснабжения, получат в изобилии дешевое топливо. В числе вновь газифицируемых городов — Калинин, Новгород, Ярославль, Иваново, Владимир, Орел, Курск, Саранск, Ижевск, Пенза...

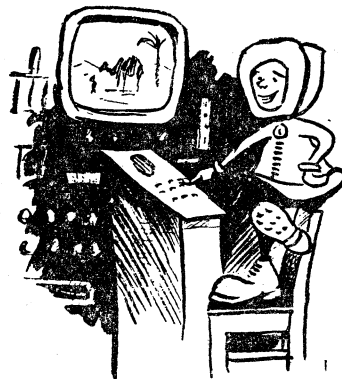
Даже простое перечисление всех новых газовых магистралей займет слишком много времени и места. Достаточно сказать, что на базе Северокавказских газовых месторождений будет сооружено десять крупных газопроводов. В их числе Ставрополь — Москва (вторая линия), Краснодарский край — Ростов-на-Дону — Луганск — Серпухов протяжением 1200 километров и Серпухов — Ленинград.

Эти магистрали значительно улучшат газоснабжение центральных районов СССР и города Ленина, а также городов, примыкающих к трассе газопровода. Почти на 1200 километров протянется газопровод Поволжье — Урал и на 1300 километров — новая газовая магистраль Саратов — Горький — Иваново — Ярославль — Череповец.

Крупнейшие промышленные предприятия Урала и квартиры уральцев скоро получат также газ из Узбекистана. В ближайшее время начинается сооружение самых крупных в стране газовых магистралей Газли — Челябинск и Газли — Свердловск протяжением свыше 2000 километров. В свою очередь Российская Федерация даст топливо Украине. По новым газопроводам потечет оно с Северокавказских месторождений в Керчь, Симферополь, Жданов, Сталино, Енакиево, Славянск.

Газ — это и топливо, и источник ценнейших химических продуктов: синтетических спиртов, пластмасс, смол... Интересно, что только из газов, добываемых вместе с нефтью в Башкирии, Татарии и Куйбышевской области, можно получить около 290 тысяч тонн полиэтилена, «родоначальника» многих пластических масс. Это столько же, сколько производили его в 1958 году США, и в четыре раза больше, чем дают Англия и ФРГ, вместе взятые. Кроме полиэтилена, из них можно получить около полумиллиона тонн синтетического спирта и свыше 120 тысяч тонн синтетического каучука.

Всемерное развитие газовой индустрии позволит еще более увеличить производ-

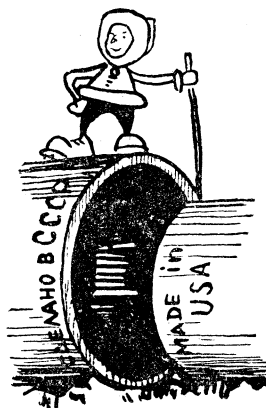

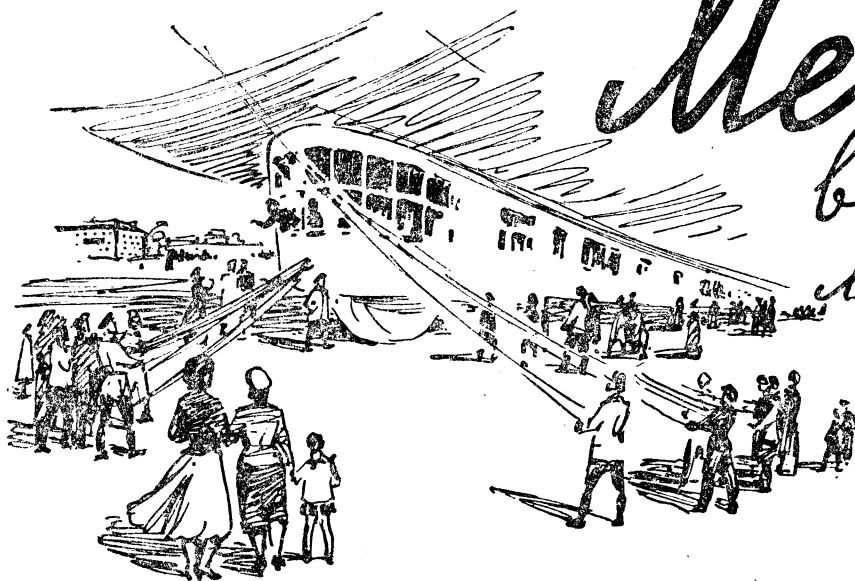
ство нужных народному хозяйству искусственных и синтетических материалов.

Строительство советских газовых магистралей отличается от иностранных. У нас применяются трубы очень большого диаметра — до одного метра. В США, занимающих пока первое место в мире по развитию газовой индустрии, трубы тоньше, протяженность газопроводов меньше.

Наши гигантские газопроводы требуют особо мощных компрессоров и центробежных нагнетателей, работающих при помощи больших электродвигателей или газовых турбин. Газ будет перекачиваться под давлением до 55 атмосфер. Для этого нужна более совершенная аппаратура.

Создается новая индустрия — газовая индустрия. Разрабатывается автоматизация и телемеханизация управления газопроводами, потому что многие магистрали пройдут через пустынные местности. Газопроводы длиной в сотни километров будут автоматически управляться с центральных диспетчерских пультов, как это делается сейчас на крупных гидроэлектростанциях.

Мечты великого мечтателя

Автор — инженер Николай Семенович Пастухов. В течение нескольких лет он переписывался с Константином Эдуардовичем Циолковским, изучал его труды.

Н. С. Пастухов рассказывает об одной из забытых проблем, разработанных К. Э. Циолковским.

Следопыт космоса

Сейчас, когда третий советский искусственный спутник Земли мчится во Вселенной, весь мир с уважением вспоминает имя того, кто впервые заговорил о покорении космоса. На памятнике этому великому ученому написаны его слова: «Человечество не останется вечно на земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Имя этого первого следопыта космоса — Константин Эдуардович Циолковский. Он творец теории реактивной техники. Изучая проблему космических полетов, он исследовал многие вопросы, которые встанут перед звездоплывателями будущего: как будет влиять на участников межпланетных полетов отсутствие силы тяжести, как обеспечить газообмен и работу двигателей, используя для этого солнечное излучение, и другие.

Занимаясь проблемами космоса, Циолковский многое сделал и для других областей науки и техники. В статье «Солнце и завоевание пустынь», опубликованной 25 лет тому назад, он предлагал

осваивать пустыни, получая воду из воздуха. Далекой от техники теме посвящена его работа «Общечеловеческая азбука, правописание и язык». Циолковский даже в пишущей машинке, на которой печатались его

статьи, обнаружил существенный недочет в конструкции и усовершенствовал ее. Он доказал, что выгодно применять наддув у автомобильных моторов (и вообще у двигателей внутреннего сгорания), это повышает их мощность. Он разработал интересный вариант скоростного поезда, с воздушной «смазкой» вместо колес, конструкцию простого солнечного нагревателя и удобного комнатного охладителя в жаркую погоду. Он написал несколько интересных научно-фантастических рассказов; в статье «Растение будущего» наметил пути создания новых, полезных человеку растений.

Но с особенной настойчивостью многие годы Циолковский трудился над проектами могучих воздушных кораблей.

Управляемый аэростат

Люди давно убедились, что лучше всего передвигаться по воздуху: путь всегда прям, не мешают ни горы, ни леса, ни болота, ни моря. Но у самолета ограничена грузоподъемность.

Циолковский доказывал, что лучшим грузовым транспортом должны быть управляемые аэростаты-дирижабли; они могут быть очень большими и экономичными, перевозка грузов на них обойдется дешевле, чем на морском пароходе. Дирижаблям Циолковский посвятил много труда: делал опытные модели, проверял их особым методом гидростатического испытания, основанным на равновесии жидкости и погруженного в нее тела.

Дирижабль Циолковского имеет сигарообразную форму, длина его раз в шесть больше диаметра; оболочка — из волнистой стали, внутри — водород, дающий подъемную силу. К оболочке подвешена гондола, в ней — люди, грузы, тепловые двигатели с гребными винтами и рулями управления. Объем оболочки может изменяться в больших пределах, так как это очень прочный металлический мешок, не образующий складок. Дирижабль Циолковского как бы пружинит и без поломок будет воспринимать удары и перегрузки. У него нет внутри каркаса, но каж-

дая отдельная часть дирижабля жесткая. В целом — упругость, в частности — жесткость. Газ внутри оболочки никуда не выпускается и может подогреться выхлопными газами двигателей, чтобы изменить подъемную силу воздушного корабля. Балласт в таком случае не нужен, и нагрев предохраняет оболочку от обледенения.

Дирижабли гибли, но...

Дирижаблей сейчас почти не строят. А раньше их строили больше всего по конструкции немецкого изобретателя Цеппелина. Оболочка у них была мягкая, на ажурном, очень хрупком каркасе. Почти все они гибли от взрывов: воздух через прорезиненную оболочку попадал внутрь и с водородом образовывал взрывчатую смесь. Дирижабли Цеппелина и другие своей гибелью опорожили идею дирижаблестроения.

Да и в те времена еще не было возможности построить дирижабль со стальной оболочкой, как это предлагал Циолковский. Кроме того, трудности пилотирования дирижабля, небольшая скорость (до 150-ти километров в час), а, самое главное, плохая маневренность, уязвимость для артиллерийского огня и атак истребителей в военное время, заставили людей приостановить развитие дирижаблестроения.

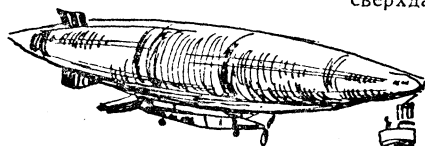
Но настанет время, когда на Земле не будет войн, и люди снова вспомнят о замыслах Циолковского, который убежденно верил, что дирижаблям принадлежит большое будущее.

Воздушный гигант будущего

Циолковский доказывал, что, чем крупнее дирижабль, тем он выгоднее. Самый большой воздушный корабль Циолковский проектировал 1800 метров в длину и 300 метров в диаметре. Такой гигант смог бы перевезти за один раз 40 000 тонн груза, то есть 400 000 человек, с багажом 30—40 килограммов у каждого.

Шагающий экскаватор Уралмаша с ковшем емкостью 14 кубометров весит 1360 тонн. Его перевозят в разобранном виде на 60 платформах. Нужно 3 месяца, чтобы собрать и смонтировать его. За это время он бы переработал миллион кубических метров породы. Воздушный гигант Циолковского мог бы сразу перевезти 29 таких экскаваторов в собранном виде.

Циолковский говорил, что такие дирижабли смогут в пустыни привозить чернозем, засеивать его, затем возить воду для поливки посевов, и доход от урожая покроет все расходы.

Небесный сплав, небесный санаторий

Для обычных грузов Циолковский рекомендовал дирижабль диаметром 50 метров, длиной 300 метров, грузоподъемностью 60 тонн. Дирижабельный флот мог бы выполнять всю работу железных дорог, морского и речного транспорта. А если хорошо изучить воздушные течения, тогда, пользуясь попутным ветром, можно перевозить грузы с ничтожной затратой энергии. Это будет своеобразный «небесный сплав», подобный речному.

При жизни Циолковского еще не был создан атомный двигатель. Сейчас можно утверждать, что дирижабли более пригодны, чем самолеты, для установки на них атомного двигателя. Ведь при большой гондоле и мощной грузоподъемности легче, чем на самолете, установить надежную защиту от радиоактивного излучения. Атомный двигатель даст дирижаблю современные скорости.

Оболочка дирижабля Циолковского может удерживать водород практически очень долго, и поэтому ее будет выгодно применить и для неподвижного привязного аэростата.

Такой привязной аэростат, поднятый на высоту 2—3 километра, может быть использован для сверхдальней телевизионной передачи, для метеорологических целей, для высотной ветро-электрической станции. Это может быть и парашютная вышка, и маяк, и воздушный санаторий. В таком санатории будет идеально чистый воздух, людям не помешают ни жара, ни пыль, ни комары.

Правда, о санаториях Циолковский не писал, но почему бы нам не помечтать, развивая его мысли. Вот мне и захотелось заинтересовать читателей «Уральского следопыта» мечтами великого ученого мечтателя. Вырастут наши юноши и девушки и возьмут эти мечты как эстафету в будущее.

Н. ПАСТУХОВ

Рисунки Л. Полстоваловой

Камышлов

Легенда

Так заманчиво, близко
Камыши, как стена...
Эх! Нельзя же без риска:
Смерть на свете одна...
То не ветер колеблет
Ивняки по прудам,
То качаются стебли
По горячим следам...
В камышитовом строе
Среди диких лесов
Был острожек построен,
Чтоб ловить беглецов.
Бревен ряд на завале —
Горе буйных голов.
И острожек назвали
Камыш-лов.

А. ПАВЛОВСКИХ,
гор. Камышлов

Было тихо вначале...
Даль — в таежной глуши.
Лишь под ветром качались
Камыши, камыши...
Но дорога лесная
На восток пролегла
До сибирского края,
До глухого угла.
Той суровой дорогой
Часто ссыльных вели
От родного порога
До окраин земли.
И вот здесь, на постое,
В богатырских лесах,
Загорались мечтою
У кандальных глаза.

На улице Ленина в Нижнем Тагиле мое внимание привлекла необычная металлическая конструкция, которая возвышалась над строящимся домом:

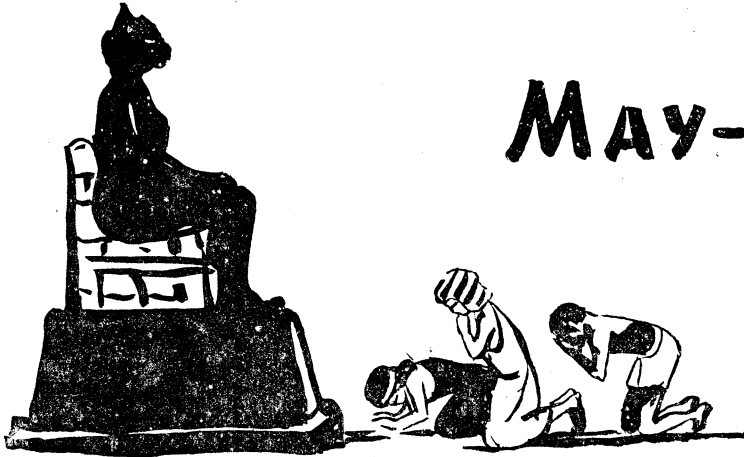
Одна опора ее стояла на рельсах по правую сторону дома, другая — по левую. Верх этих опор соединен между собой металлическим мостом. По нему передвигалась своеобразная вагонетка с опущенными вниз тросами.

Это новый козловый кран. Козловый кран очень удобен в работе, имеет хорошую грузоподъемность, а производительность его в 2—3 раза выше, чем у обычных кранов. Он легко и быстро поднимает с земли крупные блоки и ставит их там, где нужно строителям.

Текст и фото
В. ДИАНОВА.

Мау-ми

Алексей ДОМНИН
Рисунки Е. Гилевой

Мау-ми — это кошка. Так называли ее в Древнем Египте. В этой стране было много кошек. В каждом доме. И жилось им лучше, чем людям. Египтяне считали Мау-ми священным животным.

Однажды в город Фивы, столицу Египта, приехал важный римлянин. Белоснежная тога мягкими складками опускалась до его ступней. У плеча она скреплялась брошью из драгоценных камней. Лицо чужеземца белое, а глаза голубые.

Он полулежал в золоченой резной беседке, которую несли четыре огромных раба. Коричневые спины их лоснились на солнце. Рабы устали и изнывали от жажды. Но не смели убавить шаг, потому что были рабами.

За римлянином бежали черные от

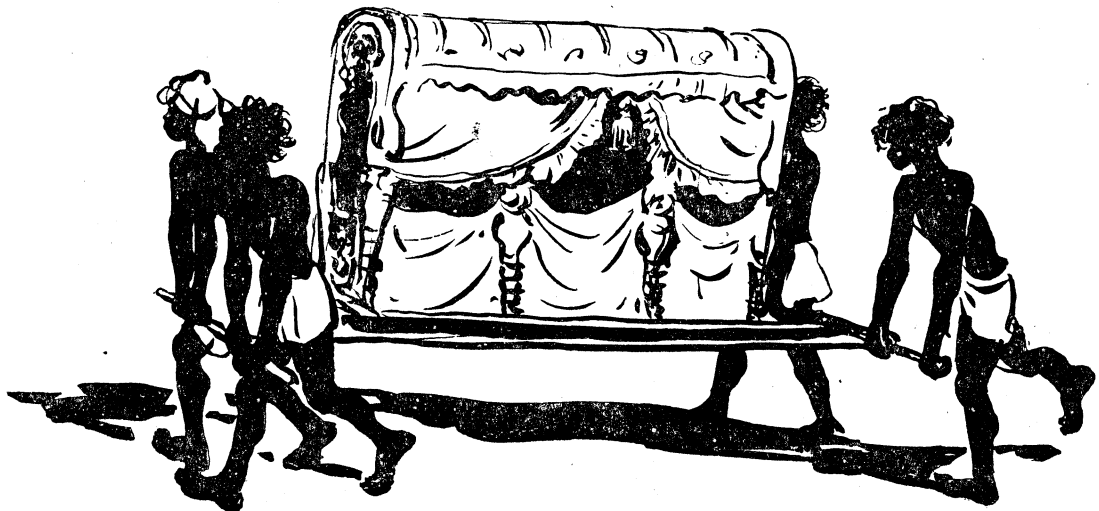
солнца египетские мальчишки. Размахивая руками, они спорили, откуда прибыл светловолосый чужеземец с таким нежным лицом. И потихоньку показывали ему языки.

Фивы — красивый город. Дворцы и храмы его славились по всему Востоку. Гордые пальмы, чудесные сады украшали столицу Египта. И путешественники из других стран дивились красоте этого города.

Римлянин не смотрит вокруг. Он прикрыл веки. На лице его — презрение и отчужденность.

У торговой площади чужеземец махнул рукой, и рабы опустили носилки. Хозяин устал лежать.

На площади очень шумно. Гончар, рас-

ставив на мостовой горшки и кувшины, зазывает к себе покупателей. Неподалеку маленький бритый египтянин ругает осла, на спине которого привязаны две корзины с фруктами. Осел уперся и ни с места.

Слепой грязный человек сидит на корточках у стены и поет:

Слава тебе, Нил, выходящий из земли
И дающий жизнь Египту.

Если ты медлишь, то исчезает дыхание,
И люди бедствуют...

Там, где разложили сви широкие корзины рыбаки, спуют кошки. Они урчат, вырывая добычу друг у друга, и часто дерутся. Рыбаки бросают им мелкую рыбешку и приговаривают:

— Принеси счастье нашим детям, о добрая богиня Пахта!

Рыжий кот забрался прямо в корзину и схватил огромную рыбку. Хозяину и жалко ее, и не смеет прогнать он разбойника. Боится обидеть богиню Пахту, душа которой живет в Мау-ми. Это знают все египтяне. В храмах богини Пахты стоят большие статуи женщин с кошачьей головой.

Медленно проходит важный римлянин через

площадь. Люди расступаются перед ним.

Неожиданно выскочил серый пушистый котенок. Он увидел сверкающую золотую застежку на ноге чужеземца. Сначала маленький Мау-ми бежал, потом поднялся на задние лапки, поплясал на них и

прыгнул. Римлянин вскрикнул и отдернул ногу. Котенок перевернулся. Снова поскакал к застежке. Тогда чужеземец брезгливо взял его за шиворот и отбросил прочь. Пушистый комок ударился о стену, упал. И остался недвижим.

Все замерли. Закутан-

ная в белые одежды старая женщина склонилась над маленьким тельцем и вдруг закричала:

— Он убил Мау-ми! Пусть проклятье упадет на твоих детей, чужеземец!

— У него медное сердце! Горе ему! — кричали люди. Вдруг они смолкли. Сквозь толпу к мертвому котенку пробирался хозяин его — кудрявый гончар Пабеса.

— Мой Мау-ми, мой Мау-ми! — шептал он побелевшими губами. — Мой Мау-ми.

...Гончар — несчастный человек. Как-то у него загорелся дом. Огонь уже охватил одну из стен, когда Пабеса прибежал с ба-

зара. Он отыскал своего Мау-ми в задней комнате и помчался с ним к другу, чтобы оставить котенка в надежных руках. Ведь в Мау-Ми жила душа богини Пахты, покровительницы семьи.

Дом сгорел, когда он прибежал тушить пожар.

...Объятый ужасом, гончар остановился у тела убитого котенка. Потом обернулся к римлянину:

— Ты навел на нас гнев богини! Ты умрешь! — закричал он, потрясая кулаками.

Лицо чужеземца стало белым, как цветок лотоса. Дрожащей рукой он подал знак рабам, чтобы они расчистили ему путь. Но рабам уже связали руки. Связали их и римлянину. И повели к месту казни перед великолепным дворцом правителя Египта.

Фараон знал уже, почему запрудили площадь казни возмущенные люди, почему людское море становится все гуще и

гуще. Он сам издал закон, по которому убивший Мау-ми карался смертью.

Фараон боялся римлян, их государство было сильнее Египта. Но он боялся и разгневанных горожан, против которых были бессильны его войска. И он послал к людям своего советника.

На высокой каменной стене дворца, увитой зеленью и украшенной тонкими рисунками, появился советник в сопровождении вельмож.

— Дстойные жители Фив, подданные фараона! — заговорил он. — По мудрым законам богов, убивший Мау-Ми должен умереть. Так было, так будет во все века. Но римлянин — чужестранец. Он не знал наших законов. Добрый фараон готов простить его. Пусть боги накажут чужестранца, убившего Мау-ми!

— Нет! — закричала толпа. — Он умрет!

И римлянин был казнен.

Вскоре траурная процессия, впереди которой ехала повозка, двинулась в город Бубастису, к храму богини Пахты. На повозке в цветах лотоса обернутый полотняным покрывалом лежал Мау-ми. Его маленькое серое тельце было покрыто пахучим бальзамом. Умерший Мау-ми станет твердым, как камень, и сохранится на века.

* * *

Так почитали Мау-ми в древнем Египте, тысячи лет тому назад.

В те далекие от нас времена люди еще многого не знали. Отчего, например, молния бывает, почему днем светит солнце,

а ночью луна, как появился человек на земле. Они думали, что все это происходит по воле богов или духов. А живут боги в телах животных, птиц или растениях.

Домашняя кошка ласкова и пользу приносит. — мышей ловит. Значит, живет в ней добрый дух — покровитель семьи. Древние германцы были уверены, что кошка хранит дом от болезней, а людей — от пожаров.

Много поверий, связанных с кошками, сохранилось и от наших предков-славян. Вы, наверное, их и сами знаете. Перебежала черная кошка дорогу — жди несчастья. Кошка умывается — придет гость. Кошка стену дерет — к непогоде.

Все эти приметы ложны, неправильны. Но и сейчас встречаются люди, которые верят в них.

Смешно, правда?

Сколько на Урале минералов и их разновидностей? Ученые подсчитали: сейчас известно около 900. Девятьсот минералов! И у каждого свое имя. Как же стали их называть и почему?

Рассказываем о минералах, впервые открытых на Урале, наших земляках.

Уральские греки

Основы науки о камне были заложены еще древними греками и римлянами. И прежде, и в настоящее время по установившейся традиции ученые часто используют для научной терминологии греческие и латинские слова.

Один из первых, открытых на Урале минералов назван тоже по-гречески. Этот минерал — **крокоит**. Крокос — по-гречески цветок шафран. Красивые оранжево-красные и оранжево-желтые (шафрановые) кристаллы крокоита найдены впервые в окрестностях Березовского, под Свердловском. Первым его исследовал М. В. Ломоносов в 1763 году. А подробное описание несколько позднее сделал русский академик И. М. Леманн. Он же и дал минералу имя.

У крокоита два земляка, тоже названных по-гречески. Это — **пирофиллит** и **пироморфит**, они также впервые найдены в Березовском районе. Пир — огонь, филлон — лист. Почему соединены именно эти слова? Оказывается, если прокалить этот минерал, то он расщепится на тонкие листочки. Название дано ему в 1829 году русским минералогом Германом. А другому минералу по способности его изменять от огня свою форму (морфи — по-гречески форма) присвоено имя

пироморфит. Если его сплавить в шарик, то при охлаждении он примет кристаллическую форму.

Это — «греки» из Березовска.

В прошлом веке в окрестностях деревни Косой Брод нашли неизвестный до того времени минерал. При нагревании он растрескивался, распадался на отдельные кусочки. Ему дали имя **диаспор**, что означает рассеивающийся, распадающийся.

А один впервые найденный на Урале минерал получил название **монацит**, что значит — уединенный (от того же корня, что и греческое слово монах). Монацит действительно минерал обособленный, его никогда не видели в скоплениях, только редкие единичные зерна в горных породах и в россыпях.

Известный ученый Н. И. Кокшаров в прошлом веке исследовал и описал два новых уральских минерала, назвав их **клинохлором** и **ксантофиллитом**. Первый — зеленый, с наклонными гранями кристаллов (клино — по-гречески наклонять, хлорос — зеленый). А ксантофиллит (ксанто — желтый, филлон — лист) обычно встречается в виде листоватых или чешуйчатых скоплений.

В 1842 году в Ильменских горах нашли новый минерал: у кристаллов редкая форма клина. Его так и называли: **сфен**, что означает клин по-гречески.

Наследники людей

Не все имена минералов — из греческого языка. Во многих увековечены люди, памятные науке. Это как бы минералы-наследники.

По имени геолога И. В. Мушкетова,

автора многих учебников и научных трудов, **мушкетовитом** названа разновидность железной руды, найденная на Северном Урале. Имя геолога Чернышева увековечено в минерале **чернышевит**.

Особенно много имен выдающихся русских ученых — геологов, минералогов, петрографов — звучит в названиях минералов, открытых на Урале после Октября. В разновидности марганцевой руды, **вернадите**, — имя академика Вернадского: он заранее предсказал ее существование. В **севрегинит** вписано имя одного из первых исследователей минеральных богатств Урала — академика Севергина. В открытом в 1929 году **лессингите** — фамилия академика Левинсона-Лессинга.

Именем академика А. Е. Ферсмана, отдавшего много сил изучению минералов Урала, названо два минерала: **ферсмит**, содержащий редкоземельные элементы и найденный впервые в нашем крае, а также **ферсманит**.

Недавно на Урале нашли и исследовали новый минерал, относящийся к никель-содержащим силикатам. Его назвали **карпинскитом** по имени нашего земляка, академика-геолога А. П. Карпинского.

Некоторые минералы получили названия по именам людей вовсе не имевших никакого отношения к науке, тем более к минералогии. Например, один из красивейших самоцветов Урала — **александрит** — по имени царя Александра II. Этот минерал имеет свойство менять цвет в зависимости от освещения: днем — темно-зеленый, при искусственном свете — темно-малиновый, а под солнечным лучом — нежно-фиолетовый с синевато-зеленым отливом. Может быть, геологи имели в виду непостоянный характер царя?

Имена с карты

Многие минералы названы по месту, где впервые найдены. Нашли в Березовском — дали имя **березовит**, нашли в Тагиле — **тагилит**, в Невьянске — **невьянскит**, в Сысерти — **сысертскит**. Так можно бы наречь все минералы. А если в одном месте впервые встречены не один, а несколько минералов? Не пазовешь — запутаться можно. В Ильменских горах, в районе Березовского, Невьянска и в других местах таких первенцев очень много.

Несколько имен минералам дали Ильменские горы, этот «неписанный учебник и природный музей», как их рекомендовал

академик Ферсман. Здесь получили свое крещение **ильменит** и **ильменорутит**. От Вишневых гор на Южном Урале пошел **вишневит**; от Булдымских гор — **булдымит**, разновидность слюды от Соймоновской долины, вблизи Карабаша, — **соймонит**. Много имен от рек: Турья — **турьит**, богатая железная руда. От станции Айдырля — никелевая руда — **айдырлит**. Ревда дала имя силикатной никелевой руде — **ревдинскиту**, деревня Ишкальды — **ишкальдиту**, Кыштым — **кыштымиту**, поселок Велиховка — **велиховиту**, деревня Марсяты — **марсятскиту**, озеро Сунгуль — **сунгулиту**, знаменитая богатством минералов Ахматовская копь близ Златоуста — **ахматиту**.

А в честь самого батюшки Урала есть **уралит** — разновидность роговой обманки. Имя ему дал академик Н. И. Кокшаров. Наш земляк любил свой родной край и в честь Урала назвал еще один исследованный им минерал — **уралортит**.

„Многоэтажные“ названия

Больше всего, пожалуй, названий минералов взято из химии. Это тоже удобно, можно сразу судить о химическом составе: если минерал — **хромит**, значит, в его составе — химический элемент хром. Появились и «многоэтажные» имена: **хромперовскит** (содержит хром и перовскит), **хроморутит**, **купрокировит**, а то и совсем трудно выговариваемые: **феррипиккерингит**, **плюмбоярозит**, **плюмболимонит**. Чтобы расшифровать эти названия, надо хорошо знать химию и минералогия.

Таково происхождение названий некоторых уральских минералов. Многие минералы сами дали географические названия в нашем крае.

Есть у нас станция и гора Хрустальная; близ нее добывают горный хрусталь. Город Асбест известен всему миру — здесь крупнейшее в мире месторождение асбеста. Около горы Магнитной в 1929 году заложен город Магнитогорск.

Названия множества уральских поселков и железнодорожных станций: Колчедан, Самоцвет, Боксит, Изумруд, Мраморское и десятки других — связаны с полезными ископаемыми, найденными вблизи них. Так что, не зная хорошенько минералогии, можно иной раз встать в тупик: кто кому дал имя?

И. ЮДИН, К. ЮРИН

О СНЕЖНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

ПО ПРОСЬБЕ
НАШИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ

Публикуем сокращенный текст статьи М. М. Гупта, напечатанной в индийском журнале «Иллюстрирет уикли оф Индия». В ней автор пытается дать обзор и систематизировать последние сведения о снежном человеке. Сам Гупт, как видно, не сомневается в его существовании. Хотя еще многие ученые считают, что эта проблема — дело одних фольклористов, то есть «снежный человек» — это плод народной фантазии.

В 1958 году в высокогорные массивы Центральной Азии опять двинулось много экспедиций, которые, возможно, вскоре оповестят мир о разгадке еще одной тайны природы.

**СМОТРИ
СЛЕДУЮЩУЮ СТРАНИЦУ**

После завоевания почти всех снеговых вершин Гималаев мысли многих людей обратились к удивительному, интересному существу. Уже на протяжении пятидесяти лет альпинисты, которые поднимались на Гималайские вершины, утверждают, что оно действительно там обитает. Правительство Непала ежегодно получает много писем, в которых разные группы исследователей просят разрешения на розыски йети, так называемого снежного человека.

Первые научные розыски йети начала в 1954 году английская экспедиция. Она состояла из 9 человек и была организована газетой «Дейли мейл». Членам экспедиции не удалось увидеть йети. Но они возвратились с убеждением, что йети — это «человекообразное существо, которое живет в Гималаях и не является ни медведем, ни обезьяной».

Тенсинг Норгей, один из завоевателей высшей пики на земле, считает, что «существование йети — такой же факт, как и существование горы Эверест».

В существование йети верит каждый шерп (племя шерпов живет в высокогорных районах Непала). Шерп Пхурпа, из селения Торке, которое находится в трех днях езды на север от Катманду (столицы Непала), недавно встретился с йети.

«Около десяти часов утра, — рассказал Пхурпа, — я пошел на свою водяную мельницу, расположенную на краю селения, забрать муку и засы-

пать зерно. Чтобы на мельницу не попал дикий зверь, я всегда хорошо закрывал помещение. Так было и в прошлый вечер, и я очень удивился, увидев, что двери открыты. Сначала я подумал, что это кто-то из моих домашних пришел раньше меня. Но, вспомнив, что, кроме большой жены, дома никого нет, решил, что там находится кто-то из жителей нашего селения. Я осторожно приблизился к мельнице и заглянул в щель. Но увидел там совсем не человека, а огромное человекообразное существо, все тело которого было покрыто длинными густыми волосами. Оно уничтожило всю муку и искало еще

чего-нибудь поесть. Чудовище было около девяти футов вышины. (1 фут — 30,48 см. — Ред.). Длинные руки странного существа почти достигали колен. Оно так увлеклось розысками, что даже не заметило меня. Я слышал много историй про йети и знал: встреча с ним приносит несчастье. Но чудовище так заинтересовало меня, что я решил хорошенько к нему присмотреться. Безволосое плоское лицо животного, покрытое множеством морщин, очень напоминало морду обезьяны. Высокая голова была конической формы, волосы покрывали все тело. Ногти его длинных пальцев напоминали когти огромного медведя. Разыскивая пищу, чудовище все время урчало, как дикий кабан. Хвоста у него не было совсем. Тело существа было белое от муки. Существо еще не заметило меня, поэтому я осторожно отскочил и быстро побежал в селение, чтобы позвать жителей на помощь. Йети услышал мой крик и на двух ногах быстро поспекал к снежным вершинам. Жители селения, которые выбежали на мои крики, видели, как он бежал».

Три человека из этого селения подтвердили, что они действительно видели огромное человекообразное существо, бежавшее на значительном расстоянии. Тело его было покрыто волосами. Крестьяне утверждали, что это непременно йети.

Существо десяти футов вышиной убило двенадцать работников индийского департамента почты и телеграфа около Чумитханга, расположенного в трех милях от Джалабского перевала в Сиккиме. Это случилось несколько лет тому назад, о чем известно из официальных источников.

Жюль Детри, бельгийский антрополог, побывавший в Ганеш Гимале в 1954 году вместе со

швейцарской экспедицией, сказал: «Мы нашли отпечатки ног какого-то человекообразного существа. Можно сказать наверное, что они не принадлежат ни человеку, ни животному. Подобные отпечатки я видел также в горах Бирмы. Это следы первобытного человека йети, который живет в Гималаях. В одном месте я видел огромные каменные глыбы, лежащие одна на другой. Я считаю, что таким образом йети отмечает свой путь».

Вожди шерпов из Катманду говорят, что йети — это получеловек, полуживотное. Он питается сырым мясом, кореньями и фруктами, живет в лесу на высоте 8—12 тысяч футов, а во время поисков пищи забираться даже на высоту 21 тысячи футов. Жилище йети не строит, огня не знает и очень его боится. Обычно йети ходят в одиночку, но видели группы из двух-трех существ.

Лама Пунья Байра, настоятель монастыря в Катманду, утверждает, что йети придерживаются многожества, а главная самка, которую называют «мее-тех», является вожаком стаи. В лунные ночи видели, как йети собираются под высоким деревом и устраивают своеобразные соревнования. Самый сильный из самцов старается прыгнуть к земле толстую ветку дерева, а потом отпускает ее под громкие аплодисменты всей стаи. Эта игра, которая, возможно, является доказательством силы и могущества, продолжается на протяжении всей ночи. Еще одно из развлечений йети — бросание каменных глыб. Лама Пунья Байра рассказывает, что время от времени йети собираются на соревнования по этому виду «спорта». Лама говорит, что йети поднимают глыбы, которые не могут сдвинуть с места даже пятнадцать человек.

Рассказывают, что в селении Торке (около подножия Лангтанской горной гряды) есть семья шерпов, которая происходит от отца йети и матери шерпы. Члены этой семьи очень высокого роста, лица их похожи на обезьяны, тело покрыто волосами. У них дикий характер и необыкновенная сила. Группа американцев недавно побывала в этом селении, но им очень вежливо отказали в какой-либо информации о потомках йети. Известно также, что вблизи селения Мелюмче живет еще одна такая семья, которая происходит от матери йети и отца шерпа.

Около подножия горы Эверест в монастыре Пангбоче хранится скальп, как будто бы принадлежащий йети. Ламы утверждают, что этот йети жил несколько поколений тому назад. Скальп был сфотографирован многими исследователями. Недавно в монастыре побывал швейцарский путешественник Шульте. Он рассказал: «Лама, который показал мне скальп, клялся, что это скальп йети. Скальп имеет коническую форму, он вдвое больше, чем скальп нормального человека, и покрыт очень толстой кожей, похожей на кожу дикого кабана. На ней — волосы

коричневого цвета в дюйм длиной. На вид скальп очень старый».

Чарльз Стонор, участник экспедиции «Дейли мейл», также видел скальп Пангбоче и сфотографировал его. Он сообщил: «Диаметр скальпа разрешает человеку одеть его на голову. Он буро-черного цвета, имеет толстую кожу и редкие волосы, которые на затылке и с боков лежат так, как человеческие волосы на черепе. Известно, что этот скальп очень древний. Он постоянно хранится в монастыре, но ежегодно во время религиозного праздника исполнитель священного танца, который изображает йети, одевает скальп на голову».

Греческий исследователь Томбаджи утверждает, что видел йети собственными глазами в ущелье Зему в 1925 году. В 1949 году на перевале Зему йети видели норвежцы Торберг и Фротис. Вместе со своими спутниками-шерпами они шли по его следам, и неожиданно на них пало огромное человекообразное волосатое существо. «Один из нас был сбит с ног и искалечен. Пока остальные возились около него, обезьяноподобное существо исчезло», — рассказывали они.

Тайну йети могла быстро бы раскрыть экспедиция из самих шерпов, без единого иноземца.

Правительство Непала строго запрещает убивать йети. Разрешено только фотографировать их при условии, что это не причинит им никакого вреда. Ламы высокогорных монастырей, расположенных вблизи вершин, на которых встречаются йети, выразили неудовольствие по поводу намерений чужестранцев охотиться на снежного человека.

В следующем номере журнала начинаем печатать рассказ о приключениях свердловского студента-альпиниста среди снежных людей — „Брат Гули-Бьябона“.

Крепко, как сталь, прозрачно, как воздух

БЕЛЛА ДИЖУР

Рисунки М. ЗАВОДЧИКОВА

Поистине чудесна наука химия! Люди, посвятившие себя ей, проникли в глубочайшие тайники вещества. Они научились считать невидимые атомы в молекуле, узнали место каждой и по своему желанию передвигают, перемещают молекулы, заменяя одну другой.

Одно перемещение атомов — и для вас готовы духи «Белая сирень», «Серебристый ландыш». Другое перемещение — к услугам больных людей лекарства. Новая замена атомов — и в руках у химика взрывчатое вещество, капроновая ткань, деталь автомобиля.

Оглядитесь вокруг себя и вы увидите, что многие предметы, которыми вы пользуетесь, созданы химией: чернила, краски, бумага, пуговицы, телефонный аппарат, ручка, статуэтка. И все это сделано не из кости, не из дерева или металла, а из воды, воздуха, угля, и нефти.

Из этого недорогого и доступного сырья химики научились готовить сотни различных веществ. Одни могут заменить сталь, другие — цветные металлы. Третьи — не отличись от драгоценных камней. Четвертые — красивы и тверды, как кость.

Среди многообразных новых материалов есть один, который называют органическим стеклом. Оно действительно похоже на обычное, давно известное нам стекло и вместе с тем сильно от него отличается.

Обычное наше стекло тоже не росло из земли, подобно дереву, и не скрывалось в недрах, подобно железу. Его создал человек более пяти тысяч лет тому назад. Он создал его, заставив атомы химических элементов, входящих в состав песка, соды и извести, соединиться между собой. Для этого понадобились печи, дающие очень высокую температуру. Эти печи были созданы.

Затем люди придумали выдувальные машины, чтобы из горячего жидкого стекла изготавливать вазы, стаканы, колбы. Были изобретены шлифовальные и полироваль-

ные станки, на которых обрабатываются листы стекла. Из века в век совершенствовалось производство стекла, но и требования к нему беспрепятственно повышались. А когда люди начали строить самолеты, авиаконструкторы предъявили химикам особые требования.

— Дайте нам стекло, чтоб оно было не только прозрачно, как воздух, — сказали они, — но чтобы при этом его можно было использовать как стальную броню, и чтобы оно было легким, как дерево...

Но разве это возможно?..

Да. Возможно. Чтоб приготовить такое стекло, не нужны ни жаркие печи с температурой в полторы тысячи градусов, ни выдувальные машины, ни огромные шлифовальные и полировальные станки. Изделия из этого стекла получаются сразу гладкими, блестящими, словно их полировали. Поэтому из него делают разные красивые вещи: шкатулки, люстры, чернильные приборы, пуговицы, брошки, статуэтки. Это удивительное стекло можно обрабатывать на токарном станке, строгать рубанком, сверлить, пилить, склеивать...

И не только красивые, но и полезные вещи изготавливают из этого нового вещества. Оно обладает такими свойствами, каких не хватает нашему старому знакомому стеклу.

Например, новое гораздо прозрачнее. Если поставить вплотную друг к другу много обычных стеклянных листов, сделав из них целую стенку толщиной в метр, свет сквозь эту стенку будет зеленоватым, и читать при нем невозможно. А если такую же стенку сложить из нового органического стекла, свет останется чистым, ясным. Садись и читай!

Больше того! В комнате, застекленной таким стеклом, можно загорать. Оно пропускает ультрафиолетовые лучи, те самые, которые делают нашу кожу темной. Как хорошо! В больницах, где лежат люди, которых нельзя выводить на воздух, можно загорать прямо в палатах.

Есть у этого нового стекла и другие замечательные свойства.

Я видела у одного инженера в комнате занятное приспособление. Через всю комнату от одной стены к другой был протянут длинный

стеклянный трос. На одном его конце приделана электрическая лампочка, а из другого выходит свет, падающий на стол круглым световым пятном, точно от лампы. По стеклянному тросу, словно по проводу, прошел свет.

Но необходимее всего это новое стекло оказалось для строительства самолетов. В нем сочетаются все те качества, которые потребовали авиаинженеры: легкость, прочность и особая прозрачность.

Что же это за удивительное вещество?

По своему составу оно ничем не напоминает обычное, тысячелетиями знакомое людям стекло. Оно отличается от старого так же, как живая природа отличается от неживой. Конечно, это не значит, что стекло живое или похоже на что-нибудь живое! Но ведь даже самые младшие школьники знают, что молекулы камня иные, чем молекулы растения или животного, что в состав хлеба, сахара, яблока, мяса или молока обязательно входят атомы углерода, что углеродистые вещества называются органическими.

Новое стекло тоже называют органическим. Его молекулы состоят из углерода, кислорода, водорода. Чтоб изготовить органическое стекло, не нужно добывать песок, известь, соду. Издавна его делают из воздуха, воды и тех газов, которые получаются при перегонке нефти. Но было бы неправильным понять все сказанное так: захотел кто-нибудь получить кусок стекла, смешал воду, воздух и нефтяные газы и... вот тебе органическое стекло!

Долгий путь превращений должны пройти эти вещества. Много надо поработать химикам, пока из-под их рук выйдет скромный лист органического стекла или даже маленькая пугавка из этого же стекла. А тому, кто будет наблюдать на заводе органического стекла работу химиков, покажется, что здесь все делается само по себе, что люди, в сущности, только дежурят у больших закрытых сосудов.

Главные химические таинства, действительно, скрыты от глаз человека. Тем удивительнее, что химики безошибочно ими управляют. Они строят молекулы нового вещества, заставляя каждый атом в молекуле занять строго определенное, отведенное ему место. Они заставляют атомы перебираться из одной молекулы в другую, меняться местами, группироваться в нужных химии количествах. Эти мельчайшие невидимые частички вещества покорно подчиняются воле человека.

На заводе, где изготавливают органическое стекло, мне показали большие баки. На них были нарисованы скрещенные кости, череп и написано: «Яд!»

— Вот здесь ацетон, — сказали мне, — а здесь синильная кислота...

В воздухе стоял резкий запах, и слышалось журчание воды.

— Ацетон и синильная кислота соединяются вместе, и получается...

— Органическое стекло? — спросила я.

Надо мной посмеялись.

— О, нет! До него еще далеко! Пока получаем только одно промежуточное вещество, которое еще надо обработать серной кислотой, чтоб отнять от него воду. Вот мы и отнимаем. А потом обратно прибавляем ее и получаем новое промежуточное вещество, а затем третье, четвертое и, наконец...

— Органическое стекло! — обрадовалась я.

— Нет! Все еще не оно! А вот что...

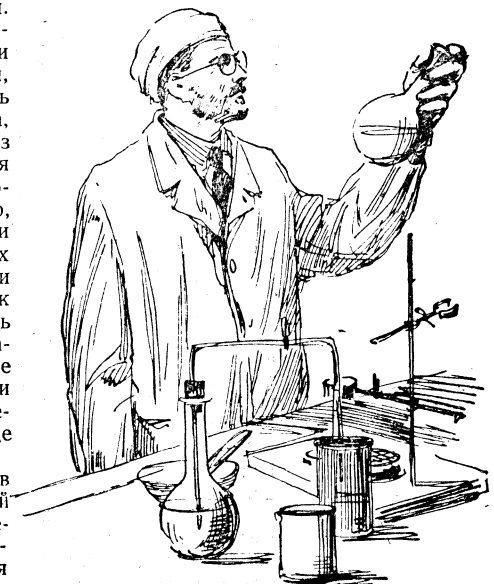
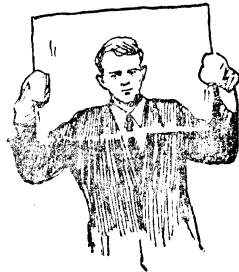
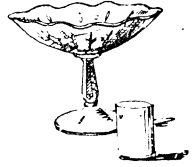
Меня повели в другой цех, где работали девушки в белых халатах. Над каждой из них висел большой белый мешок, наполненный... чем бы вы думали? Воздухом! Самым обыкновенным чистым воздухом. Дело в том, что к рабочему месту каждой девушки подходит металлическая трубка, из которой льется чистейшая прозрачная жидкость. Она имеет резкий запах и тоже очень вредна. Чтобы девушкам легче дышалось во время работы, повешены эти мешки с дополнительным воздухом. Работа девушек заключается в том, чтоб направить прозрачную струю в маленькую щель между двумя лежащими перед ней обыкновенными стеклянными листами. Струя прозрачной жидкости равномерно растекается по всему пространству между стеклянными листами. Похлопав по этому странному бутерброду, девушка принимает за изгоствление следующего. А готовый уходит в нагревательную печь.

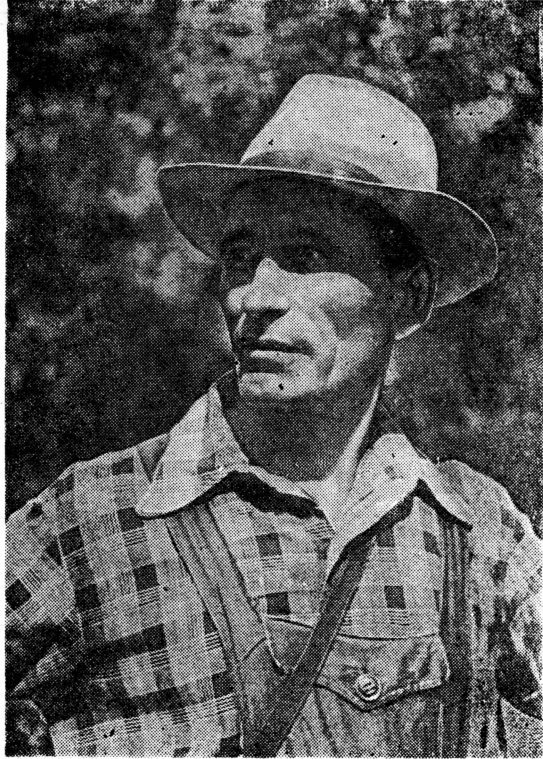
Температура в ней невысокая, всего пятьдесят градусов. Но этого достаточно, чтоб через три-четыре дня жидкость затвердела. После того, как весь бутерброд остынет, стеклянные листы раздвинут, и между ними окажется прозрачный блестящий лист органического стекла. Он очень светлый, не имеет никакого зеленоватого оттенка и так блестит, словно его отполировали. Можно было бы не отправлять прозрачную жидкость в печь, а оставить ее стоять на свету. Свет влияет на нее так же, как тепло, но затвердение ее шло бы медленнее.

Дело в том, что молекулы, из которых состоит эта прозрачная жидкость, обладают чудотворной способностью. Они могут сцепляться одна с другой, плотно нанизываться одна на другую, как бусины, и так крепко соединяться, что из многих маленьких образуется одна гигантская молекула, молекула-великан. Вот из таких-то молекул-великанов и состоит органическое стекло.

Велико могущество человека над природой. Оно началось в те далекие времена, когда наши предки завладели огнем, научились обтачивать камни, строить жилища, готовить украшения из бивней слона и панциря черепахи. Наконец люди узнали тайны недр, нашли в глубине земли руды и извлекли из них металлы. Но проходили века и века, и человек расширял свою власть над природой. Он научился пользоваться не только ее благами, но и создавать новые вещества, каких в природе и не бывало.

С этого момента в истории человеческой культуры, в истории вещей, которыми мы пользуемся, наступила новая эра, и мы, люди двадцатого века, ее зачинали.

ИНТЕРЕСНАЯ НАХОДКА П. Т. КОНОПЛИ

Очень заманчиво заглянуть в глубь веков. Если немного пофантазировать, то можно представить, как по узкой тропе среди пышных зарослей кустарника пробирается низколобый, немного согнутый, волосатый человек. Это первобытный охотник. В руках он держит тяжелый заостренный камень. Человек крадется к стаду диких козлов, которые спустились с гор к благодатному источнику. Схватка между ними неизбежна...

Но, для того, чтобы представить, как жили предки десятки тысяч лет тому назад, вовсе не обязательно фантазировать. Археологи, раскапывая селища древних людей, рассказывают нам о наших предках так, как будто видели их сами.

У Павла Трофимовича Конопля — скромная профессия. Он слесарь. Однако с детских лет его волновали рассказы о прошлом. Руины древних укреплений, разрушенные замки и крепости, пещеры и курганы, следы древних оросительных каналов — все интересовало любознательного человека. И он стал следопытом.

Ферганская долина, где живет Павел Трофимович, по природным условиям мало изменилась за 50 тысяч лет. Все так же окаймляют ее зубчатые громады гор, все так же пересекает ее Сыр-Дарья. Только растительность в те далекие времена была богаче. Да в густых лесах водилось немало всяких зверей. Несомненно, что в глубочайшей древности здесь обитали первобытные люди.

Кто они, как боролись за свое существование? Вот чем заинтересовался следопыт Конопля. Ведь должно что-то остаться от тех веков!

В 1953 году в живописной долине реки Охны Павел Трофимович поднял небольшой кусок кремнистой породы. Первая находка! Оказалось, что это изделие первобытного человека: Нуклеус, или каменное ядрище, от которого неандер-

тальцы отщепляли ударами камня тонкие куски. Из них они делали свои «ножи» и «топоры».

Важно найти первый след. За ним обязательно последуют новые открытия. Погребения эпохи бронзы и раннего железа, клад мусульманских монет, несколько стоянок древних людей,

Но неумолимый разведчик этим не ограничился. Он решил обследовать окрестности в районе горы Капчигай. И чуть его не обмануло. Найдена новая прекрасная стоянка со значительным скоплением орудий неандертальцев. Недалеко от нее обнаружен родник с питьевой водой. Но только ли родник привлекал сюда первобытных людей? Ведь хорошей водой богата вся долина. Взгляд пытливого искателя упал на довольно крупный останец, который поднимался над родником. Склон его был покрыт каменной сланцевой осыпью. А в ней Павел Трофимович Конопля заметил куски кремнистой породы, той самой, из которой сделаны все орудия, найденные вокруг стоянки.

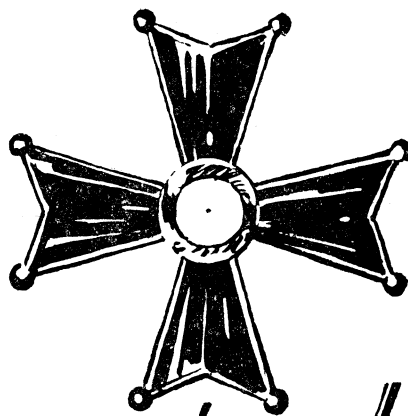
Выше и выше по крутому склону. Обломков кремнистой породы голубовато-серого цвета становится все больше и больше. Встречаются и куски, обработанные рукою человека, с характерным для них изломом и «ударным» бугорком, скребки, остроконечники. Сюда материал не могли занести ни вода, ни человек: слишком много было этих обломков, да и крутизна склона не могла служить местом стоянки.

Археолог-любитель поднялся еще выше. И вот у верхней кромки останца он открыл то, что искал: коренные выходы кремнистой породы. Сюда-то и взбирались наши предки-неандертальцы, здесь они выбивали куски породы, более ценной для них, чем для нас лучшая сталь. Здесь они делали пробные «отщепы», здесь же нередко превращали эти отщепы в скребки, остроконечники и другие орудия. Огромная древняя мастерская!

Недавно «мастерскую» неандертальцев в Капчигае осмотрел крупнейший специалист по палеолиту профессор А. П. Окладников. Глядя на замечательный останец, он сказал: «Удивляюсь зоркости Павла Трофимовича. При всем моем опыте я, может быть, и не догадался бы подняться туда».

Н. ЛЕОНОВ,
профессор

Золотой Крест

Рисунки В. ВАСИЛЬЕВА

Пионервожатый школы № 40 города Свердловска В. Фарафонов пишет «Следопыту»: «...Летом в журнале «Огонек» № 28 я прочитал небольшую заметку «Сашка-летчик» о нашем земляке Александре Кузнецове. Хотелось бы узнать о нем более подробно».

В очерке подполковника Ю. Левина и подполковника Н. Мыльникова дается ответ В. Фарафонову и всем тем, кто интересуется героем партизанской войны в Польше в годы гитлеровской оккупации Александром Васильевичем Кузнецовым.

1. За линией фронта

Февраль 1942 года. В тот день, когда коммунисты полка приняли командира авиазвена лейтенанта Кузнецова в кандидаты партии, поступил приказ вылететь в район Калуги. Кузнецов сел в самолет. На аэродроме появился комиссар полка. Он вынул из кожаной сумки кандидатскую карточку и крикнул:

— Вечером, Александр Васильевич, вручать будем. Желаю удачи!

Но летчик в тот вечер на аэродром не вернулся.

Патрулируя над Калугой, Кузнецов завязал бой с двумя «мессершмиттами». От метких выстрелов из всех четырех пулеметов одна из вражеских машин по частям рассыпалась в воздухе. Второй самолет пошел на запад. Лейтенант погнался

за ним и в пылу задора не заметил, как перелетел линию фронта.

Немецкие зенитчики тотчас взяли советский самолет в кольцо, несравнимо сжимая его с каждой секундой. Кузнецов бросал машину из стороны в сторону, стремясь выйти из зоны плотного огня. Но вот один из снарядов ударил в самолет. Осколками был тяжело ранен пилот. Машина загорелась.

Летчик на предельной скорости повел объятый пламенем самолет. Зенитные орудия смолкли. «Наша территория!» — решил Кузнецов.

Дальше медлить было нельзя. Вот-вот взорвутся бензобаки. Надо прыгать. Есть прыжок! Кузнецов с трудом откинул колпак кабины и, пересиливая боль, вывалился за борт.

Упругий, тугий воздух ударил в лицо. Мимо с ревом промчался к земле горящий

истребитель. Пора раскрывать парашют. Летчик дернул кольцо.

Но что это? Купол парашюта, не успев наполниться воздухом, свернулся в комок... Значит, его прострочили пулеметной очередью.

Кузнецов сильно ударился о жесткий грунт и потерял сознание. А очнувшись, увидел перед собой большого, широкоплечевого немца...

На окровавленных холщовых носилках Александра Кузнецова внесли в одну из комнат штаба фронтовой разведки. Вызвали врача. Появился и переводчик — молодой бравый немец. Приветливо улыбаясь, он спросил:

— Вы Кузнецов Александр Васильевич?

— Я Кузнецов.

— Так вот, Александр Васильевич, война для вас кончилась. Теперь вы мирный человек. Давайте по-мирному и поговорим.

Кузнецов поморщился от боли в ноге и промолчал. Начался корректно-вежливый допрос.

— Сначала, — обратился переводчик, — расскажите нам, в каком полку вы служили, кто ваш командир, в какую дивизию входит полк.

Кузнецов решил не говорить правды. Полк, дивизию и фамилию командиров он придумал в один момент.

— Где располагается ваш полк? — последовал вопрос.

— На Внуковском аэродроме под Москвой, — наугад сказал летчик.

— Сколько самолетов?

— На аэродроме держат определенный комплект. Но по соседству есть резервы. Командир дивизии требовал, чтобы мы в первую очередь берегли себя, а самолетов, мол, хватит...

Летчику показали огромную карту. Красные пятиконечные звездочки обозначали советские аэродромы.

— На каких аэродромах вам удалось побывать?

— Из этих я не был ни на одном: прибыл на фронт три дня назад.

— И за три дня заслужили орден Красного Знамени?

— Красное Знамя я получил за бои с белофиннами.

Переводчик заинтересовался тем, как живет Москва.

— В Москве я был на прошлой неделе, слушал оперу «Евгений Онегин», — ответил Кузнецов. — Город живет неплохо. Театры переполнены, магазины торгуют, метро работает круглосуточно...

На другой день летчику задали те же вопросы. И тут он допустил оплошность: перепутал номера вымышленных полков и дивизии.

— Чему же теперь верить? — зловеще спросил переводчик. — Вчерашним или сегодняшним словам? Вы говорите чушь! — Продолговатое розовое лицо немца искажилось злобой. — Где же истина, которую ты обещал говорить?

Сильный удар кулака пришелся Кузнецову по левому виску. Летчик потерял сознание.

Через несколько дней лейтенанта привезли в Смоленский лагерь, а в марте переправили в Лодзинский.

Жизнь в лагере была трудной, голодной. На день выдавалось литр брюквенного супу и двести граммов суррогатного хлеба. Пленные пухли. У Александра Кузнецова исподволь зрела мысль о побеге. Но куда бежать? С кем? Все это надо тщательно обдумать, взвесить.

Однажды летчика вызвали в канцелярию и предложили поступить в немецкую авиацию.

— Будете летать в качестве штурмана.

— Бомбить своих людей? Поищите другого! Вряд ли кто-нибудь из русских согласится на предательство!

— Ну, если не хотите летать на Россию, мы пошлем вас на Англию, — не унимался седой сухощавый офицер с железным крестом. — Ведь англичане обещанный второй фронт не открывают.

— Придет время — откроют.

Уговоры продолжались несколько дней, но ни Александр Кузнецов, никто другой из летчиков в гитлеровскую авиацию не пошел.

— Дали мы немцам бой! Не нашлось предателя у нас. Молодцы, ребята! — сказал как-то Александру майор Константин Белоусов. До фашистского плена он командовал истребительным авиационным полком.

Откровенный разговор послужил началом большой дружбы. Летчики теперь уже вместе стали обдумывать планы побега.

При любом варианте требовалась помощь человека с воли. Где найти такого человека?

Группу военнопленных направили работать на текстильную фабрику Гаера. Работой руководил мастер-поляк. Это был щуплый, смуглолицый человек с глубокими морщинами на лице и черной щеточкой усов.

— Мы с вами трудимся на Великую Германию, — сказал он. — Попрошу относиться к делу так, как полагается.

По лицу его скользнула едва уловимая улыбка. И пленные не поняли: то ли в защиту Германии он говорил, то ли против.

Мастер оказался довольно общительным человеком. Уже на второй день он рассказал подчиненным последнюю сводку Совинформбюро, а потом добавил:

— На фронте беспокойно. Чтобы помогать фронту, надо работать честно и добросовестно.

И опять пленные не поняли, кто он — враг или друг? Кузнецов и Белоусов решили: мастер — свой человек. Выбрав удобный момент, они спросили у старика, есть ли в Лодзи подпольная организация...

— Откуда мне знать? — уклончиво ответил поляк. — Я политикой не занимаюсь... — Он немного помолчал, осмотрелся вокруг и, погладив усики, добавил:

— А вы, пане, чего желаете?

— Желание наше — проститься с пленом, — твердо сказал Белоусов.

— Хорошее желание...

На следующий день мастер объяснил летчикам, что у него на примете есть человек, связанный с подпольщиками. Кузнецов и Белоусов написали записку, в которой говорилось: «Два русских летчика, командир полка и командир звена, хотят совершить побег. Помогите нам». Как-то, улучив минуту, мастер шепнул Белоусову:

— В понедельник вам принесут костюмы. Будьте готовы.

Медленно тянулось время. Друзья едва скоротали ночь. Прошли еще день и еще ночь.

Наконец настал понедельник.

После завтрака пленных выстроили во дворе и объявили, что работы на фабрике закончены и пленные переводятся на ремонт мостовой.

План побега рушился. Вечером, лежа на нарах, Белоусов и Кузнецов долго шептались о том, что делать дальше.

А на следующий день друзей не допустили к работе. Константину Белоусову и Александру Кузнецову руководители лагеря учинили допрос.

Первым под конвоем увели майора. Его держали не меньше трех часов, а потом избитого, окровавленного принесли на носилках.

— Саша, держись, — сказал Белоусов. — Там сидят бандиты самой высшей пробы.

— Вы есть Кузнецов Александр Васильевич? — спросил через переводчика молодой откормленный немец.

— Так точно.

— Расскажите, как вы хотели сделать побег.

— Не понимаю такого вопроса.

— А вы не притворяйтесь глупцом и тогда поймете. Белоусов тоже нас не понимал, а потом понял и во всем признался. За это ему сохраняем жизнь.

— Я хорошо знаю майора Белоусова. Знаю и то, что никуда он не убежит. У него сил не хватит. Что касается меня, это другой разговор. Я бы, может быть, и хотел сбежать, только не в таких условиях думать об этом...

— Почему?

— Человек я занумерованный. Мой девяносто шестой номер значится во всех документах. Кроме того, бежать некуда: до фронта около тысячи километров. Немецким языком не владею. Я опух, голодный, без оружия. Причин очень много, и всякий побег я считаю утопией...

— Все это так, — не унимался фашист. — Рассуждаете логично. Но мы имеем точные сведения о вашем решении убежать из плена.

«Неужели выдал мастер? — пронеслось в голове у Кузнецова. — Он предатель? Нет, этого не может быть». — Летчик решительно сказал:

— Сведения у вас могут быть самые различные. Но провокационными вопросами меня не брать.

— Ах так! Ты еще способен на дерзость! — вскипел фашист и резным, с затейливыми инкрустациями массивным стэком сшиб лейтенанта с ног и стал жестоко избивать его пинками. Из носа хлынула кровь, испянавшая зеленую ковровую дорожку. Когда Кузнецов пришел в чувство, его строго предупредили: в случае появления слухов о побеге он будет расстрелян.

Позднее выяснилось, что вчерашний разговор летчиков подслушал предатель и донес об этом в канцелярию лагерь.

Белоусова и Кузнецова стали посылать на работы в разных группах. Теперь встречались они только по вечерам в бараке. Окончательно обессиленный, майор сказал лейтенанту:

— Я, Саша, не выдержу такого ада... А тебе надо бороться. Подбирай человека из тех, кто еще не отошал, и убегай.

Однажды вечером Кузнецов вышел во двор и увидел рослого, широкоплечего парня. Стоя посредине двора, тот, высоко подняв голову, пристально смотрел в ясное звездное небо.

— Не маршрут ли выбираешь? — как бы в шутку, поинтересовался Кузнецов.

— Да не прочь... Только знаешь, как в песне поется? — Парень тихим грудным голосом пропел: — «Мне ведь хочется на волю — цепь порвать я не могу...»

— Но есть и другая песня: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет...»

— И то верно...

Так Александр Кузнецов познакомился с летчиком Аркадием Ворожцовым. Когда лейтенант рассказал о встрече Белоусову, тот заметил:

— Ворожцов — кремень. На такого можно положиться. В прошлый раз я его тебе и называл.

Кузнецов нашел себе еще одного друга.

Прошло полмесяца, и они твердо решились бежать.

На скудные хлебные пайки летчики выменяли рабочие комбинезоны. Украдкой от окружающих Белоусов сшил береты из старых, выгоревших на солнце суконных лоскутков.

И вот уже все готово, майор дает последние советы, напутствие:

— Куда попало не бегите. Схватят ни

за что. Делайте так: пробирайтесь к текстильной фабрике в то время, когда рабочие кончают смену. Встретите знакомого мастера. Он поможет...

Прошла еще неделя. А на следующей Кузнецов сказал Ворожцову:

— Завтра бежим. Рекогносцировка сделана...

Утром (это было 9 октября 1942 года) они простились с майором Белоусовым. И старый, закаленный в боях летчик заплакал.

Побег

Стоял ранний час. Город просыпался. По улицам мерно прохаживались полицмены, пристально осматривая встречаемых.

Моросил дождь, осенний, назойливый.

Пошли трамваи. И первым из них показался тот, который всегда привлекал внимание горожан. Это мчался трамвай особого назначения. Он не делал остановок, а катил прямо к месту. В нем везли военнопленных. Возле обувной фабрики трамвай остановился. С подножки соскочил охранник в брезентовом плаще и зычно закричал:

— Шнеллер!

Дождь все усиливался.

Кузнецов задумался. К горлу подкатил комок. Он вспомнил о товарище, оставшемся по ту сторону железной проволоки, и почти наяву ощутил тепло рукопожатия Константина Емельяновича Белоусова.

Проходная осталась позади. Пленных распределили по рабочим участкам. Одни копали рвы, другие таскали бревна, третьи устанавливали поребрики и асфальтировали дорожки.

Кузнецов и Ворожцов таскали на носилках булыжник и внимательно следили за охранником, выжидая удобный момент.

Подойдя с носилками к столовой, лейтенант приказал Ворожцову, не торопясь, накладывать булыжник, а сам проник в помещение. Дернул створку окна на себя, оно не открылось. Попробовал вторую — удача.

В это время вбежал Ворожцов.

— Снимай робу! — скомандовал Кузнецов.

Оба сбросили лагерные лохмотья и остались в рабочих комбинезонах, надели на головы береты, поднялись на подоконник, не задерживаясь, спрыгнули вниз и, по-деловому вскинув на плечи лопаты, зашагали по тротуару.

Впереди на перекрестке стоял жандарм. Поворачивать некуда.

— Смелей! — шепнул Кузнецов.

Спокойно разговаривая, они прошли мимо.

А как пройти на фабрику Гаера, к мастеру-поляку, что обещал помочь? Знакома лишь одна улица Лодзи, по которой возили пленных на работу. Кузнецов прочитал на угловом доме «Адольф Гитлерштрассе». Раз в честь Гитлера, значит, это главная улица. А фабрика — в центре.

На часах костела уже двенадцать, а встретиться с мастером можно лишь после работы.

Что делать? Каждую минуту могут начаться поиски бежавших. Где же укрыться?

И тут беглецы заметили старика с метлой.

— Подойдем? — предложил Кузнецов.

— Рискнем... Будь, что будет...

Старик оказался глухим. Говорить с ним было трудно.

— Мы русские, — прокричал Кузнецов прямо ему в ухо, — бежали. Помогите скрыться.

— Русские? — Старик перепугался, но тут же понял все и суетливо проговорил: — Ходьте, панове, за мной.

Провел летчиков во двор костела, открыл деревянную будку. Условились, что старик закроет их на замок и через три часа вернется.

Щелкнул ключ. Тревожные мысли не давали покоя. «А вдруг старик ушел за полицией?» Час. Два. Два с половиной.

Старик вернулся через три часа.

Он нашел русским летчикам надежную квартиру.

Кузнецов, оставив Ворожцова, пошел на фабрику. Теперь адрес ее известен: Петраковская, 295.

Ворота фабрики открылись. Рабочие группами и поодиночке пересекали улицу.

Присев на лавочку возле палисадника, что стоял напротив проходной, Кузнецов встречал и провожал взглядом каждого

прохожего. Учащенно билось сердце. «А что, если мастер здесь уже не работает?» И только подумал об этом, как показалось знакомое лицо.

Летчик наклоном головы поздоровался с поляком.

Мастер поравнялся с Кузнецовым и, не оборачиваясь, бросил фразу:

— Идите позади меня шагов на пятьдесят.

Старик свернул в переулок, прошел два квартала и снова повернул в проулок. Летчику хотелось узнать: куда ведет его поляк. Хотелось договориться с ним относительно Ворожцова. В безлюдном переулке Кузнецов догнал мастера.

— У меня еще товарищ есть!

Поляк оборвал сердито:

— Отстаньте на пятьдесят шагов.

Наконец они пришли в какой-то тесный двор, обнесенный дощатым забором.

— Подождите здесь, — распорядился поляк и вошел в дом. Затем туда пригласили Кузнецова. Он поднялся на второй этаж, в квартиру мастера модельной обуви Чеховича. Хозяин поднял сомкнутую в кулак руку и торжественно произнес:

— Рот фронт!

— Рот фронт! — ответил Александр. Они крепко обнялись, расцеловались. Кузнецов рассказал о Ворожцове. Чехович успокоил летчика:

— Как только заметем ваши следы, найдем и товарища.

Мастер-ткач ушел.

Летчика накормили, одели в хороший кофейного цвета плащ и бежевую шляпу.

— А теперь — в путь!

Выйдя в прихожую, Чехович остановил Кузнецова:

— Шагайте позади меня. Нам встретится человек. Я поздороваюсь за руку, и вы пойдете за ним.

— Понял, — ответил Кузнецов.

Миновали улицу, за ней переулок. Чеховича остановил приятель:

— Полиция ищет русских. Сбежали из лагеря...

Чехович сокрушенно покачал головой и зашагал дальше. Прошел еще квартал, второй, третий. У большого книжного магазина Чеховича остановил мужчина в коричневом костюме. Поздоровались. Кузнецов понял: свой — и пошел за ним.

Лодзинское подполье

Юзеф Домбровский привел Кузнецова на квартиру Франтишека Гурницкого. Находясь в доме, где собирались товарищи из польской рабочей партии, советский летчик уже в первый вечер увидел бесстрашных людей, преданных делу борьбы за свободу отечества. Это были партийные руководители и рядовые члены пар-

тии, мужчины и женщины, старики и молодежь.

— Очень хорошо, что вы пришли к нам,— сказал Кузнецову секретарь Лодзинского подпольного окружка Польской рабочей партии Игнац Лога-Совинский, по кличке Игнат.— Работы у нас хватит. А пока знакомьтесь с нашими товарищами, расскажите им о Советском Союзе.

После долгих усилий подпольщики разыскали Аркадия Ворожцова и вовлекли его в активную боевую жизнь.

По решению руководителей подполья Кузнецова перевели на квартиру к Людвигу Шпруху. Людвиг Шпрух и его сын Тадеуш работали в писчебумажном магазине на Петраковской 49. В магазине бойко шла торговля. Продавались книги, бумага, карандаши, краски. Поминутно заходили покупатели, изредка заглядывали полисмены. А этажом ниже, в подвале, подпольщики печатали свою газету «Голос Лодзи», выпускали листовки и воззвания.

Магазин на Петраковской 49 был штабом подпольной партийной работы.

Когда пришло время активных боевых действий, Игнат спросил у Кузнецова:

— Чем хотите заняться?

— Выполнять все, что поручит штаб.

— У нас нет оружия. Нам тяжело,— рассказывал Игнат.— Хорошо бы начать с диверсионной работы.

Первая вылазка за оружием состоялась в декабре 1942 года. На операцию пошло трое: Александр Кузнецов, Леон Релишко и Казимир Яник.

Город уже окутали сумерки.

Улицы постепенно пустели. Впереди показался жандарм. Леон Релишко командовал:

— Ренце до гурь!

Жандарм остолбенел от неожиданно-

сти и послушно поднял руки. Кузнецов отобрал у него пистолет.

Первый успех окрылил подпольщиков. Ночные налеты на фашистов последовали один за другим. Прошел месяц, и лодзинские подпольщики превратились в настоящую вооруженную боевую группу. Душой организации стал советский офицер Александр Кузнецов.

— Саша — товарищ войсковой. Он дело знает,— говорили поляки.

Тяжелые испытания для подпольщиков принесла весна. В партию проник провокатор. Гестапо разгромило подпольную типографию, арестовали многих товарищей по оружию. Был схвачен и Аркадий Ворожцов. Многие приуныли, растерялись, но товарищ Игнат твердо сказал:

— Надо показать фашистам, что партия живет. Будем продолжать диверсии, пускать под откос поезд, громить штабы.

В ночь на 1 Мая восемь подпольщиков вышли за Лодзь, свинтили гайки на рельсовых стыках и замаскировались в лесу. Через полчаса товарный состав слетел под откос.

В городе было беспокойно. По улицам разезжали полицейские машины, то здесь, то там раздавались тревожные свистки, пронзительно гудели сирены.

Гестаповцы искали партизан, которые пустили под откос товарный состав.

Кузнецов, понимая всю остроту положения, свернул в переулок. Навстречу двигались полицейские с огромной овчаркой. Летчик смело шел вперед. Правой рукой нащупал в кармане пистолет и крепко сжал его.

— Хальт! Ваши документы!
Летчик предъявил поддельный паспорт. Полицейские проверили его.
— Почему пан гуляет так рано?
— К паненке ходил,— ответил Кузнецов, и широкая улыбка разбежалась по лицу.
— Хенде хох! — рявкнул один из полицейских.

Кузнецов выхватил из кармана пистолет. Выстрел. Фашист упал на мостовую. Воспользовавшись замешательством, летчик побежал, но овчарка в два прыжка настигла его и впилась зубами в пальто. Александр успел перезарядить пистолет, сбросив пальто, выстрелил в собаку, перемкнул через забор и скрылся в людском потоке.

Фашисты снова метались по городу, искали того, кто ускользнул из их рук. На улицах Лодзи расклеили разноцветные афиши, сулившие десять тысяч марок тому, кто поймает опасного «преступника». На афишах поместили огромный портрет Александра Кузнецова, перепечатанный с отобранного паспорта.

Партизанскими тропами

По решению окружка партии боевая группа из Лодзи отправилась на соединение с партизанскими отрядами, действовавшими в районе Варшавы. Шли лесами, через овраги и завалы, преодолевая вброд и вплавь реки, шли днем и ночью.

На ближних подступах к имению Псары партизаны расположились отдохнуть у лесника. Одни мылись, другие приводили в порядок потрепанную обувь, третьи спали. А штаб группы совещался. Предстояло решить два вопроса: избрать командира и уточнить маршрут.

Совещание прервал голос часового:
— Жандармы!

По лесу гулко раздавалась пулеметная дробь. Фашисты полукольцом оцепили дом лесника.

— Рассредоточиться и поодиночке прорываться в глубь леса! — скомандовал Кузнецов и бросил гранату. Его заметили. Открыли огонь. Лавируя меж сосен, Кузнецов сумел уйти от опасности.

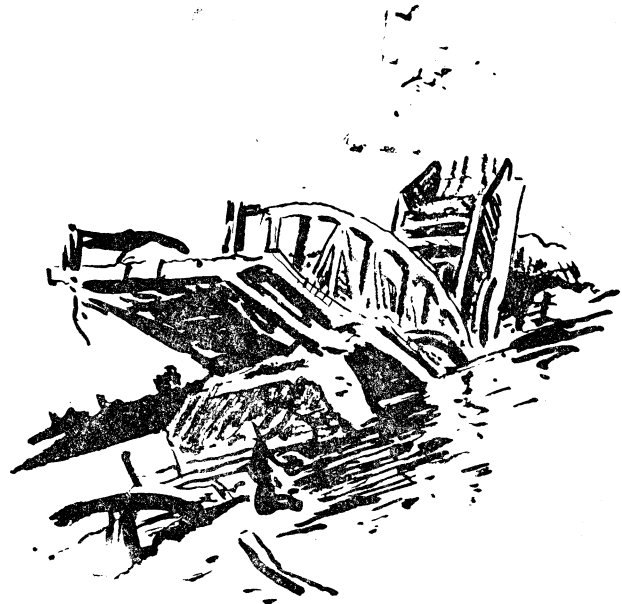
Долго бродил он, отыскивая товарищей, по лесам и хуторам. Нередко попадая в самые невероятные положения. Однажды в деревню, где он отдыхал после бесплодных скитаний по лесу, ворвались жандармы. Начались обыски.

Кузнецов огородами пробрался к одиноко стоявшей каплице (часовне). «Святые» места обыскивать не станут, — сообразил он. — Давай забирайся, Александр, в каплицу. Боги тоже иногда могут выручить».

Тяжелая дубовая дверь, взвизгивая ржавыми шарнирами, открылась. Из каплицы дохнуло затхлым воздухом. Каменные ступени повели вниз. Там стояла гробница, обтянутая лиловым бархатом.

На ее крышке — груда венков, сплетенных из разноцветных стружек.

Через полуоткрытую дверь с улицы до Кузнецова долетели обрывки немецкой речи. И он решил — приподнял тяже-

люю крышку, забрался в гробницу и лег спиной на распятого металлического Иисуса Христа.

Фашисты покинули деревню, не солоно хлебавши.

Кузнецов искал партизан, и партизаны искали своего командира.

Игнац Лога-Совинский, находясь в Варшаве, узнал о разгроме лодзинской боевой группы и принял срочные меры к ее возрождению.

Переходя с одного места на другое, Кузнецов не догадывался о том, что по тем же лесным тропам вслед за ним путешествуют два молодых поляка, разыскивая Сашу-летника.

Наконец-то встреча! Поляки вручили ему паспорт на имя глухонемого Станислава Козловского. С этим паспортом и прибыл он в город Прушков, в районе которого действовало несколько разрозненных партизанских отрядов. Александр Кузнецов вместе с командирами отрядов и партийной организацией провел большую работу по созданию единого партизанского штаба и возглавил его.

Партизанская борьба приобрела четкий, осмысленный характер. Отряды согласованно нападали на имения, громили фашистские склады, штабы. За короткое время прущковцы пустили под откос восемнадцать вражеских поездов.

Отряды росли не по дням, а по часам.

В партизаны шли горожане, жители сел, взрослые и даже дети.

Во главе бригады

День ото дня росло партизанское движение в Польше. Руководил им Центральный Комитет ГРП. Отряды укреплялись стойкими подпольщиками, опытными борцами.

Плодотворная деятельность прущковских партизан обогатила опытом Александра Кузнецова, еще больше закалила его в многократных схватках с врагом. Это учел Центральный Комитет. По его решению советский летчик был направлен на восток Польши в город Баранув, что находится близ Демблина, с целью перевести баранувские отряды на активные боевые действия.

Кузнецов свел все отряды в одну бригаду и принял командование.

Фронт все ближе и ближе подходил к Демблину. В небе Польши чаще появлялись красnozвездные бомбардировщики.

Советские самолеты сбросили партизанам много оружия, боеприпасов, продовольствия.

...Лейтенант Кузнецов и начальник штаба бригады склонились над картой. Их взгляд задержался на черной точке, к которой со всех сторон вели красные линии дорог. Это город Михув. Его надо

захватить и отрезать фашистам пути отхода.

В ночь на 22 июля 1944 года весь лес западнее Михува заполнили партизаны.

Александр Кузнецов верхом на коне объехал все партизанские участки.

На рассвете началось наступление.

Партизаны пошли на Михув тремя цепями. Когда первая достигла предместий, из города выезжала колонна автомашин.

Автоколонна поравнялась с засадой. Дружно заговорили партизанские пулеметы. У немцев поднялась паника. Они бросились обратно в город.

Партизаны двинулись в Михув.

Бой на улицах прошел скоротечно. Город перешел в руки партизан.

На площади состоялся митинг.

— Слово имеет Саша-летник, — объявил Ян Тыдык, начальник штаба.

— Знаем его. Да здравствует советский офицер! — разнеслось по площади.

— Город Михув — свободный город! — говорил Кузнецов. — Но бои еще не закончились. Враг под ударами советских войск отступает. Он еще попытается проникнуть и сюда. Но мы не пропустим фашистов!..

Партизанское слово — твердое слово. Враг не прошел через Михув.

Партизаны держали город трое суток. А на четвертые... Во двор дома, где располагался штаб бригады, на взмыленном гнедом коне прискакал разведчик-партизан и, задыхаясь от радости, доложил:

— Александр Васильевич, я сам видел

советские звезды!.. Российские танки подходят!

Танки на большой скорости шли по тракту, по проселочным дорогам. К штабу партизанской бригады на легкой танкетке подъехал советский офицер и спросил:

— Где здесь Саша-летник?

— Я, товарищ полковник, — доложил Кузнецов.

Полковник и лейтенант расцеловались. Узнав у партизан, куда отступили немцы, танкисты, не задерживаясь, двинулись вперед и с ходу заняли город Демблин.

Польские партизаны влились в свою армию. Александр Кузнецов вновь надел форму советского авиационного офицера.

За героические действия в борьбе против немецких захватчиков приказом Главнокомандующего Войска Польского от 20 августа 1945 года бывший командир польской партизанской бригады Александр Васильевич Кузнецов награжден Золотым Кавалерским Крестом.

После войны А. Кузнецов уволился в запас и стал летчиком гражданского флота.

Он провел в воздухе девять тысяч часов и налетал два миллиона километров.

Сейчас А. В. Кузнецов — руководитель полетов в Свердловском аэропорту.

* * *

Для дружбы, познанной в беде и горестях, время не помеха. Герой-партизан Александр Васильевич Кузнецов продолжает переписываться с польскими друзьями. Их становится все больше и больше.

Весной 1958 года Александр Кузнецов послал письмо в лодзинскую газету «Голос работничий». Газета напечатала его. А через некоторое время на имя Саша-летника одно за другим стали поступать письма из разных польских городов.

Вот письмо того мастера, который помог Александру Кузнецову и Аркадию Ворожцову убежать из плена.

«В своей заметке, помещенной в лодзинской газете, вы писали, что вам помог убежать из плена польский рабочий лодзинской текстильной фабрики Гаера. Этот рабочий — Генрих Гождон. Посылаю свою фотокарточку, которая показывает, каким я был в 1942 году».

Письма на имя Саша-летника идут не только от его боевых соратников, но и от незнакомых поляков, в борьбе за счастливую жизнь которых немало сделал русский воин-партизан.

Александр Васильевич Кузнецов.

ГОРА- НЕВИДИМКА

Гора Благодать в прошлом веке.
Памятник Степану Чумпину.

**300 000 000 лет
назад**

По ту сторону Полярного круга, где из холодных вод Карского моря поднимаются гряды Пай-Хоя, начинается горная система Урала. Почти на две с половиной тысячи километров тянется ее гранитный шов, скрепляя два континента — Европу и Азию. И уже далеко на юге тонут в песках Арало-Каспийской низменности ее последние отроги.

Как же возникли эти горы?

Около трехсот миллионов лет назад огромный участок земной коры — Сибирская плита — пришел в движение и столкнулся с Русской плитой. На месте их столкновения образовались складки, трещины, в них устремилась огненно-жидкая магма. Колоссальной силой тектонического давления¹ образовались горы; отдельные складки их в виде острых хребтов и вершин поднялись на километры.

В этот период великих земных катастроф выросли дуги Тянь-Шаня и намного сузились морские бассейны. Рождение гор ознаменовалось началом суровой и долгой зимы. Похолодание было настолько сильным, что льды сковали моря даже умеренных поясов, а громадные айсберги плавали у экватора.

На Урале только самые высокие горы островами поднимались над мертвой, однообразной пустыней.

Отступление, а затем через многие миллионы лет таяние льдов,

сильно изменили рельеф Уральских гор. Ледники опрокинули многие хребты, воды размыли породы и засыпали ими долины.

Когда кончилась великая зима, на освободившемся ото льда Каменном поясе уже не было высоких гор.

Но разве высотой своих гор славен Урал? Он знаменит своими недрами. Подчас скопления подземных сокровищ в нашем краю настолько огромны, что представляют собой целые горы.

Железная гора

Определение необычное, но правильное. На Урале есть несколько гор из железной руды. Одна из них — Благодать, расположенная к северу от Нижнего Тагила.

Вы на краю огромного разреза, по уступам которого — десятки буровых станков, экскаваторов, подъемников. Спрашиваете у человека, судя по всему, инженера:

— Это Гороблагодатский рудник?

— Да.

— Но где же гора?

— Какая гора? — недоумевает он.

— Благодать...

— Ах, вот вы о чем! Гора теперь — понятие чисто историческое. Было вот что!..

Инженер достает из кармана складной метр и высоко над разрезом, на фоне голубого ясного неба прочерчивает пунктир.

— Высота бывшей горы — сто пятьдесят метров, три вершины... Благодать разбурили, взорвали, погрузили экскаваторами в вагоны и развезли по металлургическим

заводам. Вы опоздали на много лет...

А что было, если бы не опоздали?

Вернемся на двести-триста лет назад.

Находка Степана Чумпина

Тогда Каменный пояс отделял гору от жадных взоров промышленников непроходимыми болотами и дремучими лесами. Ничто не тревожило покой богатого клада. Только в непогоду бушевал ветер, ломал молодую поросль, да зигзаги молний стремительно падали на темную грудь железняка. В окрестностях горы кочевали охотники-манси. Они удивлялись ее чудесному свойству притягивать железные предметы и считали гору священной.

¹ Давление, происходящее при смещении участков земной коры.

Русские узнали о ней только в сороковых годах восемнадцатого столетия по преданию, которое рассказал им охотник-манси Степан Чумпин. Месторождение железной руды в виде целой горы поразило промышленников. Для них это был неисчерпаемый клад. К горе согнали приписных крестьян строить завод и ломать магнетит. По ночам над притихшими долинами разносились удары кирки, звучали унылые песни рудокопов. Вместе с рудокопами у горы поселились каторжный труд и нужда.

Из сохранившихся записей известно, что первооткрывателю магнитной горы уплачено из казенных денег 24 рубля 70 копеек. Позже на одной из сопок горы был поставлен чугунный памятник-светильник с надписью: «Вогул Степан Чумпин сожжен здесь в 1735 году».

Если верить легенде, Степана Чумпина сожгли его сородичи за то, что он открыл русским местонахождение чудесной горы, и манси поэтому были вынуждены откочевать в глубь тайги, на север.

Историки же считают эту леген-

ду поэтическим вымыслом. Мирные охотники манси, говорят они, не собирались мстить своему земляку. Надо полагать, что Чумпин погиб от руки одного из приказчиков Демидова.

Знаменитый Татищев, бывший в те времена начальником Уральских и Сибирских заводов, дал горе название Благодать.

Разработка руды началась с вершины горы, где магнетит представлял собой целые скалы. Понадобилось много десятилетий, пока откосы отступили. Впрочем, памятник Чумпину не хотели трогать, и постепенно обозначился как бы пьедестал его.

Когда высота «пьедестала» достигла восьми—десяти метров, памятник стал неприступен: пришлось с соседней вершины через выработку перекинуть мост, а на склоне укрепить лестницу.

Не одна тысяча туристов посетила знаменитую гору и осмотрела памятник Чумпину, и только когда рудный пьедестал с памятником превратился в одинокую скалу, мешающую дальнейшей разработке руды, его убрали. Как и предполагали, он оказался пустотелым. Под доской был невысокий сруб, нижними венцами опущенный в канавку. Внутри сруба находился рыхлый грунт, что навело на мысль о существовании могилы.

Слой земли осторожно сняли, но, вместо останков Чумпина, оказалась коренная порода. После этого чугунный цилиндр обили досками, а урну и светильники дополнительно укрепили брусьями. Упакованный таким образом памятник спустили на канатах на дно выработки и увезли в Кушвинский музей, а затем передали Свердловскому краеведческому музею.

Благодать сегодня

В первый период развития горных работ на Благодати она напоминала ступенчатую пирамиду. С годами Благодать все уменьшалась, но к Октябрьской революции оставалась еще довольно высокой. И только мощные экскаваторы изменили географию района по соседству с Липовым увалом, а недавно гора совсем исчезла. Весь ее рудный массив переплавлен в доменных печах, превращен в металл.

Сейчас огромный Благодатский разрез углублен по сравнению с отметкой бывшей вершины на 200 метров. Горняки решили еще углубить разрез примерно на 100 метров. Дальнейшее ведение открытых работ уже невыгодно: слишком много придется снять пустых скальных пород.

В недалеком будущем добычу руды значительно увеличат шахты. Выработки их врежутся в недра горы на 560 метров. Подземные коридоры расколют магнетитовый массив во всех направлениях и дойдут до границ распространения рудных залежей.

Вместо горы—озеро

А что произойдет в более отдаленном будущем?

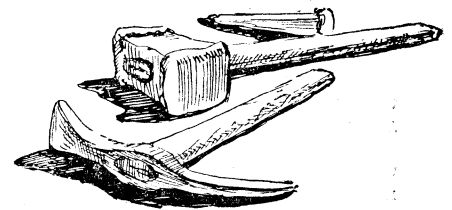
Лет через пятьдесят картографы, обрабатывая материал очередной аэрофотосъемки, нанесут на план небольшой кружок, покрасят его в голубой цвет и, на минуту задумавшись, напишут мелким каллиграфическим шрифтом: «Благодатское озеро». А когда новая карта, размноженная в тысячах экземпляров, попадет в школы, то где-нибудь на уроке географии учитель пояснит:

— Сравнительно недавно на месте этого озера была гора, и состояла она почти целиком из богатой железной руды. Озеро создано не природой, а человеком. Длина его больше двух километров, а глубина больше ста метров. Но ниже дна есть еще шахтные выработки, это целые катакомбы, заполненные водой.

Вот, ребята, наглядный пример, того, как советские люди меняют географию своей Родины.

Г. МИХАЙЛОВ

Рисунки П. ИСТОМИНА.

На целенне

Автору этих зарисовок — Олегу Николаеву в первые дни освоения целинных земель довелось много времени пробыть в Оренбургских степях. Немало коварных сюрпризов таила степь для своих новых хозяев. Но стойкость, необыкновенное мужество молодых покорителей заставили подчиниться непокорную степь.

Парень-то свой

Озеро Буруктал в Оренбургских степях очень мало похоже на озеро. В длину оно растянулось на 45 километров, а в ширину едва достигает 100 метров.

На противоположных берегах Буруктала, почти напротив, расположились центральные усадьбы двух целинных совхозов «Буруктальского» и «Заозерного». Буруктальцы находились в более выгодном положении, так как их берег был со стороны железной дороги. А заозерцам приходилось туго. Все грузы, которые прибывали в их адрес, двигались по огромной дуге — объезду вокруг озера. И, чтобы ликвидировать эту вопиющую несправедливость, комсомольцы совхоза «Заозерный» придумали более хитрый способ переправы: перебросили через озеро стальной канат, подвесили на него люльку. Получилось нечто вроде подвесной дороги. Потом про воздушную дорогу забыли, и остался от нее в назидание потомкам только стальной канат, сиротливо повисший над водой «чудо-озера».

Шел август. Агроном «Заозерного» распорядился начинать жатву, а два комбайна Павла Аверьянова и Валентина Кадушкина не могли выйти в поле. У машин не хватало «звездочек». Не

было их и на складе. Механик долго ломал голову, где раздобыть «звездочки», и в конце концов решил:

— Надо, ребята, сгонять в «Буруктальский». Свои люди — выручат, дадут два комплекта. «Звездочки» — дедали негроздкие, их вполне можно довести одному.

Жребий выпал на долю Валентина Кадушкина, тшедушного, ленивого парня, для которого и ногой-то пошевелить было событием. А тут вдруг — нате! — за сорок верст киселя хлебать!

И Валентин закапризничал.

— Не поеду!.. Хватит!.. Все вам Валька должен делать! За продуктами — Валька, за деталями — Валька... Не поеду! Пусть хоть что будет... И вообще все надоело!..

— Ты что? — пытался уговорить товарища Павел. — Мы же по-честному... жребий!..

— Честный мне, тоже...

В общем, ребята поругались из-за пустяка. Поругались и здорово. Однако ехать все равно кому-то нужно, время идет.

— Ну, вот что, — заговорил, наконец, комбайнер Павел Аверьянов, — я поеду! Но учти, не быть тебе

больше на комбайне! Добьюсь перед бригадиром, интеллигент несчастный... Гнать тебя с целины надо совсем! — И он пошел за мотоциклом.

Вскоре рокот «ИЖА» прокатился по поселку и затих в степи. Огорченный бессердечием друга, Кадушкин побрел к озеру, сел на берег. Грустно поглядев на мутную озерную воду, сплюнул в прибрежные камыши, полез в карман за папиросами и... «Эх, Пашка, черт возьми! Ведь не дадут тебе ничего. Что делать? — Валентин мям в руках синенькие бумажки забытых Аверьяновым накладных. — Мотоцикл, конечно, не догонишь!» Валентин еще раз взглянул на ту сторону озера, где виднелись домики «Буруктальского» совхоза, и вдруг вспомнил про «воздушную магистраль». «Канат!.. Сколько раз выручал он весь совхоз...»

Валька, не спеша, разделся, сложил пожитки, перетянул их ремнем, повесил

на канат и, подталкивая узелок руками, поплыл.

Не прошло и полчаса, как он, упаковав «звездочки» в свою куртку, приспособив «люльку» к обратному путешествию по тросу.

Любит фокусничать озеро Буруктал. Много у него причуд и странностей. На поверхности вода теплая, а опустись на полметра в глубину — и ошпарит тебя холодом ледяная струя.

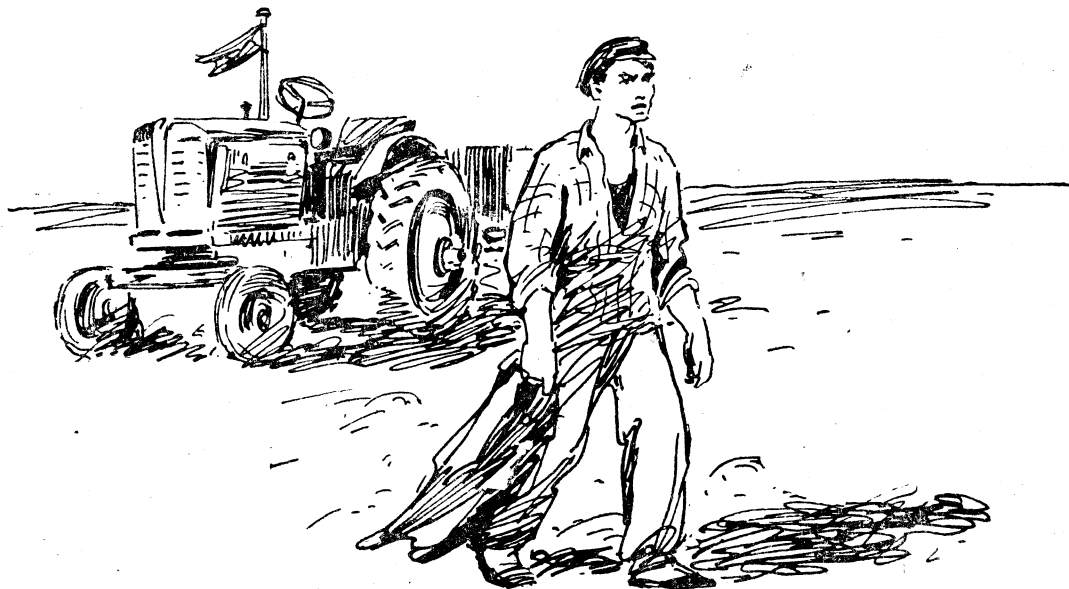
И вот, выплыв на середину озера, Валентин почувствовал, как резкая боль свела левую ногу. Судорога... Ухватившись руками за ремень, которым куртка с бельем и деталями была прикреплена к тросу, Валентин подтянулся, перекинул через трос ногу и повис над водой. Судорога не проходила. Тогда он, подталкивая груз головой, стал медленно продвигаться вперед. Лопнувшие жилки стального троса впивались в ладони, срывали куски кожи. Стиснув зубы, Кадушкин упрямо двигался вперед.

...А в это время Пашка Аверьянов ругался с кладовщиком:

— Никто их взять не мог!

Кладовщик совал ему под нос накладную и твердил одно: «Уже получили». Ничего не добившись, окончательно расстроенный и злой, Пашка завел мотоцикл и на предельной скорости ринулся в степь. Не заезжая в поселок, он сразу же направился к своему комбайну и... Все «звездочки» были уже на месте..

«Валька-чудо-юдо...»

— Где Кадушкин?— спросил он у тракториста.

— В медпункте. Руки парень изранил... Кожу снял о трос.

А ковыли шумят...

Тракториста совхоза «Полевой» Петра Овчинникова вызвал главный инженер.

— Вот какое дело,— начал он издалека,— вчера в пятую бригаду выехали буровики. Скважины будут для воды бурить, колодцы то есть. Да, чудачки, в суматохе самое главное — буры — здесь оставили, подцепи-ка к своему Перекати-полю тележку и трогай. До бригады километров пятьдесят. Выедешь поутру — к обеду будешь на месте. Буровиков заметишь издали: вышка у них высокая. На степной равнине она тебе Эйфелевой башней покажется. Завтра чуть свет трогай!

Утром по поселку, ковыляя на ухабах, пробежал трактор с прицепом, быстро миновал окраинные домики и скрылся в ковыльной степи.

Солнце палило нещадно. Под его лучами изнемогал даже видавший виды седой ковыль... Время перевалило за полдень. Петька вел и вел по степи свой трактор, а никакой вышки вдаль не показывалось.

Над радиатором появился белый столбик пара: закипела вода. Пришлось останавливать машину и доливать из бачка новой. «По времени я уже должен

найти буровиков,— рассуждал Петька,— неужели заблудился?». Житель лесных районов, он не представлял себе, как можно заблудиться в степи. В лесу — другое дело. Но в степи, где все на виду?.. А что, собственно, на виду? Кругом, куда ни глянешь, до самого горизонта ковыли, ковыли, ковыли. Бескрайнее серебряное море.

В пути пришлось сделать две остановки, а третья... Кончилось горячее. Петька соскочил на горячую, истрескавшуюся от зноя степную пыльную землю. «Все ясно, заблудился. Можно не беспокоиться. Напьюсь и обдумаю все в должном порядке». Он вытащил из-под сиденья канистру. Она была пуста. Пришлось брать воду из радиатора. Теплая, пахнущая бензином, она не утоляла жажду. Петька подряд выпил несколько кружек и присел в тени своего верного Перекати-поля.

Вечерело. Зной спал. И тут вдруг такое зло взяло Петьку: «Как же так? Заблудился? А ведь люди ждут, надеются... Эх, Петр, Петр!..»

Буровики действительно ждали Петьку весь день. Ждали до поздней ночи. Ругали старшего за халатность, ругали себя за доверчивость, ругали всех и вся.

Прошло три дня. В полдень кто-то из рабочих заметил вдаль какое-то странное темное пятно, резко выделяющееся на фоне седых ковылей. «Человек!» Но почему он так странно передвигается: то ползет на четвереньках, то по-пластунски, то просто перекати-

вається, як бревно. Якщо ви когось-небудь бачили моши або читали про них, то представляєте, як виглядав Петя. Коли його внесли в палатку, він приоткрив запалені повіки, провів язиком по пересохшій, покритій хлопцями шкіри губам і еле слышно прошептал:

— По моему сліду йдете! Бури привез. Флаг далеко видно... Води бы... Бензин кончився!.. Ты, Алешка, не знаєш мою машину... Перекажи-поле мене не підведе... Ныряй, Федька! Вода-то яка теплая!.. А ковила, ковила... Слышите, шумят!..— у Петіки почався бред.

Тайна степного озера

Мощний С-80, підминаючи і трамбує сніжне крошево, упорно продвигався по зимній стеці вперед. Шлях його лежав від совхоза «Адамовський» до залізничної станції. За трактором послухно волоочився зеленуватий вагончик з восьмью пасажирами-відпочиваючими.

Декабрь—самое спокійне час в стеці, бурани рідкі. Добратися до залізничної дороги можна без всяких приключень за три дні. І ось дві треті вже позади. Привично рокочуть тракторний мотор, скриплять двері вагончика, дремлють щасливі відпочиваючі. І раптом—зупинка. Діти, обрадовані можливістю порозважатися, висипали з своїх «бойських хором».

— Слытрите! Що це?— крикнув їм тракторист, показуючи рукою на здіймаючеся над стецею величезне, широке хмара пари.— Під'їдемо поближе?!

Трактор тронувся. Діти пішли вслід за ним, не відводячи погляду від загадкового хмара.

— Вода!— крикнув хто-то.

— Вот чудо!— порушив тишину Анатолій Васильок.— Клянусь, діти, або ми збилися з шляху, або це мираж. Воду по цій дорозі літом я на своєму бензовозі не одну тисячу кілометрів наїздив.

І не тільки озера, краплі води не було.

Щоб переконатися, «не мираж ли це», з озера зачерпнули ведро води. Натуральна. Стали підозріливо коситися на тракториста. Той навіть обиделся:

— Що коситесь? Не мог я заблудитися. Як п'ять пальців, ці місця знаю. І ось якщо на то пішло, то смотрите—следи машин на снігу видно, по ним їду. Откуда взялось це озеро?!

— Літом воду іщем, а зимою вона сама в гості до нас приходять. Надо, виходить, зимою запасатися.

— Нет, хлопці,— отбивався Васильок.— Тут—наука. Куди-небудь вулканічні маси вниз єсть. Вони-то і вичапали з недр джерело за ненадобністю, як ми вичапали Женю Сурина за лень і розгильдіяство...

Причину виникнення степного озера комсомольці дізналися через рік після приїзду в совхоз на сезонні роботи геологів-студентів.

Виділений для спецрозвідки «авторитетний спец» визначив, що рік 80 назад тут були шахти. Добували якийсь-то мінерал. Але так як залежи його виявилися дуже бідними, то роботи припинилися. Шахту залило підземними водами, і вони поступово підмивали ґрунт. В тих же місцях багато солончаків, які дуже нестійкі. Вот і стався оползень солончака, підмитого знизу. Вода з шахти піднялася вище і розтопила попавший в неї сніг. Утворилося озерце. Відпочиваючі-цілинники бачили його в той момент, коли воно ще не встигло замерзнути. Дня через два цього озера вже не було: воно замерзло, а лід занесло снігом.

— А чому зараз там немає озера, воно повинно растаять?

— Оползень витиснув воду на час. Весною вода знайшла собі підземне русло і пішла з поверхні вниз.

Рисунки Л. ПОЛСТОВАЛОВОЙ

ПОВЕДЕНИЕ ДРЕССТРОВЩИКА

Рисунки В. Коробкина

По материалам книги Г. Дембека
«Укротитель и звери»

Мой друг Ягуар

Я родился 2 ноября 1884 года в Гамбурге. В те времена еще не было телефонов и кино, автомобилей и самолетов. Мой отец — Вильгельм Гагенбек содержал школу дрессировки диких зверей. Впрочем, мне строго-настроено запрещалось подходить к клеткам. И только когда отец уезжал с цирком, я пробирался к львам, тиграм, леопардам, которые интересовали меня больше всего на свете. С малых лет я мечтал стать укротителем.

Ягуару Мексико было всего полтора года, когда его привезли из Южной Америки. Темно-желтый, почти коричневый, он напоминал пантеру. Он был очень злой. Только служитель Пауль осмеливался подходить к нему.

Я брал у Пауля длинную железную вилку и просовывал в клетку куски мяса. Спустя месяц Мексико стал узнавать меня и ласкаться. Он ложился на спину и мурлыкал.

Однажды, когда я играл с ним, вошел отец. Не говоря ни слова, он больно отстегал меня

хлыстом. Вскоре он отослал меня учиться в другой город, надеясь, что я забуду про зверей. Отец любил меня и не желал подвергать опасностям своей профессии. Он намеревался сделать сына торговцем.

Через год я вернулся в родительский дом. Отец настаивал, чтобы я немедленно отправился в торговое училище. Я упросил его повременить.

В этот знаменательный день, который я никогда не забуду, отец разучивал на манеже сложный номер. Как мне хотелось работать вместе с ним! На высокой тумбе восседала пантера. По бокам расположились леопарды. Ягуар должен был прыгнуть через них с трамплина. Но доска съехала в сторону. Испуганный ягуар прыгнул на моего отца и повалил на песок. Схватив зверя за горло, отец пытался спастись от острых клыков.

— На место, Мексико! Мексико! На место! — кричал я вне себя, подскочив к сетке, окружавшей арену.

Ягуар повернул ко мне голову, сверкнул глазами.

— Ко мне, милый Мексико! Иди ко мне! — умолял я. Этот призыв подействовал лучше. Ягуар оставил отца и, мягко ступая, пошел ко мне.

На следующий день отец напомнил мне о торговом училище. Собрав все свое мужество, я сказал:

— Отец! Лавка не для меня. Ты знаешь...

Старый укротитель неожиданно улыбнулся и подмигнул мне:

— Ну, мой мальчик, вчера ты показал, на что способен. Будь по-твоему!

Так, благодаря ягуару, исполнилось мое заветное желание.

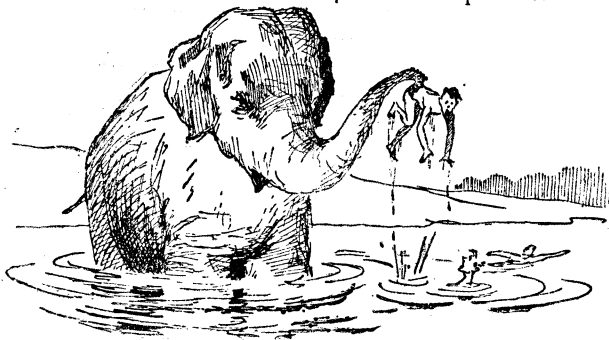
В объятиях Питона

Мы гастролировали в Англии. Под звуки оркестра моя партнерша исполняла «Смертельный номер». Питон длиной в три с половиной метра обвивался вокруг ее тела.

Неожиданно вторая скрипка взяла высокую ноту. В то же мгновение танцовщица почувствовала, как мускулистые кольца сдавили ей грудь и шею.казалось, с питоном случились судороги.

Публика бешено аплодировала, восторгаясь «борьбой» человека и змеи. Я сразу же заметил неладное и крикнул, чтобы прекратили музыку. Но дирижер не понимал по-немецки. Скрипач продолжал играть на высокой ноте. Питон все сильнее сжимал девушку, голова ее поникла...

Побледневшие зрители перестали ап-

лодировать. Оркестр, наконец, замолк. Все стихло. Питон вышел из оцепенения и расслабил тело. Танцовщица глубоко вздохнула и очнулась.

После представления дирижер, приложив руку к сердцу, много раз просил извинения. Он не знал, что питон не выносит высоких нот.

Наказание

Негодный мальчишка подсунил слонихе зажженную сигарету. «Спокойно, Лиззи! Лиззи, стой!». Не тут-то было. Воинственно трубя, слониха припустила за обидчиком.

Растолкав зевак, глазевших на зверей, мальчишка выскочил на улицу. Слониха за ним. С ноги парнишки свалилась туфля, он потерял шляпу. Ну и вопил он от страха!.. От топота слонихи дрожала мостовая... Вот и рыночная площадь. Торговки с визгом разбежались. Прохожие прижались к стенам домов. Более невероятного происшествия еще не видели в Брюсселе.

Слониха настигает мальчишку. Хобот вытягивается вперед, чтобы схватить его за шиворот, однако, он успевает шмыгнуть в подъезд. Лиззи гневно трубит и дергает за ручку двери. Дверь распаивается. Мальчишка, белый, как мел, убегает по черному ходу. Слониху с трудом успокаивают и ведут в стойло.

Через некоторое время мы переехали в городок поблизости от Брюсселя. Палатку цирка разбили на берегу реки. Войдя в воду, слоны с наслаждением поливали себя, словно из брандспойтов. «Куда, Лиззи? Лиззи, стой!» Не тут-то было. Слониха переплыла на противоположный берег и — марш, марш! — двинулась к группе купальщиков.

«На место, Лиззи! Лиззи, вернись!» Куда там!.. Слониха ухватила мальчишку в голубых трусах, — издалека узнала своего обидчика, — подняла на воздух и сразмаху бросила в воду. Войдя в реку, слониха раз за разом принялась окунать парня. Так прачки полощут белье. Буль-буль-буль...

«Лиззи, голубушка, довольно!» Слониха погружает свою жертву еще раз и плывет обратно.

Отплывавая и охая, мальчишка бредет к берегу.

Перевод с немецкого
М. ИСКРИНА

В первом номере нашего журнала было напечатано начало рассказа «Сокровища старого следопыта», и читателям предлагалось написать окончание.

«Уральский следопыт» получил несколько сот окончаний этого рассказа. Их прислали читатели из Челябинска, Омска, Москвы, Барнаула, Стерлитамака, Новосибирска, Сталино, Ярославля, Смоленска, Луги, Курска и других городов. Много окончаний написали свердловчане. В литературном конкурсе участвовали и дети, и взрослые.

Из всех присланных вариантов окончания рассказа редакция должна была отобрать лучший для опубликования в журнале. Но это оказалось не так-то легко. Одно окончание написано живым, хорошим языком, но автор в первых же строках раскрывает все тайны, и поэтому читать дальше неинтересно. В другом — действие разворачивается напряженно, увлекательно до самого конца, но нет связи с тем, что написано в первой опубликованной части рассказа. В третьем — все события логично связаны друг с другом, но язык так сух, словно автор сел писать бухгалтерский отчет и при этом еще боялся улыбнуться.

Что примечательно, так это герои, которых вводит каждый, написавший продолжение. Большинство из принявших участие в конкурсе литераторов — писателей, журналистов — обязательно вводят в действие таинственных шпионов, идут по шаблонному пути приключенческих книжек. А большинство ребят, приславших продолжение «Сокровищ старого следопыта», видят увлекательность повествования в сложности судеб советских людей, в интересных событиях нашей жизни, в бурной и героической истории нашего государства. Очень многие связывают «Сокровища» со спутником Земли, с межпланетными путешествиями, с освоением целины, с достижениями отечественной химии, с новыми дерзаниями ученых на благо советского общества.

Но почти у всех участников литературного конкурса одна беда. В присланных вариантах главные герои рассказа Вовка и Вадим совсем не отличаются друг от друга по своему характеру. А ведь в жизни едва ли можно найти двух человек, говорящих, чувствующих, думающих и поступающих всегда одинаково. И самобытность, своеобразие каждого действующего лица — всегда главное достоинство литературного произведения.

Редакция отмечает несколько работ наших читателей, присланных на конкурс. Среди них — окончание рассказа, написанное свердловчанином Сашей Гончаренко, учеником 9-го класса 20-й школы. Он не пошел по проторенному пути плохой приключенческой литературы, у него нет диверсантов и шпионов. В его рассказе описывается, как в сейфе оказалась редкая коллекция драгоценных минералов, собранных уральцами в дар своему государству еще при жизни Ленина. Главные герои Вадим и Вовка в изображении автора изобретательные, смелые ребята. Рассказ написан весело, с улыбкой, правда, юмор иногда переходит в развязность.

Наблюдательные, сообразительные, настойчивые в достижении поставленной цели герои действуют в рассказе Бориса Шишковского. «В сейфе, — пишет он, — хранилась работа профессора Бабушкина «О возможности спуска на землю космического летательного аппарата».

Но в рассказе Бориса есть большие недостатки. В нем действуют шпионы, причем очень глупые, трафаретные, в их существование не верится, любой мальчишка сообразительнее их. Конечно, враги в нашу страну засылают шпионов, но обнаружить их бывает не так-то легко.

Занимательное окончание «Сокровищ старого следопыта» прислал из Нижнего Тагила Е. Пельсентыйский. Действие разворачивается напряженно, динамично. Но это его достоинство переходит в недостаток. Автор, озабоченный только тем, чтоб показать сам ход событий, забыл людей, участвующих в них, не рассказывает, какие они.

Прислали свои окончания рассказа не только ученики старших классов, но и ребята помладше.

Юра Соловьев, ученик 4-го «В» класса Свердловской школы № 46, Катя Авраменко, ученица 6-го «Б» класса Свердловской школы № 7, Володя Анисимов, ученик 6-го «Б» класса школы № 13 поселка «Северный» и другие тоже придумали, чем кончилась эта история с сокровищами старого следопыта. В их рассказах есть интересные, занимательные эпизоды.

Лучшим окончанием рассказа признано полученное от Павла Зырянова, ученика седьмого класса, члена литературно-творческого кружка Челябинского городского Дворца пионеров. Павлу Зырянову присуждается объявленный по условиям конкурса приз — фотоаппарат «Зоркий».

Редакция «Уральского следопыта» отмечает еще девять окончаний рассказа. Вот их авторы: Э. Потоскуев, Е. Пельсентыйский из Нижнего Тагила, А. Гончаренко, Б. Шишковский, В. Пономарев из Свердловска, И. Лебедев из Чусового, К. Фомин из Смоленска, Ф. Аверин из Омска, В. Андреев из Челябинска. Все они, как и перечисленные выше ребята из младших классов, награждаются ценными подарками-сувенирами.

Редакция благодарит всех, кто принял участие в литературном конкурсе. Большое сердечное спасибо!

На следующих страницах печатается начало рассказа и лучшие из присланных окончаний.

Рисунки
С. КИПРИНА и Г. ПЕРЕБАТОВА

Вот что было напечатано в первом номере «Уральского следопыта».

ЧЕЛОВЕКИ-АМФИБИИ

Вы думаете, что у Вовки был рыбий хвост, красноватые прозрачные плавники и какие-нибудь мало-мальские жабры, через которые можно пропускать воду, обогащенную кислородом? Нет! Вовка был до макушки сухопутным человеком. Он, признаться, даже побаивался воды. Не попадись на его жизненном пути неистощимый фантазер и великий изобретатель Вадим Камышов, не быть бы Вовке человеком-амфибией. Так и ходил бы он по белому свету берегом, пылил небо.

Безмятежная сухопутная жизнь кончилась внезапно, как воробьиный чвик! Утром 24 июля, только Вовка проснулся, из сада через перила веранды мелькнула

красная майка, и оконное стекло задрезало от осторожного, но настойчивого стука.

— Кто там? — испугавшись спросонья, спросил Вовка.

— Это я, открой.

— Вадька?! Тише. Все еще спят...

Шпингалет легко выскочил из гнезда, окно распахнулось. Вадим перелез через подоконник и, положив на письменный стол сверток, уселся в кресло.

— С этого дня ты принадлежишь науке, — заявил он другу, — то есть мне.

— Как это?

— А вот так! Посмотри, что я принес. — Вовка осторожно развернул газету, и у него захватило дух.

Это были самодельные акваланги, маски с огромными очками, резиновые трубки метра в три каждая с поплавком из осокоря на конце и из гибкой резины, настоящие, купленные в магазине, ласты на ноги.

— Ну? — нетерпеливо спросил Вадим, откидывая со лба вихор и прищуривая серые глаза. — Каково?

— Акваланг?! — прошептал Вовка.

Вадим схватил одну маску, ловко надел на приятеля — водонепроницаемая ткань закрыла нос и уши, — сунул ему в рот мундштук резиновой трубки и приспособил на босые ноги ласты.

Вадим сиял:

— Сейчас же начнем первое подводное путешествие.

— Сперва испытать его надо, — нерешительно возразил Вовка. — Может, завтра.

— Приборы испытаны, и твой и мой. — Вадим сложил все в газету и хитро подмигнул: — Пошли!

Город Чесмак еще спал. Но рабочие утренней смены уже спешили на завод. Вместе с ними друзья подошли к пруду. Это был обычный пруд, какие есть почти в каждом старинном уральском городке. Мутноватые воды лениво плескались о заводскую плотину, лизали гранитную набережную. На прибрежных камнях Вовка получил подробнейший инструктаж, как вести себя под водой, облачился в доспехи человека-амфибии и, несмело ступая по вязкому дну, двинулся вслед за Вадимом. Как только над головой сомкнулась вода, Вовка стал вдыхать воздух ртом через трубку, а выдыхать носом.

Впереди, уверенно работая ластами, плыл Вадим. Подражая его движениям, Вовка старался не отставать. Метр за метром удалялись они от берега. Плыть под водой с аквалангом было приятно. Вовка, поборов робость, освоился и с любопытством разглядывал дно.

Вот какое-то железное колесо, затянутое зеленой слизью. А вот стайка ершей. Рыбешки не боялись новых подводных обитателей. Вовка, плавно подтянув ноги, резко выпрямил их. Ласты толкнули его вперед. «Ага! Ерш! Сейчас я тебя...» Но юркая рыбешка выскочила из пальцев. Вовка помчался за ней. Увлёкся, вот-вот поймают.

— И вдруг — стоп! Мундштук воздушного шланга чуть не выпал из рта.

Громадные тракторные сани показались на дне, среди водорослей. На санях возвышался угловатый сейф.

Вовка хотел всплыть. Но пальцы подоспевшего друга крепко стиснули его локоть. Вадим глазами показал: «Посмотрим?!».

Сейф тускло блестел многочисленными вырезами замысловатых замочных скважин из нержавеющей стали.

МОНОГРАММА НА ЧЕМОДАНЕ

В этот день на Чесмакском вокзале дежурный милиционер Петр Зырянов долго приглядывался к парню, который несколько часов толкался в зале ожидания. Прошел один поезд, второй, третий, а небритый детина в кассу не обращался и на перрон не выходил. Зачем он на вокзале?

В Чесмаке давненько не бывало жу-

ликов, и сержант Петр Зырянов стал следить за подозрительным. И не напрасно.

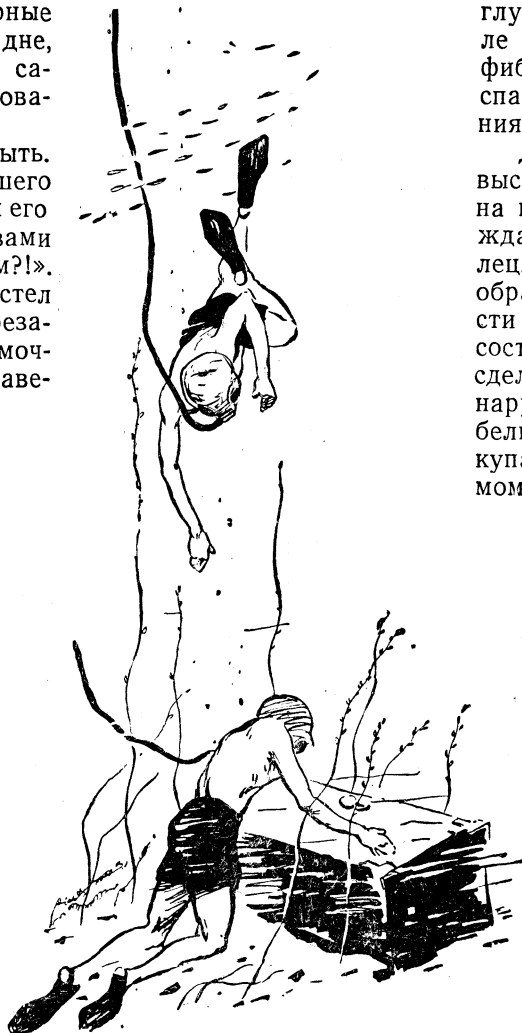
Прибыл свердловский поезд, вестибюль заполнился пассажирами. Сержант на минуту потерял своего «подопечного» из виду. Стараясь отыскать его, Зырянов пробрался через толпу и увидел, что парень с черным чемоданом в руке выскользнул на улицу.

— Стой! Стой! — сержант громко закричал. Дитина оглянулся и со всех ног бросился прочь. Зырянов стал преследовать его. Перед ним был опытный жулик. Петляя по улицам и переулкам, он вывел сержанта опять в станционный сквер и скрылся в кустах акации.

Зырянов смело ринулся за ним. Он обшаривал куст за кустом, скамейку за скамейкой. Наконец, в глухом углу сквера, возле ограды, нашел черный фибровый чемодан: вор, спасаясь от преследования, бросил его и скрылся.

До конца дежурства, выставив черный чемодан на видном месте, сержант ждал, не придет ли владелец. Но никто к нему не обратился. Пришлось нести багаж в отделение и составлять акт. Привычно сделали опись вещей: обнаруженных в чемодане: белье, шерстяной костюм, купальный халат... На самом дне оказался старый печатный план города Чесмака.

Находка всполошила все отделение. К тому же сержант Зырянов быстро установил, что на плане есть подозрительная пометка — крестик на пруду, недалеко от заводской плотины. Это заставило обследовать чемодан тщательнее, и тогда на внутренней стороне крышки была обнаружена пожелтевшая от време-

ни монограмма: «Неутомимому следопыту Николаю Михайловичу Бабушкину в день 60-летия. 18.04.1942».

— Бабушкин Николай Михайлович? — припоминал старожил Чесмака старшина Костусов. — Так это же профессор! Я его знаю. Он во время войны со своим науч-

но-исследовательским институтом сюда был эвакуирован. Старый-старый. Полет на луну, кажется, разрабатывал! Его чемодан, точно. В войну ведь хороший подарок трудно было сделать, и вот чемодан ему подарили. Только профессор уже умер — не знаю, в Москве или в Ленинграде.

Акт пришлось переписывать заново: «На дне чемодана, принадлежащего покойному профессору Бабушкину Н. М., обнаружен план города Чесмака, на коем отмечено...»

НЕПТУН С КОШКОЙ

Весь день сейф не давал Вовке и Вадиму покоя. Вытащить его на берег сами они не могли, а сообщить о находке взрослым не хотели: неинтересно.

Вадим прямо так и сказал:

— Будем охранять до тех пор, пока наши из пионерских лагерей не вернуться!

— А, может быть, скажем завхозу в школе?

— Никаких «может быть»! Пока мы не вытащим его, он неприкосновенен для посторонних.

И Вовка смирился. Безропотно нес он подводную вахту возле сейфа. Действовали осторожно. Пока Вовка плавал, Вадим отогревался на берегу, затем менялись.

Как-то вечером, уже собираясь идти домой, ребята заметили метрах в пятидесяти правее своей базы, на воде, недалеко от берега, бородастую всклокоченную голову.

— Нептун! — вздрагивая от холода, прошептал Вовка.

— Нет! Это просто старик! — Голова с бородой, вращая глазами, двигалась

к берегу. — Тс-с-с, — Вадим прижал палец к губам, и ребята спрятались за ствол дерева.

Старик приближался. Из воды уже показались костлявые плечи, впалая грудь, и, наконец, на берег вышел сухощавый, крепкий старик в подштанниках, перехваченных кожаным поясом с блестящей пряжкой. В руках он держал железную кошку с мотком прочного шнура.

— За нашим сейфом охотится, как петь!.. — предположил Вадим. — Ишь, хитер! А ну! Шагаем за ним!

Старик оделся и пошел, озираясь, словно знал, что за ним следят. У глухих ворот старого бревенчатого дома, обнесенного высоким забором с колючей проволокой наверху, он постоял немного, потом звякнул тяжелый засов, и калитка скрыла бородача.

— Есть, — сказал Вадим, вглядываясь в номерной знак, освещенный тусклой лампочкой. — Кауровская, сорок три. Запоминай. Теперь ты, Вовка, останешься здесь, а я пойду...

— Покушать бы надо...

— Молчи! Через три часа я тебя смею. Наешься до отвала. Пойми, что мы должны знать каждый его шаг. Думаешь, с кошкой по пруду для спортивного интереса лазят?

— Нет, конечно...

— Карауль! Если дед вздумает ночью отправиться опять на водные процедуры, беги ко мне. Я буду на веранде.

Только успел Вадим завернуть за угол, как из ворот снова показался старик. Теперь в легком пальто, в шляпе, в скрипучих сапогах. Опираясь на трость, он с достоинством прошагал мимо. Вовка, крадучись, двинулся следом. «Куда это он? Надо бы Вадиму сообщить». Но Нептун не пошел далеко. Миновав два квартала, он вошел в почтовое отделение.

Вовка — за ним.

Почта помещалась в нижнем этаже нового дома. В большом вестибюле было просторно и безлюдно в этот поздний час. Старик взял бланк для телеграммы и пристроился на узком столике у зеркала. Заглянуть через плечо не было возможности. Тогда Вовка устремил глаза в зеркало. Военные игры с тайнописью и

шифрами помогли ему. Часто разбирал он через зеркало секретные приказы «синих» или «красных».

Вглядываясь в неровные строки телеграммы, Вовка успел разобрать:

«Свердловск... Срочно приезжай. Надо работать».

ЗВОНОК ПО ТАКСОФОНУ

Председатель горсовета Курасов обыкновенно начинал свой рабочий день с просмотра местной газеты. Он с удовлетворением прочитал отчет о сессии горисполкома, где почти полностью была напечатана его речь. Особым абзацем редакция выделила слова о том, что по настоянию избирателей горкомхозу дано указание приступить совместно с заводом к очистке чесмакского пруда.

Курасов подошел к окну. Из кабинета пруд был как на ладони. «Это действительно украшение города,— подумал председатель.— А не чистим много лет. Безобразия!»

Он позвонил по телефону — проверил, вызван ли из Свердловска водолаз, чтобы обследовать дно водохранилища, опре-

делить объем работы и наиболее лучший способ очистки. Все было в порядке: водолаз выезжает завтра.

Едва Курасов собрался вызвать секретаря, как раздался телефонный звонок.

— Товарищ председатель горсовета? — спросил кто-то жидким и сильно простуженным голосом. — Чистить заводской пруд нельзя до будущего лета. Иначе случится плохое.

И все.

Курасов недоуменно слушал сигнал отбоя, даже посмотрел в трубку. Затем рассердился и, не трогая рычага аппарата, позвонил по другому на АТС: установить, по какому телефону звонили.

Расторопная дежурная быстро нашла на щите переключений абонента, только что соединявшегося с председателем.

— Звонили по таксофону, что на Кауровской улице, — ответила она.

— Что это за таксофон? Где?

— Автомат возле пруда, — уточнила дежурная. — Он в том районе один...

«Вот хулиганье!» — возмутился Курасов и позвонил начальнику отделения милиции. Он хотел дружески пожурить капитана, сообщить об этом озорстве, граничащем с антиобщественным поступком. Но начальник милиции сразу рассказал о чемодане с планом города и с крестиком на пруду. Курасов пригласил капитана к себе.

ПОХИТИТЕЛЬ СКАФАНДРОВ

В вагоне поезда Свердловск—Чесмак народу много в праздничные дни. В будни — гораздо меньше, тем более, с ночи. И водолаз Константин Ваулин скучал. Он тщетно пытался разговориться со стари-

ком, сидящим напротив, но тот отмалчивался. Наконец Константин спросил в упор:

— А далеко, папаша, едете?

— Не, недалеко.

— Я тоже недалеко. В Чесмак,— вздохнул Константин.— Вы, случайно, не бывали? Пруд там глубокий, не знаете?

— Пруд? — Старик вдруг пересел рядом и по-приятельски предложил папиросу.— Воды там нелишка. А вы что? Попробачить?

— Я водолаз.

— Водолаз? — удивился старик.— Чрезвычайно любопытен. До седых волос дожил, а водолаза не видывал. И как же в воду лазите? Машина какая-нибудь или что?

— Зачем машина? — засмеялся Константин.— Легкий водолазный скафандр! Вот он, весь тут, в чехле.

Разговорились. Сосед Константина оказался интересным собеседником. Через час Константин уже знал, что зовут старика Трофимом Федоровичем, что прежде он работал старателем, находил, бывало, и большие слитки золота, и платину. Старика увлекли рассказы Константина о профессии водолаза, он внимательно слушал, расспрашивал.

Потом Трофим Федорович попросил показать скафандр, на свою большую курчавую голову примерил резиновый шлем и несколько минут просидел в нем, подмигивая через очки серьезными глазами. Взгляд у него был недружелюбный даже тогда, когда он улыбался.

Незадолго до Чесмака старик попрощался, поблагодарил за внимание и ушел. Константин разлегся на полке и

вздремнул под мерный стук колес. В поезде всегда хорошо спится.

А когда водолаз проснулся на станции Чесмак, он не нашел своего скафандра. «Неужели это Трофим Федорович?»

Кондуктор вагона подтвердил, что старик вышел в самом Чесмаке, что нес он какой-то багаж в брезентовом чехле.

На этом месте рассказ обрывался. Вот что написал дальше Павел Зырянов.

У ЗУБНОГО ВРАЧА

Капитан Карелов, начальник городской милиции, спустя три часа после разговора с Курасовым, ехал в милицейском «Москвиче» и нервничал. С самого утра у него ныл зуб. Он не мог ни о чем другом думать, кроме своего несчастного зуба, а назревали серьезные события. Надо было что-то предпринимать.

Капитан взглянул в окно, и в это время мелькнула вывеска над одним из подъездов двухэтажного дома: «Зубной врач. Прием...» Карелов больше не стал читать, он крикнул шоферу: «Стой!», — вышел из машины и решительно направился к входной двери.

В приемной врача было пусто. Никого не было и в кабинете. Маленький сгорбленный врач усадил его в кресло среди блестящих орудий зубной пытки. Капитан был человеком бывалым и решительным, однако, и он с опасением посмотрел на них.

Врач извинился, сказав, что ему нужно сначала кое-что приготовить. Зуб внезапно утихомирился, и капитан стал спокойно рассматривать кабинет.

В приемной хлопнула дверь. У капитана был острый слух, поэтому он услышал даже, как поскрипывала обувь на ногах пришедшего. Потом капитан услышал, как пришедший опустился на стул. Капитан, рассматривая кабинет, ловил звуки в приемной, думал о последних загадочных событиях, но ни на чем не заострял своего внимания.

Через некоторое время в приемную вошел еще кто-то. Приглушенно забубнили два голоса: один дребезжащий, простуженный, другой густой. Первый голос насторожил Карелова: кажется, о таком говорил Курасов. Беседа велась так тихо, что начальник милиции разбирал только отдельные слова:

«Пруд...», «за работу...», «мой адрес...», «как можно скорее...»

В эту минуту над самым ухом Карелова пропел сладенький голос врача:

— Откройте, пожалуйста, рот.

Карелов разинул рот. После осмотра врач заявил, что зубу требуется капитальный ремонт. Зажужжала бормашина, и голоса перестали быть слышны. Когда врач временно выключил бормашину, Карелову снова удалось уловить отрывочную фразу, сказанную густым голосом:

— В поезде я... скафандр...

Карелов едва дождался, когда, наконец, врач сложил свое оружие. Он расплатился с ним и вышел в приемную. Там сидел почтенный старик в черном костюме, кирзовых сапогах и читал газету. Больше никого не было. Капитан окинул старика быстрым внимательным взглядом, спустился по лестнице и вышел на улицу. Здесь он натолкнулся на какого-то белобрысого мальчугана лет двенадцати.

Приехав в управление милиции, капитан спросил лейтенанта Воробьева:

— Водолаз приехал?

— Приехал,— ответил Воробьев и открыл рот, чтобы что-то еще сказать, но капитан перебил его:

— Скафандр привез?

— Украли,— ответил лейтенант.

— Так я и знал,— нахмурился Карелов.

Лейтенант раскрыл рот теперь от удивления: откуда капитан знал это?

Капитан в раздумье поскреб щетинистый подбородок: он решил, что сейчас нужно узнать фамилию старика в кирзовых сапогах и выписать новый скафандр из Свердловска.

ВТОРОЙ НЕПТУН

— Ну, рассказывай,— строго сказал Вадим,— где сегодня Нептун был?

Вовка оглянулся кругом: на аллеях сквера было пусто. Он придвинулся к Вадиму и зашептал:

— Сегодня Нептун к зубному врачу ходил.

Вадим разочарованно присвистнул.

— Нет, ты погоди,— заторопился Вовка.— Когда Нептун у врача был, туда же зашел другой старик, такой курчавый, в очках. А потом через час этот курчавый пришел к Нептуну на дом. Так что второй Нептун появился.

— М-да,— промычал Вадим.— А где сейчас эти Нептуны? Ведь ты три часа дежурил.

Лицо Вовки сразу стало постным.

— А я потом на минуту домой забежал... Ну, понимаешь, кусочек взять... а меня мама задержала и только что отпустила.

Вадим вскочил.

— Кусочек взять! — яростно передразнил он.— Да ты знаешь, Шерлок Холмс мог по несколько дней... Да знаешь, Нил Кручинин... Да, впрочем, был ты Вовкой, Вовкой и остался! А тут такое... Что же мы болтаем?! Может, они там уже сейф достают! — трагически взмахнул руками Вадим.

Друзья побежали на пруд. Там они увидели, как оба Нептуна одеваются и отжимают свои бороды и волосы. Но сейфа около них не было.

— Ты следи, а я сбегаю домой и принесу все наше,— торопливо прошептал Вадим.

Нептуны скоро ушли, а потом вернулся Вадим со всей амуницией. Мальчики натянули маски с воздушными трубками и поплыли к заветному месту.

Все так же стояли тракторные сани и сейф, обросший мохнатыми водорослями. Вдруг Вадик схватил Вовку за локоть и оттащил на несколько метров от саней. Там в иле торчало колесо трактора. Трактор был, вероятно, маленький, старой марки, ил почти занес его.

РЕЦЕПТ

В кабинет врача вошли сразу двое.

— По одному, в порядке очереди...— начал было врач, но осекся: на посетителях была милицейская форма.

Впереди был молоденький лейтенант с щегольскими усами, а сзади рядовой, который плотно прикрыл за собой дверь.

— Я не... У меня есть патент... Я...— развел руками врач, да так и остался в этой позе, лихорадочно вспоминая свои грехи.

— Не беспокойтесь,— проговорил лейтенант,— мы к вам вот по какому поводу. Полтора часа тому назад у вас был капитан милиции?

— Да, был,— ответил врач, почувствовав облегчение.

— Кого же вы после него приняли?

— После него? Пойдите, вспомню... Да, был один такой старик.

— В черном костюме и кирзовых сапогах?

— Да, пожалуй, вы правы.

— Вы не помните его фамилии?

— Фамилии? Я ее и не знаю!

— Как так?

— Он у меня первый раз. Незначительное повреждение зуба. Расплатился и ушел. А старик ничего себе: говорит культурно, и золотой перстень на пальце.

— Значит, не знаете фамилии? Досадно. Ну, может, после себя что-нибудь оставил?

— Плату оставил, а больше, кажется, ничего.

Лейтенант вдруг заметил у ножки кресла свернутый листок бумаги. Он поднял его, развернул. Это был использованный рецепт на имя Николая Ильича Сикорского.

— Не его, случайно?

— Возможно. Я близорук, сейчас только ее увидел.

— Занятно,— промолвил лейтенант и как бы невзначай добавил:— Этот старик— квалифицированный спекулянт. На него и в Свердловске и в Ижевске охотились, да никак поймать не могли. Будьте здоровы. Извините за беспокойство.

Прямо от врача лейтенант Воробьев направился в адресное бюро. Там сообщили, что Николай Ильич Сикорский живет по Кауровской 43, пенсионер, 63 года.

НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ

Дневной свет едва пробивался между прикрытыми ставнями, и полосы его освещали густой махорочный дым, висевший в комнате. За столом, уставленным бутылками и закуской, сидели двое. Журчала водка, наливаемая в стаканы. Глухо переплетались голоса.

— А помнишь, как в четырнадцатом году мой папаша Мишку Скоробогатова обжулил? Ловко, а?

— Были времена. Еще мой отец за

турецкую войну награду и чин генеральский получил.

— Мы с папашей тогда Мишку Скоробогатова на пять тысяч вокруг пальца обвели.

— Бывали времена. Я сам в германскую войну получил чин поручика.

— Теперь одна надежда— на сейф!

— Достанем его, и тогда Уньгва наша.

Внезапно раздался стук в дверь: Оба вскочили. Загорелась лампочка, осветив грязный пол и обвешанные тенетами стены. Высокий старик пошел открывать. Вошел немолодой полный офицер-пожарник. Его быстрые глаза зорко окинули комнату, лишь на мгновение остановившись на стариках и на единственном, что висело на стене,— портрете молодой красивой дамы с обнаженными плечами.

— У вас здесь все в порядке по технике противопожарной безопасности?— спросил офицер.

— Как будто все.

— Так-так,— пробормотал офицер,— железный лист у печки есть, провода изолированы. Все в порядке. Извините, что нарушил вашу приятную беседу. До свидания!

— Носит тут всяких,— пробормотал высокий старик в кирзовых сапогах, закрывая за ним дверь.

Снова погас свет, и в затхлом полумраке приглушенно зазвучали голоса.

Капитан Карелов, одетый в форму пожарного, шел по улицам Чесмака. Было еще утро, и солнце не припекало.

Быстрый, но легкий ветер ворошил зеленые космы кленов. Пробегали сияющие автомашины. Взметывались в небо стрелы кранов.

Карелова обогнала стайка ребятишек с удочками и ведерками. Долго еще были слышны их звенящие голоса. Карелов невольно улыбнулся и снова погрузился в свои мысли.

Не завтра — послезавтра пришлют новый скафандр. Тогда загадка разрешится. Сейчас же нужно получить фотографию курчавого старика в очках, чтобы узнать, он ли похитил

скафандр. Это дело можно поручить бригаде содействия милиции. В Сикорском капитан не сомневался: Сикорский замышляет какую-то аферу, вчера сидел в приемной врача.

ВОСКРЕСШИЙ ПРОФЕССОР

Старшина Костоусов стоял на перекрестке и регулировал движение. Правда, движение в Чесмаке не бог весть какое, но в каждом уважающем себя городе на перекрестке должен стоять милиционер.

И вот, когда смена старшины Костоусова уже близилась к концу, он взглянул на тротуар и застыл на месте от неожиданности.

Оцепенение длилось секунду, старшина быстро протер глаза и вновь устремил свой взор на толпу. Его усы приподнялись вверх, и от этого лицо стало похоже на циферблат часов, когда они показывают без десяти два. Но затем старшина вновь принял невозмутимый вид, вследствие чего стрелки-усы стали показывать без пятнадцати три. С решительным видом старшина покинул пост и подошел к почтенному престарелому гражданину в пенсне и шляпе, который только что перешел улицу. Костоусов откозырял и обратился:

— Извините, можно вас на минутку?

— Пожалуйста,— густым басом ответил гражданин, удивленно взглянув на милиционера с высоты своего роста.— Разве я нарушил ваши правила?

— Нет... Но дело в том... Короче говоря, как ваша фамилия?

— Зачем вам? Хотя... что ж, извольте: Бабушкин.

— Профессор?

— Совершенно верно.

— Не зайдете ли вы к нам в отделение? Там чемоданчик ваш.

— Мой чемодан? Какой? Какими судьбами?

— Не могу знать. Зайдете — узнаете. Имею честь...

Спустя час Бабушкин был в кабинете Карелова.

— Мне говорили о каком-то чемодане,— начал он, назвав себя.

— Да, у нас есть ваш чемодан,— кивнул Карелов и обратился к помощнику Воробьеву: — Принесите, пожалуйста.

Когда чемодан был внесен, на щеках профессора выступили багровые пятна, с носа свалилось пенсне. Не веря своим

глазам, профессор ощупал чемодан, открыл его, с нетерпением выбросив белье, прочитал монограмму и лишь тогда сказал, выпрямившись:

— Да, это мой чемодан. Но как он к вам попал?

— Был брошен одним подозрительным лицом, когда мы пытались задержать его. Но позвольте теперь вас спросить, как вы его потеряли?

Волнение профессора улеглось, он подумал и начал.

Это было в 1944 году. Шел третий год войны с гитлеровцами. Тогда каждый советский патриот всеми силами старался помочь стране. Не хотел оставаться в стороне и он, Бабушкин. По его расчетам, на Северном Урале, а именно в районе долины реки Уньгвы, таятся огромные запасы золота. Стране нужно было золото, и вскоре была снаряжена геологическая экспедиция во главе с ним. Река Уньгва протекает в глухой тайге. Экспедиция отправилась с базы в Чесмаке в конце июня. Они были далеки от цели, когда неожиданно заболел он, профессор Бабушкин. Он не мог задерживать экспедицию, а потому остался в первом населенном пункте, а потом вернулся в Чесмак.

Кроме него, в составе экспедиции было четверо геологов и двое проводников.

В середине сентября в Чесмаке была получена радиограмма, сообщавшая, что в долине Уньгвы действительно обнаружены громадные россыпи золота, выходящие даже на поверхность земли.

Он не выдержал и выехал навстречу возвращавшейся экспедиции. Оказалось, что после открытия месторождения один проводник сбежал, а другой потребовал расчета. Наняли других проводников: одного молодого и двух стариков. Эти проводники профессору не понравились. Особенно обращал на себя внимание один из стариков. Злобный и желчный, этот старик не скрывал своего отрицательного отношения ко всему советскому. Бабушкин запомнил фамилию этого старика: Мартынов. Второй старик больше молчал, но чувствовалось, что он скрывает что-то, чего не в силах скрыть его сотоварищ.

Нет, положительно профессору не везло в этот год. Он вновь заболел и остался в какой-то деревне. Экспедиция двинулась дальше на Чесмак. Последний раз

эту экспедицию видели 22 ноября 1944 года в одном селе. В экспедиции недосчитывалось двух членов: геологов Федорова и Винклера. Трагическая случайность оборвала их жизни.

Экспедиция обработала материалы и отправилась в Чесмак на тракторных саянах. В пути разыгралась страшная вьюга.

С тех пор Уньгинская экспедиция словно в воду канула: не только места гибели, не найдено даже ни малейшего следа экспедиции.

Профессор простудился и заболел. Он уехал в Ленинград лечиться и затем пробыл там до сего времени.

Этот чемодан он оставил с экспедицией, когда заболел во второй раз. Сейчас, увидев чемодан, он подумал, что наконец-то найдены кое-какие подробности исчезновения Уньгинской экспедиции.

Старый профессор умолк и тяжело задумался. Капитан Карелов осторожно прервал его размышления:

— Скажите, а с тех пор на Уньгву не посылались экспедиций?

— Несколько лет тому назад, но безрезультатно. Не так-то просто найти золотые месторождения: долина велика, дика и труднопроходима.

Карелов открыл папку и достал фотографию курчавого старика. Фотография была получена утром, но ее уже показывали водолазу Ваулину, и тот признал в нем похитителя скафандра.

Капитан протянул Николаю Михайловичу фотографию. Профессор долго всматривался и, наконец, произнес дрогнувшим голосом:

— Это Мартынов.

Вошел дежурный и доложил капитану о получении скафандра.

— Почему вы раньше меня не вызвали?— спросил профессор.

— Мы думали, вы...— замялся Карелов.

— Проживаю уже в некрологе?— засмеявшись, подхватил Бабушкин.— Рано еще. Мне всего семьдесят пять лет.

«СПАСИТЕ!»

Было двенадцать часов ночи, когда водолаз Ваулин возвращался из кино в гостиницу. Стемнело, не было видно ни единого прохожего, на асфальте колебался тусклый круг света, падающий от фо-

наря. Ваулин поежился от ночного холода и вспомнил, что из Свердловска прибыл новый скафандр. «Будет завтра рабобенка»,— подумал он.

Из-за угла вышли двое мужчин и направились к Ваулину.

— Скажи-ка, парень, как отсюда пройти к ближайшей закуской?— спросил один из них, субъект невысокого роста, но широкоплечий, с кепкой, надвинутой на самые глаза.

— Я нездешний,— ответил Ваулин. Он начал смутно беспокоиться.

— Ну, а все же...—дохнул на него субъект винным перегаром.

Второй мужчина зашел за спину Ваулину.

Внезапно где-то звякнула калитка.

Тотчас же Ваулин почувствовал, как что-то вонзилось в его бок, как неожиданно стала липкой рубашка, как ватная усталость разлилась по телу и подогнулись колени. Боли он почему-то не почувствовал.

— Спасите!— прокричал громким чужим голосом Ваулин.

Потом истерический женский визг дошел до его сознания:

— Коля! Там кого-то режут!

Последнее, что он слышал, это был удаляющийся топот ног.

* * *

В этот вечер капитан Карелов засиделся за полученным по подписке пятым томом Романа Роллана. Жена и сын уже спали. Развалился в кресле с видом человека, славно поработавшего за день, капитан наслаждался чтением любимого писателя. Рядом одиноко горела настольная лампа.

Внезапно взвизгнул телефон на столе. Карелов торопливо снял трубку. Звонил дежурный лейтенант Конопатов.

— Товарищ капитан, непредвиденный случай: сейчас двое неизвестных напали на водолаза. Доставлен в тяжелом состоянии в больницу. По-моему, нужно немедленно начать следствие.

— Да, да! Немедленно начинайте!..

Капитану стало досадно. «Вот уж этот Ваулин, вечный неудачник!»— подумал он, отлично сознавая, что Ваулин не виноват. Карелов знал, что он сейчас отложит книгу, встанет, наденет китель и отправится. Но как не хотелось делать это-

го! Хотелось погасить свет и лечь спать, послав к черту все эти происшествия. И в мозгу сразу родился предлог для этого: «Разве я не доверяю своим помощникам? Конопатов и Воробьев могут отлично все расследовать».

Нет, часовой не должен спать! Часовой должен быть на посту. А он часовой! Он поставлен на трудный пост! Он не должен подчиняться своим слабостям!

Все это капитан Карелов скорее не подумал, а почувствовал. Он надел китель, написал записку жене, погасил свет, мимоходом поцеловал спящего сына и вышел, захлопнув дверь.

* * *

Преступников не удалось настигнуть. Получили только слиток с глубокого следа, оставленного в газоне, и отпечатки пальцев на ноже, который преступники второпях даже не вынули из раны.

РЕШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОВ-АМФИБИЙ

— Ну, и развелось же в нашем пруду Нептунов! — озабоченно покачал головой Вадим. — Целых три! Два старых и один молодой. Вот опять кто-то идет.

Друзья поспешно надели все принадлежности человек-амфибий и, стараясь быть незамеченными, вошли в пруд.

К берегу приблизились два старика, потом откуда-то взялся здоровенный детина лет тридцати пяти. Все Нептуны были в сборе.

Вовка и Вадим подплыли к прибрежным камышам и высунули головы. Среди камышей их не было видно.

— Ну, Федор, баллоны готовы? — спросил старик в кирзовых сапогах.

— Готовы, — ответил детина, — прочно склеил — не разорвешь.

— Эх, — вздохнул курчавый старик, — если б я поподробнее узнал о скафандре, я б его надел и моментально вынул сейф.

— Чепуху мелешь, — отрезал высокий старик, — чтобы носить да с толком скафандр, водолазы пять лет учатся. В общем, завтра в четыре часа утра всем быть здесь. Ты принесешь баллоны, ты пойдешь со мной — пригоним две лодки. Бог даст, достанем. Сейчас — по домам.

Все трое разошлись.

Мальчики вылезли и сняли маски.

— Слышишь, завтра! — заговорщицки

толкнул Вадим Вовку в бок, когда они уселись рядом на песке.

Глаза у Вадима лихорадочно блестели, Вовка же насупил свои белесые брови и сморщил нос.

— Понимаешь, — начал Вадим, — я уже кое-что придумал. Мы их завтра...

Но Вовка перебил его:

— А, по-моему, нужно не завтра, а сегодня пойти в милицию...

— Как в милицию! — Вадим не ожидал противодействия со стороны друга.

— Тут, может быть, государственное дело, — сердито продолжал Вовка. — Думаешь, нас похвалят, когда узнают, что мы все знали, а молчали? Ты «придумал»! Да они тоже не лыком шиты. Вот и нужно в милицию сообщить. Если хочешь, это наш долг. Во!

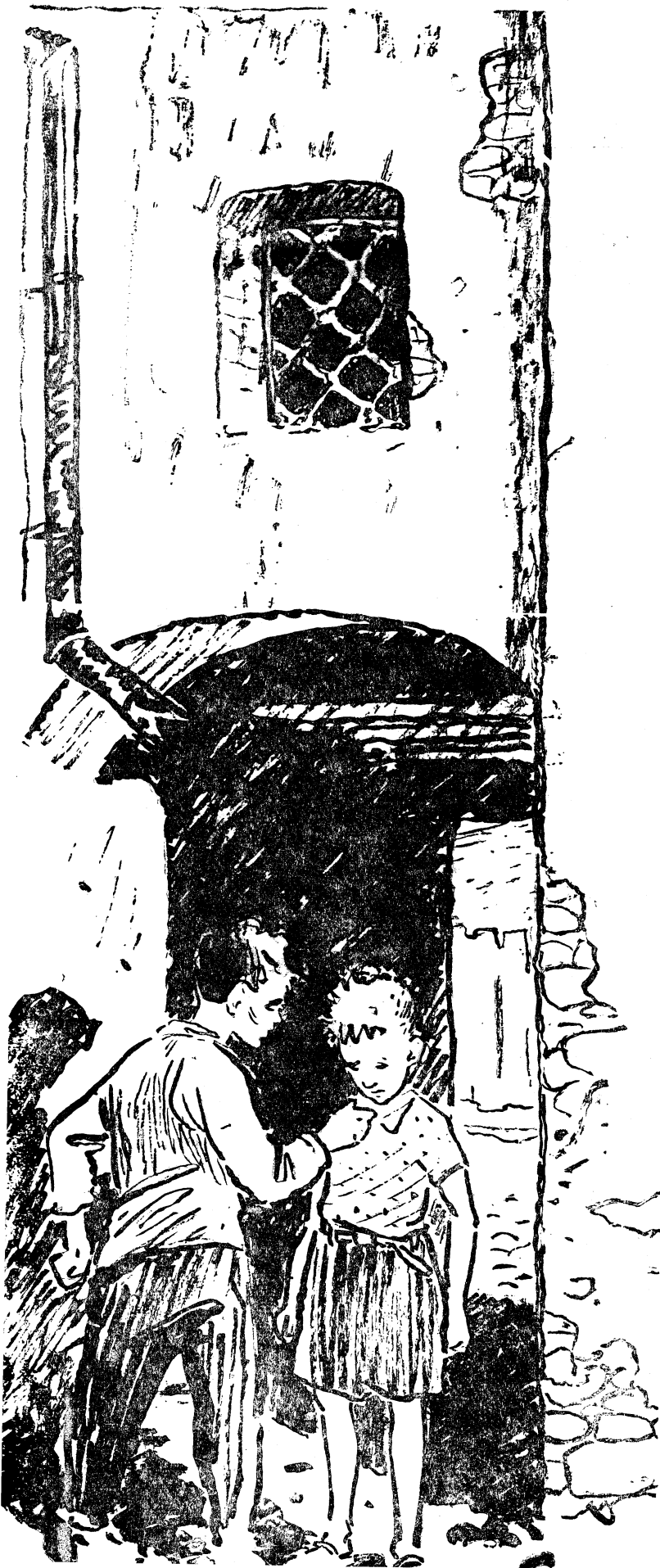
Вадим молчал: доводы друга были справедливы. Внезапно его глаза вновь загорелись:

— А что, если... — и он что-то горячо зашептал.

СРОЧНОЕ СОВЕЩАНИЕ

В кабинете Карелова собралось совещание. Тут, кроме Карелова, были лейтенанты Воробьев, Конопатов, Башкевич.

Капитан говорил неторопливо, негромко, постукивая ключом в такт речи.

— Мы, товарищи, собрались, чтобы обсудить дальнейший план действий в текущем деле. Я лично уверен, что это дело прямо связано с таинственным исчезновением Уньгинской экспедиции. Перед нами важное государственное дело. Мы должны непременно раскрыть его.

— Мы уже сейчас можем арестовать этих Сикорского и Мартынова. Улик достаточно, — сказал Башкевич, румяный, полнощекий лейтенант.

— Но мы можем арестовать только двоих, — возразил Воробьев. — А третьего? Помните того верзилу? У него еще Петр Зырянов чемодан отвоевал.

— Кстати, — задумчиво промолвил Копопатов, прищурился под очками, — мне что-то знакома эта фамилия... Мартынов... Да, это в Перми был промышленник Ефим Мартынов. В двадцать первом году его расстреляли за антисоветские действия. Мой отец еще у Мартынова в работниках был. Да, ведь у Ефима Мартынова был сын Осип!

— Ну, вот, — сказал капитан, — хотя мы формально и не доказали, но логически это совпадает: действия Мартынова подстать тому промышленнику Ефиму Мартынову.

Вновь заговорили о существовании дела. Вошел сержант.

— Товарищ капитан, там ребята пришли. Говорят, будто знают о каком-то сейфе в пруду.

— Пусть зайдут, — торопливо проговорил Карелов.

Подростки вошли в кабинет. Один был на голову выше своего товарища, худой, но ладный. Другой белобрысый, поплотнее первого мальчика, видимо, вполне признававший его руководство над собой.

— Ну, в чем дело, друзья? — спросил Карелов.

Высокий быстро и толково все рассказал и под конец попросил:

— Товарищ капитан, дайте нам какое-нибудь дело. Мы, честное пионерское, все сделаем, что прикажете.

— Хорошо, там подумаем.

Все стали высказывать соображения. Капитан предложил свой план действия. После непродолжительных споров он был принят с незначительными изменениями.

Ночью около пруда решили сделать засаду и поджидать трех рыбаков. Нашлось дело и для ребят. Они должны бы-

ли заблаговременно залезть на тополь, растущий около пруда, и карманным фонариком дать сигнал, когда будет вытасчен сейф.

Мальчики были несказанно горды. Но Вовка потом нерешительно заметил:

— А дома-то нас потеряют.

— Ничего, предупредим, — успокоили его.

НОЧНАЯ СХВАТКА

Четыре часа. Но еще темно. Чувствуется предрассветный холодок. Поживаясь, вдоль пруда шел невысокий мужчина со свертком под мышкой. Вот он остановился, огляделся. Послышался плеск воды. Из-за камышей выплыли две лодки. Минута... Другая... Лодки пробороздили днищами песок.

— Раздевайся, давай сюда баллон, веревку, — сказал человек, сидевший в одной из лодок.

Мужчина, зябко ежась, разделся, развернул сверток. В свертке были два пустых резиновых баллона, веревка и два автомобильных насоса.

Мужчина оттолкнул лодки и вскочил в одну из них. Лодки остановились там, где находился сейф. Человек быстро разделся, схватил веревку и нырнул. Через некоторое время он, как пробка, выскочил на поверхность, схватил один баллон и вновь нырнул. Потом снова вынырнул, взял другой баллон и опять скрылся.

Вот уже своеобразные понтоны подвешены. Из воды на поверхность от баллонов выходят трубки. На обеих лодках заработали насосы, нагнетая в баллоны воздух.

* * *

Злоумышленники с трудом вытащили сейф на берег. Мартынов с лихорадочной поспешностью схватил небольшой ломик и несколько раз сильно ударил по дверце. Она не поддавалась.

— Сильнее бей, сильнее! — выкрикивал Сикорский, озираясь по сторонам. — До рассвета успеть надо. В замок, в замок угодить старайся!

— Не мешай! — останавливал его молодой детина.

В азарте они не заметили, что с двух сторон подходят люди. Это подоспели работники уголовного розыска во главе с капитаном Кареловым.

Лучи карманных фонарей внезапно прорезали темноту и ударили в лица преступников.

— Руки вверх! — четко произнес Карелов.

Долговязый, подстегнутый окриком, выхватил пистолет и отпрянул в темноту. За ним ринулись и старики. Но они не смогли сделать и десяти шагов. Долговязый детина вдруг споткнулся, неестественно взмахнул руками и растянулся на земле. Нептуны повалились на него. Все трое рыча и ругаясь, копошились в куче, лихорадочно тряхивая что-то.

Карелов посмотрел на помощников.

— В чем дело? — спросил он у Воробьева.

Тот недоуменно пожал плечами.

Откуда-то сверху из темноты донесся счастливый голос Вадима:

— Товарищ капитан! Они в сети запутались! Мы сеть по берегу растянули, чтобы эти жулики убежать не смогли. Только вы, товарищ капитан, с рыбаками поговорите. Ругаться они станут...

— Ладно уж, — с улыбкой ответил капитан, освещая лучом фонаря сияющие лица приятелей, замаскировавшихся в густых ветвях тополя. — Слезайте!

— Товарищ капитан! — воскликнул Воробьев. — Они здесь так в сетях запутались, что, пожалуй, лучше будет в упаковке этой и на машину их погрузить.

Карелов, осматривая сейф, ответил: — Можно погрузить комплектом. Только общите их: у молодого был пистолет. Сейф тоже в машину! — и к ребятам, которые уже спустились с дерева: — Ну, следопыты, догадливые вы народ. Ловко поймали жуликов, ловко! Спасибо вам! Завтра часика в два-три прошу ко мне, а сейчас домой!

ТРАГЕДИЯ

УНЬГВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Перед столом Карелова на стуле сидел долговязый детина, задержанный у пруда, и угрюмо сопел, изредка вытирая ладонью потный лоб.

Говорил капитан:

— Федор Вишня, я рекомендую сердечно рассказать всю историю вашего знакомства и связей с Мартыновым и Сикорским. Нам известно, что вы сын одного из проводников исчезнувшей Уньгвинской

экспедиции, вы участвовали в покушении на водолаза Ваулина и не ради спортивного интереса вчера ныряли в пруд за сейфом.

Федор судорожно проглотил слюну, некоторое время помолчал и начал сдавленным голосом.

О том, как он познакомился с Сикорским и Мартыновым, лучше он не будет рассказывать: это неважно.

Он начал с того, как они поступили проводниками в Уньвинскую экспедицию, открывшую золотые месторождения. Поступили с определенной целью: украсть карты. Но геологи зорко стерегли карты. Достать их можно было, только уничтожив всех геологов. Сикорский и Мартынов подстроили гибель Федорова и Винклера. Ждали случая, чтобы покончить и с остальными. Случай настал. Они выехали в Чесмак на тракторных санях. Разыгралась выюга. Они как будто сблизь с пути. Мартынов сказал, что он выведет экспедицию на Чесмак. И он, действительно, вывел, но только вывел на пруд. Лед под трактором и санями не выдержал. Трактор и сани провалились, отец Вишни с сыном соскочили, захватив с собой чемодан. Тракторист и геолог, со-

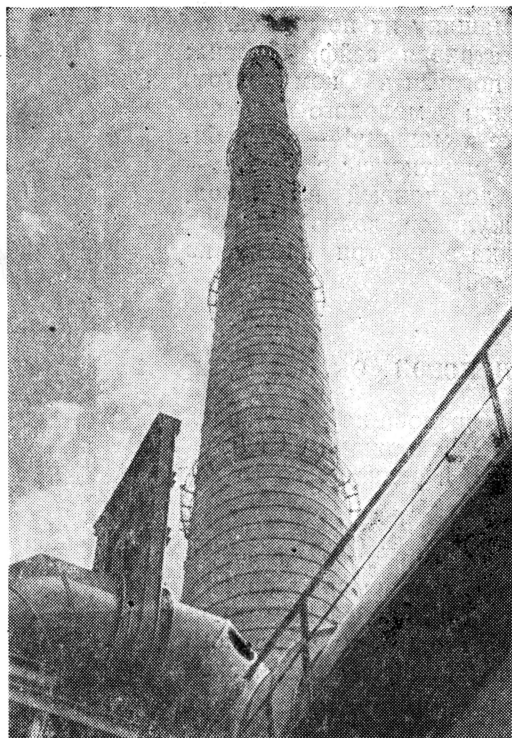
провождавшие сейф, утонули. К утру пролом во льду затянуло и занесло снегом.

Преступники разъехались по разным городам и долго выжидали. Год тому назад Сикорский разыскал его, Вишню. Они вместе переехали в Чесмак. Хотели вызвать Мартынова из Свердловска, но там его долго не отпускали с производства. Место же гибели экспедиции до точности знал только Мартынов, так как он туда завел экспедицию. Сикорский поручил ему, Вишне, снестись с Мартыновым. После многих просьб Мартынов, наконец, согласился выслать карту. Карта была выслана с одним непричастным к этому делу человеком. Паролем ему служил чемодан.

Достав карты, они хотели поехать на Уньгву и добыть там как можно больше золота.

* * *

Прошло несколько лет. На днях в газетах появилась короткая заметка о том, что на свою базу вернулась третья Уньвинская экспедиция, вновь подтвердившая запасы золота и других редких металлов в бассейне уральской реки Уньгвы.

САМАЯ ВЫСОКАЯ

Когда едешь к Ревде, попадаешь из Азии в Европу, — внимание привлекает гигантская заводская труба. Высоко над землей она выбрасывает то желтый, то белый клубящийся густой дым. Труба стоит среди корпусов Среднеуральского медеплавильного завода.

Житель здешних краев с гордостью скажет: это самая высокая труба в Европе — около 155 метров.

В 1934 году я, как газетчик, был очевидцем строительства трубы. Установлена она на огромной подушке из цемента и бетона, залегающего на несколько метров в земле. Тогда-то здесь впервые был применен электролифт, доставляющий на большую высоту кирпич и рабочих. На строительство трубы специальная приезжала бригада высотников-трубокладов из Мариуполя.

Об огромном масштабе этого гигантского сооружения судите хотя бы по одному такому примеру: через выходное дымовое отверстие трубы может проехать тройка запряженных лошадей.

И. ШУБИН

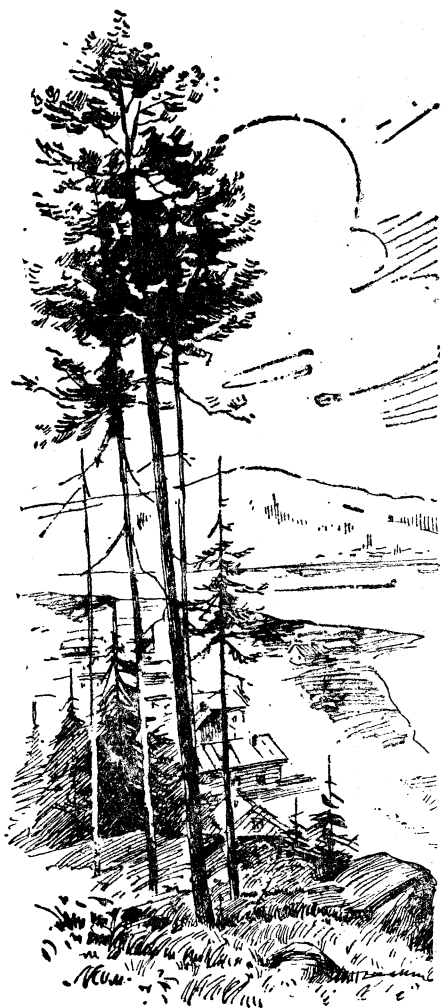
Уральские НАЗОВЫ

Назовь — назыв, названье, имя, кличка.

В шестом номере нашего журнала было приложение — документ-эстафета — для игры читателей «Следопытский маршрут». Игра сейчас в разгаре. Во все концы страны идут следопытские письма. Судя по присылаемым в редакцию отве-

там на контрольные вопросы, вступившие в игру следопыты больше всего затруднений испытывают при определении географических названий.

Печатаем в помощь следопытам заметки на эту тему.

Как называется город, село, в котором вы живете? Река, на которой стоит селение? Гора, что видна вдалеке? А почему именно так они называются? Что означает слово, взятое народом для названия?

Есть над чем задуматься следопыту!

ЯЗЫКОВЫЕ ЗАГАДКИ УРАЛА

Множество народностей побывало в нашем краю в разные годы его истории и немало живет здесь до сих пор. Почти каждая из них оставила свой след в географических названиях. Не всегда можно точно установить, из какого именно языка пришло то или иное название. Иной раз, данное одной народностью, оно перенимается другой и потом так изменяется, что языковеды, как ни ломают голову, никак не могут решить, что же оно означает, откуда оно, с какого языка?

Вот, например, слово Миасс. У киргизов есть похожее слово миаз — лук (растение). Но бывали ли в этом районе киргизы — таких сведений нет. Может быть, это слово из другого языка, но уже измененное до неузнаваемости?

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК

А

Алапаевск (тюркское: Ал — алый, красный, а п ай — хозяйка) — город в Свердловской области, Там — один из первых на Урале металлургический завод, поражавший когда-то своими зарницами воображение окрестных жителей.

Алтынай — Золотая луна (тюркское: алтын — золото, ай — луна) — озеро и станция на железной дороге Егоршино—Богданович Свердловской области.

Б

Билимбай (тюркское: билим — знание, б ай — богат) — речка на западном склоне Урала, впадающая в Чусовую, вблизи устья — Билимбаевский металлургический завод, славившийся мастерами-умельцами, знатоками своего дела.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК

Боец - Камень — скалистая гора на правом берегу реки Колвы в Пермской области. Название многих прибрежных скал на сплавных реках, особенно на реке Чусовой, — от того, что когда-то о скалы здесь разбивались лодки, барки, плоты лесосплавщиков.

Г

Гайва (комийское: гай — эхо, ва — вода) — река, берущая начало в пределах Пермско-Ильинского района Пермской области и впадающая в Каму. Она течет в крутых берегах, и эхо на ней — очень звонкое.

Глядены — название высокого берега различных рек, откуда открывается красивый вид на даль: в Сухоложском районе на реке Пышме, где теперь детский санаторий, в Курганском районе Курганской области — правый высокий берег долины Миасса.

Горный Щит — село в 12 километрах на запад от Свердловска на реке Уктус. До 1721 года называлось Верхним Уктусом. В. Н. Татищев выстроил в селе военное укрепление и дал ему теперешнее имя.

Громотуха — название многих небольших речек Южного Урала. В до-

Если слово Исеть производить от двух татарских слов: ис — запах и эт — собака, то почему река получила такое название — Собачий дух? А древнегреческий историк Геродот пишет о каких-то исседонах, живших на востоке Урала еще до нашей эры. Не от них ли — название реки Исеть? Об этом пока остается только гадать.

То же самое можно сказать и о реке Ис на севере Свердловской области. Можно предположить, что она названа так татарами, в их языке есть такое слово. Но вряд ли татары жили на этой реке. А вот манси жили. И у них есть похожее слово: из — камень. Это, пожалуй, вернее. А кто, когда и почему изменил звук з на с? Опять — загадка.

В северном Прикамье есть река Колва. Ее название — из слов разных языков. Здесь жили манси, а позднее пришли коми. У манси кол — рыба, я — вода. Так, наверное, у них река и называлась — Кол-я. А пришли коми и переделали окончание имени реки по-своему — ва, что тоже значит вода. Так Кол-я стала Колвой.

Зная, где какие народности жили и живут на Урале, легче разгадывать происхождение географических названий. На Южном Урале преимущественно жили и живут татары и башкиры. Поэтому и названия там большей частью происходят из этих языков. Северный Урал населяли и населяют манси, хантэ, коми-пермяки — поэтому там татарских, например, названий не ищи.

ПОЧЕМУ ТАК НАЗВАНО?

Если удалось определить, из какого языка название и что оно обозначает, то захочется знать и другое: а почему так названо то или иное место.

Это не всегда легко дается. Подчас наталкиваешься на названия, которые ставят в тупик. Надо очень хорошо знать историю и географию местности, чтобы правильно определить истоки ее географических названий.

Между городами Камышловом и

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК

ждливое время и весной они с громом катятся с гор, увлекая за собой огромные камни. Громотуха есть и в самом центре Златоуста.

Губдор (комийское: гэб — комар, мошка, дор — край, местность) — село Чердынского района, на тракте Соликамск—Чердынь; упоминается в документах уже в 1589 году.

Д

Думная — гора близ города Полевой на берегу реки Полевой. Есть предание, что Пугачев, собравшись на горе со своими товарищами, раздумывал: идти ему брать Сысертский завод или нет.

И

Индра — озеро в Тавдинском районе Свердловской области. Название — загадка. Небезынтересно отметить, что так называется индусское божество неба и атмосферы. Между прочим, в Тавдинском районе играющие дети, сходясь стенка на стенку, поют:

Индра, Индра где была?
Индра, Индра, на базаре.
Индра, Индра, ты зачем?
Индра, Индра, за овсом.
Индра, Индра, для кого?
Индра, Индра, для коня.
Индра, Индра, для какого?
Индра, Индра, вороного.

Ирбит — река и город на ней. По преданию, получили название от татарского мурзы Ирбея, поэтому раньше Ирбит назывался Ирбевской слободой.

К

Кликун, или Говорливый Камень, — нависшая над рекой Турой высокая скала близ Верхотурья. Звуки города здесь усиливаются, отраженные

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК

скалой, — то шум, то непрерывный гул. А в тихие вечера из скрытой в скале пещеры слышится то собачий лай, то детский смех, то песни, словом все, что доносится из города. С Кликуном связано много легенд.

Н

Нерпин-Сарих (по-мансийски — красное озеро) — озеро в районе горы Котум на Северном Урале. На дне озера — залежи красной глины, употребляемой как яркая краска.

Т

Темир-куба (по-татарски темир — железо, куб — много) — речка в Нагайбакском районе Челябинской области.

Теплая Гора. На Урале много горных дорог с длинным и крутым подъемом, на котором и лошадям и пешеходам невольно становится тепло. Отсюда и название гор, встречающееся в разных районах. Наиболее известна Теплая гора меж городами Кушвой и Чусовым, где стоит Теплогорский завод.

Требиятский поселок — в Нагайбакском районе Челябинской области — по имени реки Требия в северной Италии. Назван в память похода Суворова в 1799 году.

Ч

Чебаркуль (тюркское: чубар — пестрый, куль — озеро) — озеро и районный центр Челябинской области. Озеро «пестрое» от многочисленных островов на нем.

Тюменью есть селение Сугат. Тюркские слова суг — бить и ат — лошадь как будто ничего не объясняют. При чем тут битье лошади? Однако, оказывается, около этого селения есть трудный для конников затяжной подъем в гору, на нем усиленно подхлестывали лошадей.

Мы знаем, что первыми русскими поселенцами на Урале были выходцы из северных областей Московского государства. На карте края трудно увидеть, где именно они селились. Река и деревня Мезенка названы, очевидно, по реке и городу Мезени выходцами из Мезени, Каргополье — по городу Каргополю, Осташи — по городу Осташкову, Насонова — по старинному названию Вологды (этот город назывался когда-то Насоном).

В восемнадцатом веке на Южном Урале и в Зауралье создается Оренбургское казачье войско — сословие военных крестьян. Казаки принимали участие в многочисленных ратных походах. Возвращаясь из них и зачиная новые поселения и станицы, казаки давали им названия в честь своих памятных боев и завоеванных ими городов и крепостей. В результате на юге Челябинской области появились такие на первый взгляд странные названия, как Париж, Берлин, Лейпциг, Варна, Шипка, Балканы, Фершампенуаз и другие.

Переселившиеся в конце девятнадцатого — в начале двадцатого столетий в южное Приуралье украинцы, белорусы, народности Прибалтики принесли имена своим поселкам, такие, как Полтавка, Адамовка, Бреды и другие.

Многие названия отражают природу и богатства недр края. Изумруд, Рудное, Колчедан, Асбест, Мраморское, Железенка названы по имени минералов и горных пород. Осиновка, Сосновка, Березовск, Ельнишная, Кедровое, Черемухово — по растительности. Бобровка, Кабанье, Медвежье, Волчиха, Лосиный — по животным.

Изучите краткий географический словарь названий Урала. Составьте-ка по этому образцу и вы такой словарь для своего района.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК

Ш

Шайтанка — татарское: шайтан — черт) — название многих рек и речек, а по ним и селений на Северном и Среднем Урале. Эти места были когда-то страшными, пугающими людей своей глухоманью.

Шарташ (татарское: сор — круглый, таш — камень) — название озера и села около Свердловска. На берегу озера прежде было очень много камней-кругляшей, окатанных водой и льдом валунов. Есть они и сейчас.

Ю

Юрма — (башкирское: не ходи) — хребет вблизи города Карабаша. Юрма с продолжающим его Таганайским хребтом — постоянное место образования сильных гроз летом и метелей зимой. Юрма считается границей между Средним и Южным Уралом.

Я

Янган-тау (башкирское: янган — горящий, тау — гора) — невысокая гора в Малоязовском районе БашАССР. В ее недрах — горящие битуминозные сланцы. Выделяющиеся газы теперь используются на курорте, возникшем на склоне горы.

Любопытный ЗВЕРЕК

В ясный сентябрьский день долго бродил я по лесу, устал и на опушке одной полянки сел отдохнуть. В лесу стояла удивительно настороженная тишь, какая бывает только в период увядания природы. Отчетливо слышался каждый звук.

Прислонившись к дереву, я сидел, не шевелясь. Неожиданно по поляне пробежал светло-коричневый зверек с поднятым хвостиком и нырнул под корни большого пня. Это был горностай. Прошло несколько секунд, зверек показался с другой стороны пня, приподнялся на задних лапках и уставился на меня. Должно быть, это было его угодье, где он знал каждый предмет, а тут появилось что-то новое.

Я по-прежнему не шевелился. А горностай пристально посмотрит, спрячется, опять выглянет из другого места, но — никаких изменений. Потом он выскочил из своего убежища и умчался в другую сторону. Я вздохнул, расправил онемевшие ноги и хотел подняться, когда снова увидел мелькнувший в кустах знакомый силуэт. Я замер.

Зверек довольно близко подбежал и из-за дерева уставился на меня бусинками глаз. Потом убежал куда-то позади меня. Я не оглядывался. Через мгновение зашуршали листья с другой стороны. Медленно повернул голову, скопил глаза и увидел, как горностай, весь вытянувшись, рассматривает меня. Так интересна была эта мордочка, что я невольно рассмеялся. Горностай моментально скрылся с сердитым стрекотаньем.

Так я убедился, что этот зверек действительно очень любопытен. А раньше только слышал об этом от знающих людей.

Храбрый ЗАЯЦ

Однажды осенью мы охотились в пойме реки Яйвы. На берегах ее растут высокие кусты тальника, там и бродил товарищ, а я несколько ближе к лесу.

Вдруг слышу — выстрел, потом дру-

гой и крик товарища: «Скорей ко мне!» Подбежал и вижу, что он кого-то оттачивает прикладом ружья. Оказалось, что это заяц, у которого были ранены две лапки. Бежать он не мог. Когда охотник подходил, заяц с фырканием бросался на него, пытаясь укусить. Подставленный приклад ружья заяц так хватил, что один зуб глубоко вошел в ложе и сломался.

Видно, когда угрожает смертельная опасность, и заяц способен защищаться и нападать.

И. АВЕРИН,

А. Дюма Через Урал

У Александра Дюма есть роман „Записки учителя фехтования“. Он посвящен восстанию декабристов в России. На русском языке эта книга появилась впервые только в советское время, в 1925 году.

В основе романа — эпизоды из жизни декабриста И. А. Анненкова и его невесты, а потом жены, француженки Полины Гебль. Она, как и другие жены декабристов, поехала в Сибирь за своим мужем. Эту историю Александр Дюма узнал в Париже от бывшего учителя фехтования в Москве Гризье.

Многое не понял французский писатель в подвиге первых русских революционеров. Как всегда, он вольно обошелся и с историческими фактами. Но его роман „Записки учителя фехтования“ рассказал тогдашней Европе о восстании декабристов, о том, как с ними справился Николай I.

Любопытна для нас, уральцев, глава этого романа, где описывается переход через Урал, который Дюма понаслышке представлял себе необычайно диким краем. Незнание Дюма подчас вызовет и улыбку у уральцев.

Рассказ ведется от лица учителя фехтования, сопровождающего героиню романа к месту ссылки ее мужа.

Мы отъехали верст двенадцать, и только тогда совсем рассвело. Впереди были Уральские горы, кругом все было покрыто глубоким снегом. Чтобы убедиться, едем ли мы по настоящей дороге, Григорий останавливал лошадей, вылезал из саней, нащупывал дорогу шестом и, проделав это, объявлял, что мы едем по настоящей дороге. Когда нам попадались по дороге ручьи и речонки, Григорий, прежде чем ехать по льду, нессле-

довал, насколько прочен лед. В одном месте он нашел лед настолько тонким, что не решился пустить через него сразу все сани, и мы поодиночке переправились — каждые сани в отдельности.

Когда подъем в гору был очень крут, ямщики по приказанию Григория впрягали по нескольку лошадей в одни сани. Затем, когда сани эти переваливали через гору, лошадей впрягали в следующие сани, и так далее, пока, наконец, не переправились все сани. Конечно, такая езда отнимала очень много времени, и мы медленно подвигались вперед. Ямщики относились к нам очень дружелюбно, всячески стараясь нам услужить.

Далее дорога стала еще более трудной. Мы ехали шагом, а впереди нас шли два ямщика с длинными шестами в руках, которыми они все время нащупывали дорогу. В одном месте Григорий взял одну из наших лошадей под уздцы и сам повел ее, делая все время зарубки на деревьях для того, чтобы таким образом наметить обратный путь. Я воспользовался случаем размять немного свои затекшие члены и также пошел пешком.

К вечеру мы добрались, поднимаясь все время в гору, до ровной, открытой площадки в лесу. Здесь нам пришлось переночевать. Луиза находилась в санях, вся закутанная в меха, и несколько не страдала от холода. Но провести ночь под открытым небом мы не решились. По совету Григория мы все принялись за постройку шалаша. Топоры у нас были, и мы срубили тотчас же несколько деревьев, соорудив при помощи их нечто вроде шалаша для защиты от ветра. Внутри мы зажгли костер и стали готовить ужин.

Ямщики хотели провести ночь под открытым небом, но мы настояли на том, чтобы и они легли в шалаше. Один из них, которому я отдал свое ружье, стал на страже часовым для защиты от возможного нападения волков и медведей. С благодарностью мы вспоминали старую графиню Анненкову, снабдившую нас мехами, без которых нам пришлось бы плохо. Усталые, мы скоро заснули. Через несколько часов нас разбудил ружейный выстрел.

Я вскочил и, схватив пистолеты, бросился вперед, за мной побежал и фельдъегерь. Ямщики также проснулись. Некоторые с тревогой спрашивали, в чем дело.

Оказалось, что Григорий стрелял в медведя, который слишком близко подкрался к нашему шалашу.

Зверь был ранен, на что указывали обильные следы крови на снегу. Григорий велел своему сыну, бывшему также в числе ямщиков, идти за медведем и добить его.

Молодой ямщик наскоро соорудил рогатину, с которой бросился по следам медведя. Мы вернулись в шалаш. Так как сын долго не возвращался, то Григорий пошел разыскивать его, и мы с фельдъегерем пошли вместе с ним. Мы долго шли по кровавым следам и, наконец, услышали рев медведя. Через некоторое время рев этот повторился.

— Завтра у нас будет на обед хорошая медвежатина, — сказал Григорий.

— Разве ты не боялся, — спросил его фельдъегерь, — послать своего сына одного, только с рогатиной, против зверя?

— Нисколько, — отвечал он, — я убил на своем веку около десятка медведей и всегда шел на них один с рогатиной. Чего же мне бояться за сына?

— Однако я вижу, ты все-таки беспокоился о нем?

— Нет, я больше из любопытства. Хотя, конечно, все может случиться, а отец — всегда отец.

В эту минуту издали показался его сын. Подойдя к нам, он сказал, что медведь убит. Мы вернулись в шалаш; здесь все ямщики уже проснулись. Оказалось, однако, что сыну Григория не так-то легко далась победа над медведем: во время схватки зверь успел ударить его лапой по плечу и нанес ему рану. Мы хотели перевязать ее, но молодой ямщик отказался, сказал, что «и так заживет».

Старик Григорий и сын его сели в уголке, и здесь сын подробно рассказал отцу о своей схватке с медведем. Под этот тихий разговор мы с Луизой опять заснули, и больше уже ничто не нарушало нашего сна.

С раннего утра начались опять приготовления к дальнейшему пути. Подъем в гору предстоял нам уже не такой крутой, как накануне. Мы отправились тем же порядком: Григорий вел под уздцы нашу лошадь, а сын его и другой ямщик, идя впереди, длинными шестами нащупывали дорогу.

К вечеру мы добрались до вершины горы и должны были остановиться для того, чтобы остальные сани могли нас нагнать.

Между тем, небо покрылось тучами, и в воздухе стало как-то тихо до жуткости. Очевидно, к ночи готовилась перемена погоды. Ямщики озабоченно поглядывали на небо, не ожидая, по-

видимо, ничего хорошего. Я попросил фельдъегеря порасспросить, что так беспокоит их, и он, поговорив с ними, сообщил мне, что они ждут на ночь метели. Метель занесет все дороги, и так как здесь много обрывов и пропастей, то дальнейшее путешествие станет очень опасным. Этого я очень боялся, хотя всегда был готов к опасностям.

Как ни беспокоили эти мысли ямщиков, но голод все-таки взял свое, и они стали себе готовить ужин из медвежатины. Нам они предложили медвежий окорок, из которого мы приготовили себе редкое блюдо.

Наступили сумерки, а за ними темная ночь, мрак усиливался с каждой минутой. Лошади, выпряженные из саней, жались друг к другу с видимым беспокойством. Ветер набегал порывами, грозя сорвать нашу импровизированную палатку. Казалось, нам предстоит бессонная мучительная ночь. В палатке легли я и Луиза, а ямщики устроились в санях, опрокинув их и расположившись под ними на земле.

В некотором довольно далеком расстоянии от нас находилась целая гора веток; это ямщики приготовили для костра, который будет поддерживать по очереди всю ночь. Костер этот решили зажечь с целью поугарить волков, их, несомненно, привлечет сюда запах мяса. Эта мера показалась мне очень разумной.

Мы завернулись в свои меха и приготовились ждать наших двух врагов: волков и снега. Враги не заставили себя долго ждать: прошло не более получаса, как началась метель, и в то же время я услышал издали завывание волков. Последнее меня беспокоило гораздо больше, чем начинавшаяся метель, но, видя, что волки не приближаются, я понемногу успокоился и заснул крепким сном.

Я не знаю, как долго я спал, но вдруг я проснулся, почувствовав, что на меня упала какая-то тяжесть. Я хотел вскочить, но не тут-то было: что-то тяжелое лежало на мне, не давая мне пошевелиться. Я попробовал крикнуть, но голод мой был заглушен лежавшей на мне массой. В первый момент я решительно не мог сообразить, что случилось. Но потом я понял, в чем было дело: оказалось, что под тяжестью выпавшего снега палатка упала на нас.

С великим трудом мне удалось немного освободиться и высунуть из-под снега руки, затем я начал энергично отгребать снег и звать на помощь. «Первым прибежал на помощь сын Григория, который и помог нам выбраться».

Само собой разумеется, что о сне в эту ночь нечего было уже и думать. Снег продолжал падать такими крупными хлопьями, что совершенно засыпал в скором времени все сани, на месте которых образовались снежные бугры.

Около шести часов утра снег перестал падать, но небо оставалось хмурым, серым. Когда совершенно рассвело, Григорий, осмотрев внимательно небо, покачал головой и позвал других ямщиков. Они выползали из-под своих саней, покрытые снегом, а некоторых так занесло, что их пришлось откапывать. Светлее не становилось, несмотря на то, что было уже не так рано: день боролся с ночью, и ночь, казалось, одержит над ним верх. Погода ничего хорошего не предвещала.

Снег был так глубок, что всюду доходил до колен, а в более низменных местах люди про-

валивались до пояса. Конечно, все дороги исчезли, и ветер нанес местами огромные сугробы, совершенно скрывшие от глаз неровности почвы. Но нам нужно было подумать о дальнейшем путешествии, потому что дольше оставаться здесь было нельзя: у нас не было дров, провизии, — словом, ничего. Что было делать: идти вперед было очень опасно, но возвращаться назад — не менее опасно. Ямщики советовали вернуться, но мы и слышать не хотели об этом.

Григорий разделял наше мнение, что нужно ехать вперед. Ждать, говорил он, здесь дольше нельзя, может выпасть еще снег, который окончательно отрежет нам все пути. Поэтому нужно ехать, и как можно скорее: завтра, по его мнению, мы уже доберемся до «Катеринбурга».

Как ни привлекателен был для нас план Григория, но он заключал в себе много опасностей: все обрывы и неровности почвы были занесены снегом, и можно было легко провалиться. Это очень беспокоило ямщиков, которые советовали не трогаться с места в течение еще одного-двух дней, пока наметенные сугробы не осадут, и можно будет вернее находить дорогу. Однако, в конце концов, восторжествовало мнение Григория, и было решено ехать дальше. Предварительно фельдъегерю пришлось еще вмешаться в спор ямщиков и заявить им, что мы едем по высочайшему повелению и потому вернуться назад ни в коем случае не можем. Услышав это, ямщики перестали роптать и немедленно стали собираться в дорогу. Через полчаса мы были уже готовы и снова караваном потянулись вперед.

Впереди всех шел опять сын Григория с длинным шестом, нащупывая дорогу, а за ним в санях ехал сам Григорий. Непосредственно за ним ехали мы, а остальные сани вытянулись гуськом одни за другими. Дорога была очень узка, ограниченная с одной стороны стеной гор, а с другой — глубокой пропастью. Мы подвигались, конечно, очень медленно и осторожно.

Вдруг мы услышали крик: оказалось, что шедший впереди сын Григория провалился в пропасть. Мы выскочили из саней и бросились вперед на крик несчастного юноши. Рядом с нами бежал и его отец с длинной веревкой в руке. На некотором расстоянии от нас шел крутой обрыв, с которого и сорвался сын Григория, моментально засыпанный снегом. Прибежали и другие ямщики. Старик просил обвязать его веревкой и спустить в пропасть, но один из ямщиков вывался спуститься сам, говоря, что он сделает это лучше, чем Григорий.

Обвязали веревкой поперек тела этого ямщика, и мы, человек восемь, начали его осторожно спускать в глубокую пропасть. Через некоторое время он стал дергать веревку в знак того, что его нужно поднимать, и скоро он показался из пропасти с сыном Григория, который находился в бесчувственном состоянии. Мы занялись приведением его в чувство. Он скоро очнулся, после того как мы влили ему в рот изрядную дозу живительной влаги из моей бутылки.

Старик был счастлив, что сын его дешево отделался при этом падении. Молодой ямщик хотел по-прежнему идти впереди с шестом, но отец не позволил ему, и мы также запротестова-

ли. Вместо него, пошел другой, а самого его мы поместили в сани к Луизе, накинув на него по возможности больше мехов.

Мы продолжали наше путешествие, поминутно озираясь и нащупывая дорогу. Так продолжалось несколько часов. Мы миновали вершину горы и стали спускаться, но спуск требовал еще большей осторожности. Через несколько часов мы добрались до небольшого ровного места, вблизи роши. Так как никто из нас ничего не ел с самого утра, то мы решили здесь сделать привал и подкрепиться. Лошади также были голодны, и их нужно было покормить.

Какое счастье, что здесь были хвойные деревья! Нам достаточно было срубить одно-два из них, чтобы у нас получился великолепный костер, вокруг которого мы с удовольствием расположились, занявшись приготовлением пищи. Мне хотелось опять сварить медвежью лапу, но у нас не было времени на это. Поэтому пришлось нарезать тонкие ломти медвежатины и жарить их прямо на огне. Но и в таком виде мясо это показалось нам очень вкусным. Мы ели одно только мясо, так как хлеба у нас было мало.

Как ни коротка была эта остановка, но она дала нам возможность подкрепиться, а лошадям — отдохнуть. Через час мы снова пустились в путь: ехали мы без всяких приключений. Вдруг мы услышали страшный шум, как бы удар грома, который повторило эхо окрестных гор: сильнейший порыв ветра поднял тучи снежной пыли и обдал нас ею. Григорий моментально остановил сани и крикнул:

— Это обвал снега! Придется подождать, пока не стихнет буря.

Снежный вихрь прошел так близко от нас, что, если бы мы подвинулись вперед на какую-нибудь версту, он непременно захватил бы нас, и мы были бы в момент сброшены и засыпаны снегом. Ямщики, видя, что опасность была так близка и так благополучно миновала, снимали шапки и стали креститься.

Правду сказать, это происшествие не яви-

лось для нас совершенно неожиданным: еще накануне Григорий высказал опасение, как бы не попасть нам под обвал снега. Когда ветер совершенно успокоился, мы попробовали ехать вперед, но перед нами буквально находилась гора снега, объехать которую вследствие узости дороги было невозможно. Нужно было пробиться через эту гору снега, и мы попытались двигаться вперед. Однако, сделав несколько шагов, должны были остановиться, потому что лошади вязли в снегу буквально по брюхо. Их пришлось откапывать и вытаскивать, а из одних саней пришлось даже совсем выпрячь лошадей.

Несмотря на то, что было еще довольно рано, стало уже темно, и ночь быстро надвигалась. Теперь нечего было думать об устройстве какого-нибудь шалаша или палатки. Мы выпрягли лошадей и, составив круг из саней, поставили их в этот круг. Сами же разместились в санях, готовясь провести ночь под открытым небом. Мы поступили так на случай появления волков, так как, не имея огня, мы не могли держать их на почтительном расстоянии. Едва мы окончили эти приготовления, как наступила ночь.

Нас стало уже клонить ко сну, когда всех разбудил протяжный вой, раздавшийся совсем близко. Это были волки. Все мы повскакивали из своих саней, готовясь к защите. Волки были очень близко, но нападать на нас не осмеливались: их все-таки немного отпугивал слабый свет фонаря.

Прошло с полчаса. Волки окружили нас со всех сторон и, подвигаясь к нам все ближе, суживали кольцо, в которое мы были заключены. Один из них отделился от стаи и приблизился к нам. Я приготовился стрелять в него.

— Стреляй! — крикнул Григорий.

Раздался выстрел — и волк упал. В ту же минуту на него набросились несколько волков из стаи и стали разрывать его на части.

На некоторое время мы могли быть спокой-

Знаешь ли ты календарь?

У этой книги необычное название — «Когда?». Написал ее Я. И. Шур. Рассказывается в ней о календаре.

Сотни поколений трудились над его созданием, но он все еще далек от совершенства. Одни и те же числа месяцев приходятся на разные дни недели, кроме того, эти числа перескакивают каждый год на 1—2 дня вперед. Месяцы тоже отличаются друг от друга: в одних по 31 дню, в других по 30, а в феврале 28 или 29 дней.

Существующий календарь унаследован от римлян. Он называется Юлианским по имени Юлия Цезаря, который ввел его 2000 лет тому назад, с 1 января 45 года до нашей эры, перекроив старый римский календарь. Этим и объясняются в нашем календаре названия месяцев по именам римских богов, императоров и по числительным. Февраль в старом римском календаре был последним месяцем и назывался именем

бога смерти Фебруо. Этот месяц посвящался памяти умерших. Месяц июль получил свое название позднее в честь самого Юлия Цезаря. Месяц декабрь, что значит «десятый», стал двенадцатым, так как Цезарь перенес начало года на два месяца назад с 1 марта на 1 января.

Семидневная неделя перешла к римлянам из календаря халдеев, у которых число «семь» считалось священным.

Какие были в древности календари, как и кем они создавались, почему у нас укоротили 1918 год на 13 дней, какие существуют проекты преобразования календаря в будущем и о многом другом, узнаешь, прочтя эту книгу.

Н. БОЯРШИНОВА

ны: волки отошли дальше и держались на приличном расстоянии. Но завывание их не прекращалось. Временами оно настолько усиливалось, что казалось, число их сильно возрастает.

— Глянь-ка,— сказал Григорий,— как беспокоятся лошади: стало быть, волки держатся неподалеку.

В это время несколько волков, отделившись от стаи, бросились на нас. Они бежали прямо на поставленные в цепь сани, готовясь, очевидно, перескочить через них и атаковать лошадей. Нападение это было так стремительно, что мы едва успели дать им отпор. Так мы провели всю ночь. Когда волки становились уж слишком смелы и слишком близко подходили к нам, мы стреляли. И это на некоторое время давало нам передышку. Всего мы убили за ночь семь волков, так как, кроме меня, стрелял еще фельдшер, у которого тоже оказался пистолет.

Когда начало светать, волки оставили нас в покое. Мы решили сейчас же запрягать и ехать. Часа через три мы добрались до маленькой рощи. Ямщики очень обрадовались, так как от нее было недалеко уже до жилья. Спустившись с холма, мы, к великой радости нашей,

увидели деревушку и через некоторое время уже остановились у первой избы. Здесь мы переночевали, и этот ночлег после всего перенесенного показался нам раем.

На следующий день мы расстались с ямщиками, которые поехали в другую сторону. Мы оставили им пятьсот рублей и благодарность за все, что они для нас сделали.

Начиная с этого момента, все пошло у нас опять хорошо. Мы были уже в Сибири, которая тянется к северу до Ледовитого океана и представляет собою сплошную равнину без всяких возвышенностей. Благодаря фельдшеру, нам всюду давали лучших лошадей, а ночью нас сопровождало обыкновенно несколько верховых ямщиков, скакавших по обеим сторонам наших саней.

Мы проехали Екатеринбург, не остановившись здесь и не посетив великолепных магазинов цветных и драгоценных камней. После всего, что мы перенесли в эти последние три дня, город этот показался нам красивым и богатым. Затем мы проехали через Тюмень и вступили в Тобольскую губернию. Спустя семь дней после страшного перевала через Урал, мы ночью въехали в самый Тобольск.

КАК НАЗЫВАЛИСЬ МЕСЯЦЫ

Декабрь

Древние славяне называли декабрь по характерным природным и климатическим особенностям. Об этом можно судить по тем названиям, которые дошли до нас в древних рукописях и сохранились в некоторых славянских языках и сейчас.

В современном чешском языке декабрь называют просинец (от слова просинь). Но в древней Руси так чаще именовали январь. Видимо, в этот период небо становилось светлее, голубело.

Древнеславянское название декабря — студень — сохранилось в современном белорусском языке. А почему месяц так назван — понятно, наверное, всем: ведь на дворе студено, холодно, все замерзает, покрывается слоем льда. Поэтому у древних славян было и другое название — ледень, от слова лед. Оно сохранилось в современных польском и чешском языках, но в значении января.

О. БУЛГАКОВА

Выползок

Когда у змеи отмирает наружный слой кожи, а под ним появляется новая, змея снимает с себя «старую одежду». Отслаивание кожи начинается по краям рта, ороговевшая кожа отделяется от челюстей. В этот период змея очень беспокойно ведет себя: извивается, стараясь зацепиться чешуйками кожи за какие-нибудь неровности, и так постепенно вылезает из собственной кожи, вывернув ее наизнанку. В народе называется этот змеиный чехол выползком.

Желтого об обезьянах

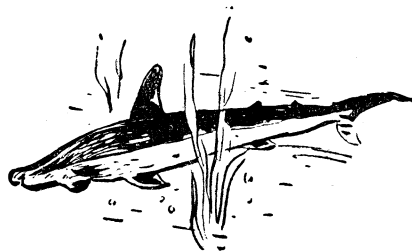
Обезьян на свете великое множество, и среди них есть очень интересные семейства. На острове Борнео живут носатые обезьяны. Нос у них походит на хобот. Глубокая борозда проходит вдоль всего носа. Как и хобот, нос, подвижен. У старых самцов, бывает, он свисает ниже подбородка. Шерсть у таких обезьян буро-красного

цвета, местами переходит в желтый или серый.

А в Африке водятся бабуины — желтые павианы. Питаясь растениями, мышами и пауками, эти обезьяны нападают и на крупных животных. Очень часто их жертвами оказываются антилопы. На ночь обезьяны эти обычно забираются на деревья.

Молот-рыба

В тропиках и субтропиках Атлантического океана встречается рыба, по внешнему виду напоминающая обыкновенный молот. Форму молота придает ей голова с двумя большими выростами по бокам. В каждом из выростов — по глазу. Таким образом, у рыбы-молот получается как бы широкоэкранный обзор. Это помогает ей в охоте

на других рыб. Молот-рыба — хищная, принадлежит к отряду акулообразных. Вес ее доходит до 400 килограммов, а длина — до 4 метров.

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (зам. главного редактора), Ю. Койнов, Ю. Курочкин (редактор отдела науки, техники и краеведения), Л. Сорокин, Л. Неверов, Г. Перебатов, Кл. Рождественская, В. Шустов (редактор отдела прозы и поэзии).

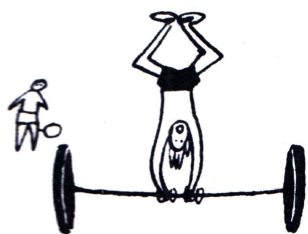
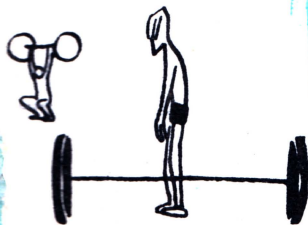
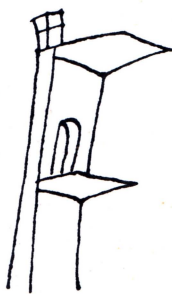
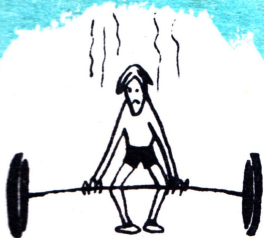
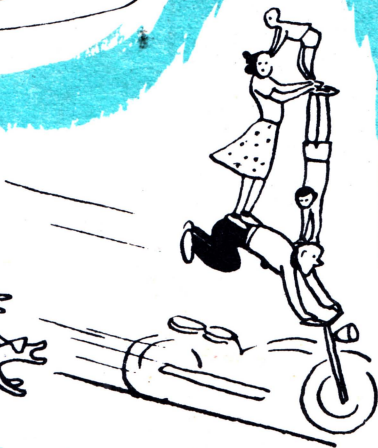
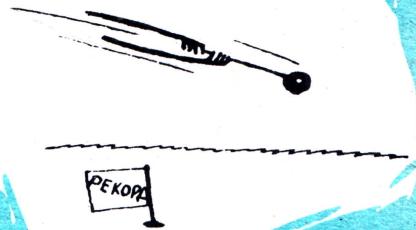
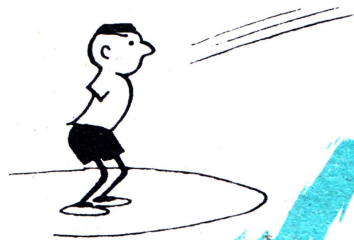
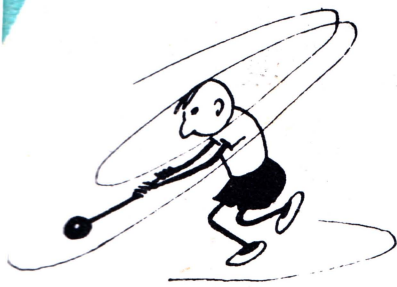
Обложка художника В. Воловича.

Адрес редакции: г. Свердловск. ул. Малышева, 24. Тел. Д1-22-40. Рукописи не возвращаются. Художественный редактор Я. Черников. Технический редактор Т. Меньщикова. Корректор О. Булгакова.

Подписано к печати 13/ХІІ 1958 г. Бумага 84×108/16=2,5 бум. л.—8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 9,5. НС 45667: Тираж 50 000. Заказ 382. Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, ул. имени Ленина, 49. Обложка и вкладка отпечатаны в Свердловской хромолитографии.

Спортивные картинки

У. Морозов 4/22.3.50

С НОВЫМ ГОДОМ!

ФАНТАСТИКА

ПУТЕШЕСТВИЯ

ПЛЕННИКИ

Тьмалушей
Бездни

ГЕНЬКА -
Стальное
сердце

ЖЕЛНОЕ
ЖЕЛЕЗО

Их было
четверо

КРАСНЫМ
ДБЯ ВЛАЯТ